

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

782

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СУБЪЕКТИВНЫХ
ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТЕЙ
В ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Труды по правоведению

TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 782 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СУБЪЕКТИВНЫХ
ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТЕЙ
В ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Труды по правоведению

ТАРТУ 1987

Redaktsioonikolleegium: P.Kask (esimees), P. Järvelaid,
I. Koolmeister, H. Lindmäe, E. Salumaa

Vastutav toimetaja L. Saarnits

Редакционная коллегия: П. Каск (председатель),
П. Ярвелейд, И. Коолмейстер, Х. Линдмяэ,
Э. Салумаа

Ответственный редактор Л. Саарнитс

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА НА РАЗДЕЛ
ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ**
Х. В. Сепп

Жилищные отношения и их правовое регулирование затрагивают интересы каждого гражданина. Поэтому вопросы, возникающие в процессе применения норм жилищного права, требуют единообразного разрешения. К ним относятся и вопросы, возникающие при применении ст. 86 ЖК ЭССР. Некоторые соображения по вопросам раздела жилого помещения излагаются в настоящей статье.

Наниматель жилого помещения не вписывался ранее, не вписывается и теперь полностью в традиционную структуру основанного на договоре обязательства. Дело в том, что субъектный состав основанного на договоре найма жилого помещения обязательства не ограничивается сторонами этого договора. Как правильно отмечалось в литературе, на стороне нанимателя мы имеем дело со сложным субъектом — семьей / 1, с.18-19; 2, с.87/.

Субъектный состав этого договорного обязательства охватывает на стороне нанимателя кроме него еще и проживающих вместе с ним членов его семьи /3, с.24/. Такие члены семьи, не являясь стороной в договоре найма жилого помещения, становятся субъектами возникающего из него жилищного обязательства. В то же время семья как социальное образование весьма подвижна / 2, с.87/. Изменения в составе семьи могут привести и к изменениям в жилищном обязательстве. Раздел жилищного помещения приводит одновременно к изменению как предмета первоначального жилищного обязательства, так и его субъектного состава на стороне нанимателя и содержания. Под термином "раздел жилищ-

ного помещения" и понимается выдел из предмета первоначального жилищного обязательства доли жилой площади выделяющемуся члену семьи с заключением с ним самостоятельного договора найма жилого помещения и одновременным внесением соответствующих изменений в первоначальный договор. В нем будет сделана надпись о соответствующем уменьшении размера сданного в наем помещения / 4, с.129/. При разделе всегда заключается отдельный договор найма жилого помещения с выделяющимся членом семьи нанимателя и в результате этого он превращается в нанимателя выделенного ему помещения. При отсутствии такого отдельного договора нет и раздела жилого помещения. Не объяснения членов семьи о том, кто и какой комнатой пользовался, а такие договоры и лицевые счета являются доказательствами проведенного раздела / 5, с.22/. Иногда на основе этого делается вывод о том, что при разделе жилого помещения речь идет о прекращении прежнего договора и заключении нескольких договоров найма в отношении частей квартиры, получаемых членами семьи / 6, с.90-91/.

Представляется, что так как вышеуказанный отдельный договор заключается не взамен первоначального договора и последний сохраняется в измененном виде, то раздел жилого помещения относится к основаниям изменения договора найма жилого помещения. Изменение же первоначального договора одновременно приводит и к изменению субъектного состава и предмета первоначального жилищного обязательства / 35, с.110/.

4.1 ст.24 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (4.1 ст.24 ЖК ЭССР) устанавливает норму о посемейном заселении в качестве прави-

ла. Исходя из этого, в литературе высказано мнение, согласно которому от раздела придется отказаться, ибо он ведет к превращению отдельных квартир в общие / 7, с.51; 8, с.13/.

При разработке ЖК союзных республик это предложение принято не было. Г.И.Петрищева правильно указывает, что несмотря на безусловную нежелательность превращения отдельной квартиры в общую, раздел жилого помещения в случаях острых жизненных ситуаций выступает как эффективная мера, проверенная жизнью и судебной практикой / 9, с.75/. Нет сомнения, что раздел становился одним из средств устранения конфликтов по поводу использования жилых помещений членами семьи. Кроме того, вышеуказанная норма Основ относится к нормам, регулирующим основания и порядок предоставления жилых помещений. Содержащиеся же в ст.86 ЖК нормы относятся к нормам, регулирующим основания и порядок изменения возникшего жилищного обязательства, предметом которого выступает уже предоставленное жилое помещение. Поэтому представляется, что никакого противоречия между этими нормами нет.

Ст.86 ЖК ЭССР предоставляет гражданам право на раздел и вместе с тем оговаривает условия и порядок осуществления ими этого субъективного права.

Согласно ч.1 ст.86 ЖК субъектом такого права выступает несовершеннолетний член семьи нанимателя. Следует отметить, что вопрос о жилищно-правовом статусе семьи в настоящее время преломляется в проблемах, связанных с определением круга членов семьи нанимателя. Не вдаваясь здесь в рассмотрение этих проблем, отметим лишь, что круг членов семьи нанимателя установлен ст.51 ЖК ЭССР.

Следовательно, отнесенные этой нормой к членам семьи нанимателя граждане и выступают субъектами права на раздел. Не требуется, чтобы они имели самостоятельный заработок или иной самостоятельный источник средств существования. Нет сомнения, что к субъектам этого права относятся и бывшие члены семьи нанимателя, которые продолжают проживать в занимаемом помещении (ст.53 ЖК).

Следовательно, по данной категории жилищных дел всегда следует выяснить вопрос о том, в качестве кого претендующий на выдел доли в жилом помещении гражданин вселился на данную жилую площадь. Иногда выясняется, что такой гражданин по правилам ст.51 ЖК к членам семьи нанимателя не относится, но он включен в ордер в качестве члена семьи ордеродержателя. Некоторые авторы полагают, что включение в ордер - достаточное основание для приобретения с этого момента всей полноты жилищных прав и обязанностей при условии проживания в помещении / 10, с.30; 33, с.87/. Иногда и суды приходят к выводу, что так как гражданин записан в ордер, его право "вытекает из ордера и его считать поднанимателем нельзя" /11/.

Представляется, что само включение в ордер гражданина не превращает его в члена семьи ордеродержателя /12, с.17/. Круг граждан, относящихся к членам семьи нанимателя, определяется не ордером, а законом (ст.51 ЖК ЭССР).

Из текста ч.1 ст.86 ЖК вытекает, что несовершеннолетние члены семьи нанимателя не вправе требовать раздела. Означает ли это, что они таким правом вообще не обладают?

Согласно ч.1 ст.51 дети относятся к членам семьи нанимателя независимо от их возраста.

Ввиду равенства прав всех членов семьи нанимателя в литературе правильно указывается, что правом на раздел обладают и несовершеннолетние члены семьи нанимателя. Если раздел необходим в их интересах, указанное требование вправе заявить их законные представители / 13, с.150-151; 14, с.14; 15, с.42; 16, с.89; 17, с.28/. В таких случаях в силу п.5 ч.1 ст.156 КОБС ЭССР необходимо выяснить мнение органов опеки и попечительства, и раздел жилого помещения допустим лишь с их предварительного согласия. Представляется, что применение вышеуказанной нормы не ограничивается лишь таким случаем раздела. По всей видимости, в силу этой же нормы для раздела жилых помещений, где проживают несовершеннолетние дети, всегда необходимо получить предварительное согласие органов опеки и попечительства, проверяющих соответствие требуемого раздела интересам детей. Судам следовало бы привлекать эти органы к участию в деле. Возможно, что по затронутому вопросу необходимо соответствующее разъяснение Пленума Верховного суда ЭССР.

Таким образом, ч.1 ст.86 ЖК ЭССР, не лишая несовершеннолетних членов семьи нанимателя права на раздел, в то же время выделяет из субъектов этого права совершеннолетних членов семьи, имеющих право заявить требование на раздел самостоятельно.

В связи с правосубъектностью несовершеннолетних в отношении права на раздел здесь уместно коснуться вопроса о процессуальном представительстве несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет по жилищным делам.

Ч.2 ст.104 ГК ЭССР (ч.2 ст.32 ГК РСФСР) требует, чтобы к участию в про-

цессе привлекались наряду с их законными представителями и сами несовершеннолетние. В литературе указывается, что при разрешении дела по существу судом учитывается мнение обоих участников процесса - представляемого и законного представителя / 18, с.23/. Законный представитель не заменяет в деле представляемого. Стороной в процессе остается само недееспособное, не обладающее полной дееспособностью лицо / 18, с.24/.

В то же время пленум Верховного суда СССР дает судам разъяснение, согласно которому при рассмотрении дел о выселении, разделе, обмене жилых помещений и утрате права пользования жилым помещением "суды должны привлекать к участию в деле всех совершеннолетних лиц, проживающих с нанимателем" /20, ч.3 п.23/. Думается, что здесь не принимается во внимание либо в достаточной степени не учитывается вышеуказанная норма ГК союзных республик.

Ч.1 ст.86 ЖК не упоминает самого нанимателя в качестве субъекта права на раздел. Это обстоятельство может в какой-то степени затруднить единообразное понимание этой нормы. В теоретической же плоскости оно трудностей не вызывает. Представляется, что такое упоминание не несло бы сколько-нибудь существенной правовой нагрузки, поскольку само равенство прав нанимателя и членов его семьи по договору найма жилого помещения предопределяет и право самого нанимателя требовать раздела жилого помещения. Это право нанимателя не оспаривается ни в литературе /14, с.14; 19, с.31; 6, с.91; 21, с.90/, ни в судебной практике /20, ч.1 ст.7/.

По всей видимости, наниматель как субъект права на раздел в ч.1 ст.86 не

упоминается просто по соображениям ясности изложения этой правовой нормы. Поэтому вряд ли можно согласиться с высказанным в литературе мнением относительно ст.313 ГК РСФСР, что здесь налицо пробел в законодательстве, который должен быть восполнен / 2, с.91/. Установленные ст. 86 ЖК ЭССР условия и порядок раздела жилого помещения полностью распространяются и на раздел по инициативе самого нанимателя.

Следовательно, право на раздел — это одно из правомочий нанимателя и проживающих с ним членов семьи. Вытекает оно из договора найма жилого помещения и существует в рамках жилищного обязательства, основанного на этом договоре. Как любое субъективное право и право на раздел выступает как возможность определенного поведения, обеспеченная законом.

Согласно ч.1 ст.86 ЖК ЭССР производить раздел можно только в тех случаях, когда выделяемое жилое помещение является изолированным и по размерам соответствует жилой площади, приходящейся на долю граждан, предъявивших требование на раздел.

Следовательно, раздел жилого помещения может быть произведен только при делимости предмета первоначального договора найма жилого помещения. Делимость предмета договора означает, что выделяющемуся члену семьи технически возможно выделить изолированное жилое помещение, могущее быть самостоятельным предметом договора найма жилого помещения. Требования, которым должен соответствовать предмет этого договора, перечислены в ст.50 ЖК ЭССР. Отсутствие в квартире

¹В ч.1 ст.86 ЖК ЭССР нет отсылки на ст.50 этого же кодекса, что надо отнести не к достоинствам редакции статьи. Такую отсылку содержит, например, ч.1 ст.86 ЖК РСФСР.

по меньшей мере двух изолированных комнат является препятствием для раздела, поскольку отдельный договор не может быть заключен на часть комнаты или на смежную комнату. Исключением является случай, когда налицо техническая возможность образования в квартире таких комнат путем переоборудования и перепланировки смежной комнаты. Переоборудование и перепланировка должны проводиться с соблюдением требований ст. 83 ЖК ЭССР. Следует отметить, что требование о разделе может быть предъявлено одновременно с требованием о переоборудовании и перепланировке. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что при наличии разрешения исполкома на переоборудование и перепланирование судам следует рассматривать такие споры в одном производстве /20, ч.2 п.11/. При этом надо иметь в виду, что суд может вынести решение о разделе жилого помещения в таких случаях лишь после получения разрешения исполкома, в котором должно быть указано, что по санитарным, противопожарным и строительным правилам возможно создание двух или более изолированных жилых помещений. Отказ исполкома может быть оспорен только в административном порядке (ч.1 ст. 83 ЖК ЭССР).

Ст. 86 ЖК ЭССР не содержит указаний на минимальный размер выделяемого изолированного помещения. Такое указание имеется, например, в ч.1 ст. 96 ЖК Грузинской ССР, где ссылаются на аналогичную ч.2 ст.38 ЖК ЭССР норму. Представляется, что и в нашей республике размер выделяемого жилого помещения, состоящего из одной комнаты, не может быть менее 7 кв.

метров. Так как наниматель и проживающие с ним члены семьи имеют, как правило, право на равные доли жилой площади, выделяемое помещение по размерам должно соответствовать доле выделяющегося члена семьи в общей жилой площади. Эта доля определяется делением всей площади, занимаемой семьей, на количество проживающих в квартире граждан, имеющих самостоятельное право пользования ею. К этим гражданам относятся и временно отсутствующие, для которых жилое помещение сохраняется на основании ст.ст. 60 и 64 ЖК ЭССР. Поднаниматели и временные жильцы, а также приравненные к последним граждане, в расчет не принимаются.

Право выделяющегося члена семьи на дополнительную жилую площадь не может быть реализовано путем раздела за счет ущемления прав других жильцов / 22/. Если же наниматель или один из членов его семьи обладает правом на дополнительную площадь и реально пользуется ею, то она закреплена только за ним и при определении доли выделяющегося в общей площади дополнительная площадь не должна учитываться. Это означает, что из общей площади следует исключить дополнительную и оставшуюся площадь делить в равных долях между всеми членами семьи.

Пока не преодолены неясности в вопросе о соответствии доли выделяющегося в общей жилой площади размеру жилого помещения, на которое он претендует. Поэтому суды испытывают определенные затруднения при применении этого условия осуществления права на раздел. Ведь дело в том, что осуществить раздел с учетом равных долей всех членов семьи часто не представляется возможным чисто по техническим причинам: в квартире просто нет изолированных комнат, которые по своим раз-

мерам соответствовали бы количеству кв. метров жилой площади, приходящейся на выделяющегося члена семьи.

Нет сомнения, что неправомерными являются попытки принудительно уменьшить при разделе долю выделяющегося члена семьи. Неправильным будет и закрепление за выделяющимся членом семьи помещения, превышающего его долю в общей площади. Если же расхождение между размером помещения и долей в общей площади незначительно и выдел данного помещения не затрагивает существенных интересов нанимателя и других членов его семьи, то такие иски, как правило, удовлетворяются /23/.

В литературе высказано мнение, согласно которому по взаимному соглашению выделяющегося члена и всех других членов семьи за первым из них можно закрепить комнату, которая больше или меньше его арифметической доли / 10, с.76/. Чаще всего достигнуть такого соглашения стороны не могут. Представляется, что в этих случаях нет, как правило, препятствий выделить комнату меньших размеров, если только выделяющийся член семьи согласен на это /35, с.111/. Ведь если такой член семьи на основании п.1 ч.1 ст. 25 ЖК ЭССР и признается нуждающимся в улучшении жилищных условий, принятие на учет его производится только после пяти лет со времени произведенного раздела (ч.6 ст.29 ЖК ЭССР). В тех же конкретных случаях, когда суд устанавливает, что иск предъявлен с целью искусственного создания острой нужды истца в жилье, суды и в настоящее время должны, на наш взгляд, отказать в удовлетворении таких исков.

Согласно ч.1 ст.86 ЖК РСФСР раздел может быть произведен и в тех случаях, когда выделяющемуся члену семьи

может быть выделено изолированное помещение "с учетом состоявшегося соглашения о порядке пользования жилым помещением". Это правило вытекает из ч.2 ст.54 ЖК РСФСР. В ч.1 ст.86 ЖК ЭССР такое соглашение в качестве условия осуществления права на раздел не упоминается. Не упоминается оно и в ч.3 ст.54 ЖК ЭССР. Несмотря на это, норма в ч.3 ст.54 ЖК ЭССР по существу не отличается, на наш взгляд, от нормы, содержащейся в ч.2 ст.54 ЖК ЭССР. Ч.3 ст.54 ЖК ЭССР не исключает возможности путем достигнутого соглашения определить порядок пользования помещениями в квартире. К тому же Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что при рассмотрении исков о разделе или обмене жилых помещений судам следует учитывать сложившийся по соглашению членов семьи порядок пользования жилыми помещениями как в том случае, когда все члены семьи вселились в жилое помещение одновременно, так и при последующем вселении других граждан /20, п.9/. Следовательно, при рассмотрении дел о разделе жилых помещений при наличии таких соглашений суды могут отступать от принципа равенства долей всех членов семьи нанимателя.

Вопрос о юридической значимости такого соглашения возникает, как правило, тогда, когда производится раздел жилого помещения в связи с разводом супругов, проживающих на площади родителей.

Нет сомнения, что учет при разделе такого соглашения о порядке пользования устраняет возможность ущемления интересов нанимателя и проживающих с ним других членов семьи. Например, при наличии такого соглашения невеста приобретает право не на долю во всем помещении, а только на долю в той ее части, которая составляла долю ее мужа. Суд с учетом

такого соглашения может закрепить за выделяющимся членом семьи изолированное помещение, хотя оно по размерам не соответствует его доле в общей жилой площади.

В судебной практике сложилась точка зрения, согласно которой таким соглашением не может быть рассмотрено вынужденное фактическое раздельное пользование жилыми помещениями, например, вследствие неприязненных отношений после расторжения брака /25, с.14/.

Представляется, что упомянутое соглашение должно соответствовать условиям, предъявляемым к действительности сделок. При этом нельзя не учитывать, что таким соглашениям присуща некоторая специфика, обусловленная определенными особенностями его участников. В литературе указывается, что "хотя и в законе идет речь о соглашении, нет сомнения в том, что вселяющийся, как правило, вынужден принять условия нанимателя и членов его семьи (за исключением другой площади)" /26, с.54/. Отсюда делается вывод, что вселяющиеся должны иметь права и обязанности, вытекающие из договора найма, наравне с нанимателем без каких-либо оговорок /26, с.55/. Думается, такой вывод не учитывает вышеуказанную специфику таких соглашений. Такие соглашения допускаются законом. Мало того, они могут касаться не только порядка пользования. Таким соглашением, отмечается в литературе, может быть установлено, что хотя вселенные граждане относятся к членам семьи нанимателя, они тем не менее вообще не приобретают самостоятельное право на площадь и будут проживать в качестве временных жильцов /10, с.31; 27, с.86; 33, с.115/.

Вправе ли суды рассматривать требо-

вания об изменении порядка пользования жилым помещением, определенного таким соглашением?

Как поступать в таком случае, жилищное законодательство ответа не дает. Думается, что согласно ст.174 ГК ЭССР одностороннее изменение условий такого соглашения не допускается и суды должны отказать в удовлетворении таких исков.

Закон не определяет форму, в которую должно облекаться вышеупомянутое соглашение о порядке пользования помещением в квартире. На практике такие внутрисемейные соглашения документально не оформляются. В литературе высказывается мнение, что такое соглашение надо оформить письменно /10, с.35/. Не оспаривая обоснованность данного предложения, надо отметить, что судам необходимо не только установить наличие такого соглашения, но и основанное на нем длительное обособленное пользование конкретными помещениями. Следовательно, судам надо установить, что достигнутое соглашение было проведено в жизнь - каждый из сторон такого соглашения в течение длительного времени пользуется именно обусловленным помещением. Само же соглашение может быть выражено и в устной форме. Верховный суд СССР предлагает судам тщательно проверять, не находилась ли фактически вся квартира в общем пользовании членов семьи, не было ли искусственно созданного порядка пользования жилыми помещениями с целью получения возможности претендовать на признание отдельных членов семьи нуждающимися в улучшении жилищных условий /28, с.36/.

Ч.1 ст.86 ЖК ЭССР устанавливает, что для раздела жилого помещения требуется согласие нанимателя и проживающих с ним членов семьи. Хотя и согласие най-

модателя не упоминается в законе, раздел может быть произведен без обращения в суд лишь по общему согласию нанимателя, членов его семьи и наймодателя. Так как в этих случаях нет спора, суд не вправе принимать такие дела в производство /29, с.37/.

Не умаляя важность согласия нанимателя и проживающих с ним членов семьи на раздел, следует все-таки сказать, что оно не может быть рассмотрено как необходимое условие осуществления выделяющимся членом семьи своего права на раздел жилого помещения. Если изменение договора найма жилого помещения по основанию, установленному ст.87 ЖК ЭССР, возможно только при наличии такого соглашения, тогда изменение этого же договора на основании ст.86 ЖК ЭССР возможно и без такого согласия. Из редакции ч.2 этой же статьи вытекает, что как отказ в таком согласии, так и отказ в заключении с выделяющимся членом семьи договора найма жилого помещения может быть оспорен в судебном порядке. Суд вправе удовлетворить такой иск о разделе и в том случае, когда против иска возражают как наймодатель, так и наниматель и проживающие с ним члены семьи. Ответчики по этим делам, возражая против иска о разделе квартиры и превращения ее тем самым из отдельной квартиры в коммунальную, иногда обращаются в суд со встречным иском об обмене квартиры. Такой встречный иск имеет как процессуальную (ст.139 ГПК ЭССР), так и материально-правовую основу (ст.68 ЖК ЭССР). Так как здесь имеется дело со встречным иском, препятствием рассмотрения его не может служить, на наш взгляд, п.1 ст.69 ЖК ЭССР, который не допускает обмен жилыми помещениями, если к нанимателю предъявлен иск об из-

менении договора найма жилого помещения. Поскольку жилищный конфликт может быть ликвидирован путем обмена жилых помещений и без предварительного их раздела, суд вправе отказать в иске и удовлетворить встречный иск.

Ст. 86 ЖК ЭССР не запрещает раздела и заключения двух самостоятельных договоров найма жилого помещения на изолированные комнаты и в так называемых малометражных квартирах, предназначенных для посемейного заселения. В то же время при разрешении вопросов, связанных с разделом таких квартир, надо иметь в виду, что Пленум Верховного суда СССР ориентирует суды на то, чтобы они отказали в разделе жилых помещений в одной квартире, если, учитывая санитарные и технические требования, они придут к выводу о невозможности заключения на жилые помещения в этой квартире нескольких договоров найма /20, ч.2 п.7/. На этой основе в литературе указывается, что суд может отказать в удовлетворении иска о разделе жилого помещения либо при наличии совмещенного санузда, либо когда размер мест общего пользования исключает возможность использования их несколькими семьями, а также с учетом других конкретных обстоятельств /30, с.151; 31, с.23; 28, с.36/. Представляется, что суды республики правильно оставляют без удовлетворения иски о разделе таких малометражных квартир /32/.

Теоретический и практический интерес представляет вопрос о форме разрешения исполкома местного Совета на раздел.

Заключенный при разделе новый договор найма как и сохранившийся в измененном виде первоначальный договор имеют самостоятельные предметы в виде изолированных жилых помещений. Из этого часто

делается вывод, что оформляется раздел выдачей новых ордеров /10, с.79; 33, с.112, 114-115; 24, с.160/. При этом на основании одного из них изменяется действующий, а на основании другого заключается новый договор найма жилого помещения /24, с.160/.

Наймодателем в договоре найма жилого помещения в домах жилищного фонда местных Советов выступает жилищно-эксплуатационная организация (ст.49 ЖК ЭССР). Поэтому сам наймодатель без соответствующего разрешения исполкома местного Совета не вправе изменить такой договор на основании ст.86 ЖК ЭССР. В литературе правильно отмечается, что заинтересованный в разделе член семьи нанимателя подает заявление не наймодателю, а в исполком местного Совета, который и решает вопрос о разделе жилого помещения /21, с.90/. При отказе в разрешении на раздел иски на основании ч.2 ст.86 ЖК ЭССР всегда предъявляются не к наймодателю, а к исполкому местного Совета.

Следовательно, придерживающиеся вышеуказанной концепции авторы правильно исходят из того, что раздел тесно связан с административными правоотношениями по распределению жилых помещений и поэтому он производится исключительно под строгим контролем исполкома местного Совета народных депутатов.

Является ли единственной формой такого контроля выдача новых ордеров?

Действующее жилищное законодательство предусматривает выдачу ордеров лишь в двух случаях: при предоставлении жилого помещения (ст.45 ЖК ЭССР) и при обмене жилыми помещениями (ч.4 ст.68 ЖК ЭССР). Ордер является единственным основанием для вселения в предоставленное или в полученное по обмену жилое помеще-

ние. При разделе же никакого предоставления жилого помещения вообще не происходит. Нет и никакого обмена жилыми помещениями. Происходит лишь изменение жилищного обязательства, предметом которого выступает уже предоставленное конкретному гражданину конкретное жилое помещение. Разделенное жилое помещение не является свободным ни юридически, ни фактически. Никакого решения о предоставлении жилой площади в этом случае никем не принимается.

Следовательно, нет и указанного в ч.1 ст.45 ЖК ЭССР основания для выдачи ордера.

По вышеизложенным соображениям нельзя не согласиться с высказанным в литературе мнением, что выдача ордера в случаях изменения уже возникшего жилищного правоотношения не отвечает тем целям и задачам, которым он призван служить, а также не вызывается необходимостью /2, с.91/.

Позитивное значение такого подхода к затронутой проблеме помимо некоторых иных моментов состоит в том, что позволяет рассматривать раздел жилого помещения в рамках уже существующего жилищного обязательства, предмет которого не заменяется новым, а лишь изменяется. Раздел жилого помещения приводит "к дроблению одного жилищного правоотношения на два (или более) самостоятельных, которые являются его модифицированным продолжением" /34, с.18/. По-видимому, оформление такого дробления уже существующего жилищного правоотношения не обязательно нуждается в выдаче новых ордеров. Для достижения же единообразного разрешения этого вопроса в практике необходимо соответствующее разъяснение компетентных органов.

4.3 ст.86 устанавливает, что правом на раздел наниматель и проживающие с ним члены семьи не располагают в домах предприятий, учреждений и организаций важнейших отраслей народного хозяйства, из которых допускается выселение в порядке, предусмотренном п.1 ч.1 ст.96 ЖК ЭССР. Исключение составляют 2 случая, когда наниматель и члены его семьи не могут быть выселены на основании этой же нормы².

Следовательно, только при наличии хотя бы одного из перечисленных в 4.3 ст.86 ЖК двух случаев отказ наймодателя в заключении отдельного договора может служить предметом судебного спора. Представляется, что сказанное относится и к спорам, возникшим между гражданами, каждый из которых состоит в трудовых отношениях с предприятием, предоставившим жилое помещение.

По всей видимости, содержащаяся в 4.3 ст.86 ЖК норма является императивной нормой, и стороны договора найма жилого помещения не могут договориться иначе. Поэтому разделы, проведенные в домах таких организаций в случаях, не предусмотренных в 4.3 ст.86 ЖК, не основываются, на наш взгляд, на законе и как таковые должны быть признаны судом недействительными на общих основаниях.

Из редакции ч.5 ст.103 ЖК ЭССР вытекает, что ни в каком случае не может быть проведен раздел служебного жилого помещения. Это относится и к жилым помещениям в домах совхозов. Следует однако учесть, что режим служебных жилых помещений не распространяется на жилые поме-

²Небезинтересно отметить, что согласно ч.3 ст.104 ЖК Украинской ССР ограничение права на раздел распространяется и на помещения в домах колхозов.

щения в домах совхозов, предоставленные гражданам не в связи с трудовыми отношениями /17, с.29/.

П.6 ст.69 ЖК ЭССР устанавливает, что обмен жилыми помещениями не допускается, если дом грозит обвалом либо признан аварийным, подлежит сносу, либо передается для государственных или общественных нужд. Ст.86 ЖК не содержит ссылку на такие запреты. В литературе же высказывается мысль о том, что и в этих случаях наниматели и члены их семей правом на раздел не пользуются /19, с.33/. Такая точка зрения в этом вопросе представляется обоснованной. Но любые соображения и мотивы, если они не опираются на конкретную норму, не могут служить основанием для отказа в разделе. Поэтому настоятельно требуются соответствующие разъяснения, если не в нормативном порядке, тогда во всяком случае на уровне Пленума Верховного суда ЭССР.

Надо отметить, что суд не вправе оставить иск о разделе без удовлетворения лишь на том основании, что никто не мешает истцу проживать в комнате, на выделение которой он претендует. Хотя и раздел становится одним из средств устранения конфликтов по поводу пользования жилым помещением, он не предполагает наличие таких конфликтов. Поэтому наличие конфликтов не выступает необходимым условием осуществления права на раздел. В литературе правильно указывается, что требование на раздел жилого помещения может быть заявлено в любое время, не обязательно, чтобы этому предшествовали споры и конфликты, связанные с правом на жилую площадь или с порядком пользования ею /10, с.77/.

Использованные материалы

1. Красавчиков О.А. Основы жилищного законодательства: Предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981.
2. Вишневская И.С. Усиление гарантий жилищных прав граждан при разделе жилой площади // XXVI съезд КПСС и проблемы советского гражданского права: Межвузовский сб. науч. тр. - Свердловск: Б.и., 1982.
3. Марткович И.Б. Проблемы осуществления конституционного права на жилище: Автореф. дис. ...д-ра юрид.наук. - М.: Б.и., 1981.
4. Аскназий С.И., Брауде И.Л., Пергамент А.И. Жилищное право. - М.: Юрид. лит., 1956.
5. Бюллетень Верховного суда СССР. - 1969. - № 5.
6. Никитюк П.С. Жилищное законодательство СССР и МССР. - Кишинев: Штиинца, 1980.
7. Басин Ю.Г. Гражданско-правовые формы обеспечения стабильности условий проживания граждан // Основы советского жилищного законодательства: Межвузовский сб. науч. тр. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981.
8. Басин Ю.Г. Усиление гарантий защиты

жилищных прав граждан // Сов. гос-во и право. - 1982. - № 1.

9. Петрицева Г.И. Предоставление жилых помещений в домах государственного и общественного жилищного фонда // Основы советского жилищного законодательства: Межвузовский сб. науч. тр. - Свердловск:Изд-во УрГУ, 1984.
10. Басин Ю., Попов И. О жилищных правах советских граждан. - Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1966.
11. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/424-1984.
12. Шевченко Н., Нечецкий М. Права бывших членов семьи пайщика жилищно-строительного кооператива // Сов. юстиция. - 1973. - № 9.
13. Скрипко В.Р., Марткович И.Б., Соловьев П.Г. Жилищное законодательство в СССР и РСФСР. - М.: Изд-во литературы по строительству, 1965.
14. Дедиков С. Раздел жилой площади // Сов. юстиция. - 1978. - № 17.
15. Марткович И.Б. Жилищные правоотношения. - М.: Б.и., 1979.
16. Грибанов В.П. Основы советского жилищного законодательства. - М.: Знание, 1983.
17. Ответы на вопросы судов и ведомств // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1985. - № 2.
18. Иванкин В. О законном представител-

- стве в гражданском процессе // Сов. юстиция. - 1980. - № 22.
19. Жарков В.М. Право на жилище. - М.: Юрид.лит., 1980.
 20. О практике применения судами Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик: Постановление Пленума Верховного суда СССР № 8 от 9 декабря 1982 г. // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1982. - № 1.
 21. Замятин В.И., Макаров Г.П., Скрибко В.Р. Жилищное законодательство. - М.: Профиздат, 1974.
 22. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/211-1983 г.
 23. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/113-1982 г., № 2-2/724 - 1982.
 24. Лаасик Э. Советское гражданское право. Часть Особенная: Учебник. - Таллин: Валгус, 1980.
 25. Жилин Г., Кац А. Судебные споры о разделе жилой площади // Сов. юстиция. - 1984. - № 11.
 26. Пантеленко В.А. Член семьи нанимателя жилой площади и его права // Цивилистические проблемы правового статуса личности в социалистическом обществе. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982.
 27. Толстой Ю.К. Советское жилищное законодательство. - Б.м.: Изд-во Ле-

нингр. ун-та, 1974.

28. О судебной практике по применению Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик: (Обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1984. - № 1.
29. Разрешение жилищных споров: (Обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1975. - № 6.
30. Седугин П.И. Право на жилище в СССР. - М.: Юрид.лит., 1983.
31. Мидович К. Некоторые вопросы применения Основ жилищного законодательства // Сов. юстиция. - 1983. - № 7.
32. Гражданское дело Верховного суда ЭССР за № 2-2/571-1984 г.
33. Мушкин А.Е. Право на жилище: Предоставление, пользование, содержание. - Б.м.: Лениздат, 1978.
34. Гонгало Б.М. Основания изменения жилищных правоотношений: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - Свердловск: Б.и., 1984.
35. Советское гражданское право: Учебник. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - ч.2.

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ СТРОИТЕЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Э. Л. Плоом

Высшей целью экономической стратегии партии был и остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Для достижения этого необходимо коренным образом улучшить качество и культуру обслуживания населения, расширить сеть, совершенствовать организацию работы предприятий и учреждений сферы услуг и т.д. /1/.

Существенными недостатками в работе предприятия службы быта являются частые нарушения установленных сроков исполнения заказов, низкая культура производства и обслуживания на многих предприятиях обслуживания и т.д. Главным направлением в развитии бытового обслуживания устанавливается расширение услуг по восстановлению потребительских свойств находящихся у населения изделий и по изготовлению изделий по заказам населения, отличающихся высоким качеством /1/. Из этого вытекает, что основное внимание в развитии обслуживания обращено на вопросы исполнения договора обслуживания. Ясно, что договоры бытового обслуживания заключаются между сторонами для достижения определенного результата - изготовление или ремонт предмета, оказание многочисленных иных услуг - причем обе стороны должны быть заинтересованы и сделать все необходимое для достижения намеченной цели. Для этого должны быть установлены соответствующие правовые и экономические правила и стимулы, гарантирующие выполнение договора подрячком надлежащим образом и право заказчика наблюдать за ходом работ как с точки зрения своевременности их выполне-

ния, так и надлежащего их качества /2, с. 29-30/. Задача состоит в том, чтобы поставить материальное поощрение в прямую зависимость от эффективности и качества бытовых услуг, выполнения плановых заданий и результатов производственной деятельности /3, с.17/. Исходя из этого и имея в виду конечные народнохозяйственные результаты, в 1979 г. в бытовом обслуживании была разработана новая система показателей Государственного плана экономического и социального развития. В системе показателей плана экономического и социального развития по бытовому обслуживанию основным является объем реализации услуг населению. Этот показатель служит главным объемным показателем для оценки деятельности предприятий и организаций системы бытового обслуживания населения /3, с.19/.

Если к вышеуказанному добавить требования, установленные Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1983 г. /1/ для партийных органов по мобилизации трудовых коллективов на выполнение государственных планов, по воспитанию работников службы быта в духе высокой ответственности за выполнение служебных обязанностей, нетерпимости к недостаткам в работе, бережливому отношению к социалистической собственности и неукоснительного выполнения правил бытового обслуживания, то можно сказать, что в последние годы в регулировании деятельности органов системы обслуживания главное внимание уделялось проблемам надлежащего исполнения всех заключенных договоров. Но иногда в силу различных причин эти договоры не исполняются, и между сторонами возникают разногласия по поводу судьбы договорных отношений, о возможных последствиях неисполнения и т.д. Вопросы исполнения дого-

воров получили определенное место в юридической литературе /4/ и многие выводы полностью способствуют пониманию проблем исполнения договоров обслуживания. В рамках данной статьи рассматриваются лишь некоторые из этих вопросов.

Важным условием договора бытового обслуживания является срок. Заключая договор с предприятием обслуживания для достижения определенного результата - изготовления или ремонта предмета, оказания услуг и т.д., - заказчик имеет в виду срок исполнения заказа. Некоторые договоры заключаются именно для оказания услуг на установленный момент в будущем. Поэтому досрочное исполнение или просрочка в исполнении - это нарушение прав заказчика. В результате такого нарушения заказчик иногда утрачивает интерес к исполнению договора вообще. Поэтому понятно, что существенным недостатком в работе предприятий службы быта признается нарушение установленных сроков исполнения заказов /1/. При этом надо отметить, что срок исполнения заказа практически устанавливается предприятием обслуживания при заключении договора в рамках предельных сроков /5/, или же срок исполнения определяется в порядке поступления заказов. Но на практике часто не соблюдаются сроки, установленные самой организацией. Недостаточно, что мы признаем это серьезным нарушением договорной дисциплины, которое может причинить заказчику иногда большие убытки, а иногда в результате просрочки у заказчика утрачивается интерес к исполнению.

Для защиты интересов заказчика должны быть разработаны и введены в действие такие экономические и юридические меры, которые на самом деле способны гарантировать исполнение договора на установленный

самим договором срок.

Каковы эти меры и какими они должны быть?

Так как данная проблема не нова, в литературе имеется ряд предложений, сделанных многими исследователями в течение долгих лет. Из них можно отметить лишь некоторые. Так, для предприятия обслуживания предлагается ввести определенную плату за каждую напрасную (по вине предприятия) явку заказчика за заказом, причем размер платы должен быть установлен после изучения данного вопроса и сумма выплачена без обращения заказчика в суд /6, с.143/. Другие считают проблематичной возможность точного определения размера убытков, понесенных гражданами в результате потерянного времени, и поэтому предлагают в качестве компенсации потерянного времени штраф в точно установленном размере /7, с.192/. Еще предлагается установить в Типовых договорах норму, в силу которой заказчик имел бы право, в случае просрочки исполнения, требовать от подрядчика возмещения причиненных в результате этого убытков. Такую меру воздействия предлагается дополнить еще положением, обязывающим подрядчика в этих случаях уплачивать заказчику неустойку /8, с.49-50/. Названные и другие сделанные в юридической литературе предложения по усовершенствованию способов исполнения договора бытового обслуживания имеют общую и единую цель - найти и применить такие меры воздействия, которые на самом деле принудили бы подрядчика выполнить заказ вовремя. Но прежде всего возникает вопрос о применении для обеспечения исполнения договора бытового обслуживания мер, установленных уже законодательством и применяющихся для обеспечения исполнения всех других гражданско-правовых догово-

ров. Возможно они неприменимы при договорах бытового обслуживания или окажутся недостаточными для обеспечения их исполнения. Ответы на поставленные вопросы выясняются в ходе исследования роли неустойки (штрафа и пени) в разных правилах и предписаниях, регулирующих отношения по бытовому обслуживанию. При этом в рамках статьи нам придется ограничиться лишь некоторыми правилами. Среди работ, выполняемых предприятиями обслуживания, наиболее объемистыми являются строительные работы. Эти работы выполняются на основе договоров, заключаемых предприятиями обслуживания с гражданами или же с кооперативами, о строительстве и ремонте квартир, домов, гаражей и т.д. Стоимость этих работ достигает иногда 100000 рублей и больше, например, при строительстве больших кооперативных гаражей, и поэтому вопросы невыполнения работ и возможность принудить к этому подрядчика приобретают особо важное значение. Здесь всевозможные имущественные санкции должны иметь солидные величины.

Следует отметить, что в Правилах определенное внимание обращено на установление санкций. Так, в Правилах выполнения заказов на строительные работы в бытовом обслуживании населения от 1970 г. была предусмотрена за просрочку уплата пени и неустойки. По названным Правилам предприятие бытового обслуживания должно при просрочке начала или окончания работ уплачивать заказчику пеню в размере 0,1 % от стоимости работ за каждый день просрочки, а если оно не закончит работы в течение двух недель после срока, установленного для их окончания, то еще и неустойку в размере 2 % стоимости несделанных работ. Вследствие этого создана система санкций - пеня, неустойка и возмещение

убитков. Эта система в юридической литературе в общем была принята и дополнена некоторыми предложениями. Так, в интересах граждан предлагали установить пени за просрочку, исчисляемую за каждый день в процентном отношении к стоимости того, из чьего материала выполняется работа, и советовали ответственность за просрочку установить в форме штрафной неустойки /9, с.69/. И, наконец, было высказано мнение, что все эти меры вместе взятые могут оказать наиболее существенное воздействие на неисправное предприятие бытового обслуживания и стать эффективными юридическими мерами обеспечения сроков исполнения бытовых заказов /2, с.32/. Но, к сожалению, такой вывод оказался необоснованным, и нарушения сроков исполнения заказов продолжались и продолжают. Можно сказать, что вышеуказанные санкции прошли практическое применение и судебные органы при решении таких споров применили нормы означенных Правил. Так, гр.Н. предъявил иск в суд и ходатайствовал взыскать неустойку на сумму 53 руб. с предприятия бытового обслуживания, так как последнее не отремонтировало дом к установленному сроку. Народный суд удовлетворил иск и взыскал неустойку. Верховный суд оставил решение народного суда без изменения /10/. Таких примеров можно привести много. Но вопрос в данном случае не в том, сколько раз взыскивались неустойки, а в том, как неустойка обеспечивает надлежащее исполнение договора. Как отмечается в литературе, даже при наличии санкций нарушения условий о сроках со стороны подрядчика не единичны. Приводится пример, как в газете "Правда" сообщалось, что ремонтно-строительное управление, заключив договор с гражданином на строительство жилого дома, затянуло строительство со ссылками на

различные причины. Только вмешательство органов народного контроля и газеты "Правда" помогло закончить строительство дома. Кроме того, решением народного суда с РСУ-1 в пользу заказчика была взыскана неустойка в размере 800 руб. /11, с.51/. Значит, предусмотренная законодательством неустойка не стимулировала подрядчика достроить дом, а неимущественное влияние соответствующих органов дало желаемый результат. Это свидетельствует о бессилии неустойки как способа обеспечения исполнения договора бытового обслуживания даже в тех случаях, когда сумма договора большая и соответственно сумма неустойки довольно солидная.

Неэффективность неустойки ярко проявляется в отношениях, когда договор не исполняется или исполняется так медленно, что у заказчика пропадает даже надежда на выполнение заказанных работ. Так, например, гражданин заключил договор с комбинатом обслуживания на производство капитального ремонта жилого дома, согласно которому комбинат должен закончить ремонт летом. Подрядчик приступил к исполнению договора, но работы проводились медленно и некачественно. На следующий год не заказчик, а его наследователь обратился с иском в суд и потребовал расторжения договора и возмещения причиненных ему убытков. Иск был удовлетворен /12/. В результате просрочки исполнение иногда утрачивает для заказчика интерес, и в таких случаях возникает вопрос о расторжении договора. Утрата интереса к исполнению обуславливается различными обстоятельствами. Так, например, одно министерство заключило договор с комбинатом бытового обслуживания, согласно которому последний должен был изготовить министерству эмблемы головных уборов и сувенирные шапочки,

предназначенные для использования в дни спартакиады предприятий министерства. Однако комбинат заказ в срок не выполнил, вследствие чего заказчик не смог пользоваться названными предметами во время спартакиады. И поскольку эмблемы и шапочки были специально оформлены для данной спартакиады, заказчик не мог их использовать после спартакиады. Поэтому министерство отказалось от принятия названных предметов и потребовало возврата суммы, уплаченной комбинату при заключении договора /13/. Как вытекает из материалов данного спора, заказчик не требовал возмещения убытков и даже неустойки. Убытки и неустойка в данном случае незначительны и заказчик их не требовал.

Но просрочкой исполнения договора бытового обслуживания можно причинить иногда большие убытки, и сумма неустойки окажется довольно солидной. Это имеет место тогда, когда по договору бытовым обслуживанием строятся большие объекты, например, гаражестроительные кооперативы. Здесь стоимость объекта превышает иногда сотни тысяч рублей. Соответственно и неустойка составляет сумму, которая должна привлечь к себе экономический интерес предприятия бытового обслуживания. Но судя по опыту такого строительства подтвердить это невозможно. На практике встречается немало случаев, когда предприятия бытового обслуживания заключают договоры на строительство гаражкооперативов и начинают строительство, но в течение многих лет затягивают его со ссылками на различные причины или же строят некачественно. В результате этого напрасно затрачены огромные материальные ценности и финансы заказчиков, незаконченные строения стоят годами, а установленные способы обеспечения не в силах принудить

подрядчика исполнить договор. Так, в 1977 году был заключен договор, согласно которому Управление строительного обслуживания г. Тарту обязывалось возвести гаражекооператив "Сигнал" общей стоимостью 86426 руб. При этом подрядчик обязывался закончить строительные работы к 1 октября 1978 г. Но, к сожалению, к установленному сроку гаражи не были построены. Все действия, проведенные кооперативом для продолжения строительства, остались безрезультатными. Обращение в Министерство бытового обслуживания ЭССР никаких последствий не имело, и кооперативу остался лишь один выход - обратиться в арбитраж. Так кооперативом "Сигнал" был предъявлен иск в Госарбитраж. В ходе рассмотрения спора в арбитраже выяснилось, что из проделанных работ качественными оказались лишь работы на общую сумму 15145 руб., основная же часть работ проделана не была, несмотря на повторные требования. Арбитраж удовлетворил иск на сумму 29107 руб. /14/.

В дополнение к приведенному нами примеру можно предложить еще немало случаев, когда гаражи строятся лет семь-восемь, а момент окончания строительства предсказать никто не может. Так, договор на строительство гаражекооператива "Куузе" был заключен в 1975 году, а срок окончания работ установлен на июнь 1976 г. Названный кооператив не достроен и поэтому не был сдан в эксплуатацию еще в 1984 г. Дело в том, что большинство работ признано браком (всего на 102000 руб.), многие работы не сделаны и практически не делаются. Меры воздействия на органы управления бытовым обслуживанием ожидаемых результатов для кооператива не дали и нет никакой гарантии того, что этот кооператив вообще когда-нибудь достроят.

Если рассматривать санкции, установленные правилами и типовыми договорами на строительные работы предприятиям обслуживания нашей республики, то здесь открывается весьма интересная картина. В правилах на ремонт жилых помещений (бытовой заказ) от 7 октября 1966 года предусмотрено право сторон лишь по уважительным причинам отказаться от договора до окончания работ. В качестве последствий были установлены право комбината обслуживания взыскать понесенные по вине заказчика убытки (если отказался от договора комбинат) или же уплаты комбинату вознаграждения за выполненную работу (если отказался от договора заказчик). Других санкций Правилами не предусмотрено. Такое же положение установлено и Правилами 1970 года. Но типовой договор, утвержденный тем же приказом, предусматривает конкретные последствия для подрядчика за неисполнение договора обслуживания. Так, п.7 типового договора устанавливает, что в случае нарушения подрядчиком срока начала или окончания работ он уплачивает заказчику за каждый просроченный день пеню в размере 0,1 % стоимости работ, включая и стоимость материалов, переданных заказчиком. А если работы не закончены по вине подрядчика в течение двух недель со дня истечения срока, установленного для исполнения заказа, то подрядчик уплачивает заказчику кроме пени еще и неустойку в размере 2 % стоимости неделанных работ (включая стоимость материалов, переданных заказчиком). Словом - в типовом договоре последствия для подрядчика устанавливались. Но такие отрицательные последствия для подрядчика, установленные типовым договором на строительные работы, вскоре были признаны Министерством бытового обслуживания Эстонской ССР явной ошибкой и

все ранее действующие типовые договоры приказом министра от 5 апреля 1976 г. были признаны недействительными. В типовом договоре обслуживания, утвержденном взамен всем предыдущим, об ответственности предприятия обслуживания за неисполнение или за просрочку исполнения договора по существу уже даже не упоминается. Только п.4 Типового договора повторяет текст ч.1 ст.365 ГК ЭССР и гласит, что если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от договора и требовать возмещения убытков. Нетрудно заметить, что этот пункт Типового договора практически не применим. Дело в том, что иногда заказчик убытков не несет (если, например, к строительству подрядчик не приступал), а иногда возникновение убытков у заказчика доказать нелегко и даже невозможно. Поэтому подрядчик за просрочку исполнения остается ненаказанным и воздействовать на него практически нечем.

Такое положение достигнуто в результате неоднократных изменений правил и типовых договоров, исходя только из ведомственных интересов. К сожалению, такая ситуация характерна не только для регулирования отношений по обслуживанию, касающемуся строительных работ. Тенденция освободить предприятия бытового обслуживания от ответственности перед заказчиками характеризует все развитие правового регулирования бытового обслуживания нашей республики. И этот процесс постоянный и принципиальный. Наилучшим доказательством этого обстоятельства являются принятые в 1980 г. Единые правила бытового обслуживания. С их принятием были признаны недействительными правила, регулирующие

показание многих видов бытовых услуг. При этом приходится быть признательным, что ответственность подрядчика была в них конкретно установлена и детально регулирована. Но принятые Единые правила, заменяя многие ранее действующие, даже не пользуются термином "ответственность" и не содержат в себе норм, регулирующих ответственность сторон договора. Зато сюда включена специальная часть под заглавием "Гарантии", где ограничиваются лишь голословной декларацией о том, что предприятие обслуживания гарантирует строгое соблюдение установленных сроков выполнения бытовых услуг и работ (п.5.1). Но как показывают ежедневная практика и вышеизложенные примеры, все это остается лишь декларацией. Способы обеспечения исполнения договоров, как мы убедились, Единими правилами и Типовым договором обслуживания на строительные работы ликвидированы. В результате уже в ходе заключения договора заказчик убедится, что ответственность подрядчика правилами не предусмотрена, и вынужден будет мириться с тем, что заказы не выполняются или выполняются с просрочкой. Этим объясняется и то явление, что в последнее десятилетие граждане как заказчики все меньше и меньше обращаются в судебные органы за защитой своих прав - в правилах этих прав почти уже нет. А строительные работы выполняются для граждан и кооперативов, т.е. для бытовых нужд, только строительными органами системы бытового обслуживания, и заказчик вынужден заключить договор и согласиться с условиями, диктуемыми предприятием обслуживания. Иного выхода из положения нет. Все правила и типовые договоры утверждены в Эстонской ССР только Министерством обслуживания и, как неоднократно отмечалось, в узких ведомственных

интересах. Требование закона, установленное в ч.1 ст.372 ГК Эстонской ССР, о том, что типовые договоры по отдельным видам бытового обслуживания граждан утверждаются Советом Министров Эстонской ССР, осталось в нашей республике до сих пор невыполненным.

Зато в других союзных республиках действуют Типовые договоры, утвержденные Советами Министров республики. И содержание их совсем иное. Например, Типовой договор подряда на строительство жилого или нежилого помещения (бытовой заказ), действующий в РСФСР /15/, устанавливает, что в случае нарушения подрядчиком срока начала или окончания работ он уплачивает заказчику за каждый просроченный день пеню в размере 0,1 % стоимости строительства, определенной сметой (включая стоимость материалов подрядчика). А если работы не окончены по истечении недели со дня наступления срока исполнения заказа, подрядчик уплачивает заказчику неустойку в размере 2 % стоимости строительства (включая стоимость материалов подрядчика). Далее, п.8 рассматриваемого Типового договора уточняет, что при нарушении таких сроков по вине заказчика последний несет такую же ответственность.

Тем самым Типовой договор РСФСР декларирует открыто и ясно способы обеспечения исполнения договора, и стороны, заключив договор между собой, принимают его к исполнению со всеми правами и обязанностями, содержащимися в Типовом договоре. Кроме того, п.8 Типового договора подчеркивает значение вины как основы ответственности за нарушение сроков начала и окончания работ. Из сказанного выше необходимо сделать лишь один вывод - ответственность сторон должна четко и ясно выражаться в Типовом договоре как в основном

акте регулирования отношений, возникающих из договоров обслуживания. В этих актах должны быть установлены все права сторон договора, все обязанности их и все последствия за неисполнение или за некачественное исполнение договора. Иначе мы не можем говорить о правовом регулировании и реализации прав граждан в условиях развитого социализма /16/. К сожалению, все практические замечания в адрес Единых правил нашей республики остались без внимания, и нет никаких санкций за неисполнение договоров /17, с.69/. А в литературе в последнее время подчеркивается, что неисполнение или ненадлежащее исполнение договоров обслуживания стало довольно частым явлением, особенно нарушение условий о сроке и качестве исполнения /18, с. 71/.

Если сравнивать между собой вышеназванные Типовые договоры на строительные работы в РСФСР и ЭССР, то нельзя не отметить явное предпочтение интересов предприятий обслуживания по многим вопросам. Так, п.6 Типового договора РСФСР устанавливает, что заказчик в течение 10 дней после подписания договора вносит аванс и окончательный расчет проводится в течение трех дней после приемки выполненных по договору работ. Такой же порядок оплаты был предусмотрен и Типовым договором нашей республики от 11 августа 1970 г. Несомненно, этот принцип оплаты за работу стимулирует к срочному и даже досрочному исполнению - чем быстрее достроится объект, тем быстрее оплачиваются затраты на строительство. Наряду со стимулированием к срочному исполнению договора данный порядок оплаты выражает и оценку работы за конечные результаты. А это имеет в виду проводимый эксперимент /19, с.18/. Но, к сожалению, в Типовом договоре Эс-

тонской ССР от 5 апреля 1976 г. был определен совсем иной порядок оплаты. Так, при заключении договора заказчик должен оплатить аванс, и если срок исполнения договора установлен свыше одного месяца, то оплата за сделанные работы проводится ежемесячно на основе составленных подрядчиком актов. Поскольку строительные работы длятся обычно долго (в практике даже несколько лет), нет стимула для срочного строительства. Строят по усмотрению или по калькуляции подрядчика тогда, когда это в его интересах. Как мы убедились выше, подрядчику не угрожают и санкции, которые были из Типового договора вовремя упразднены (до 1976 г. они предусматривались).

Для рассматриваемых Типовых договоров характерно различие в порядке изменения сроков работ. Так, в Типовом договоре РСФСР установлено, что изменение сроков начала и окончания работ согласовывается сторонами, о чем делается запись в договоре. Такой порядок соответствует принципу договорного права о недозволенности одностороннего изменения действующего договора. А типовой договор Эстонской ССР определяет, что при необходимости изменить сроки начала и окончания работ, стороны обязаны сообщить об этом друг другу в течение 3-х дней до истечения соответствующего срока. Значит, по п.3 Типового договора для изменения срока начала или окончания работ заинтересованная сторона должна лишь сообщить другой стороне об этом за три дня до истечения срока, установленного договором, и сроки будут изменены. Никакого согласования между сторонами по Типовому договору нашей республики не требуется. Отмечается лишь, что об изменении срока в договоре делается соответствующее примечание.

Таким образом, все решено очень просто — заинтересованная сторона изменяет сроки по собственному усмотрению, вовремя сообщает об этом другой стороне и делает в договоре примечание об изменении. Без особого преувеличения можно сказать, что в советском гражданском праве нет другого более нестабильного договора как рассматриваемый. Но дело не только в его стабильности. Предоставление Типовым договором права на неограниченное изменение сроков обоим сторонам является лишь формальным. В изменении сроков начала, а особенно окончания работ, если эти сроки удлиняются, заинтересована практически лишь одна сторона, т.е. подрядчик. Строительные работы связаны обычно с большими затратами для заказчиков, и сроки, установленные договором, должны соблюдаться. В интересах заказчиков Типовой договор РСФСР устанавливает твердый порядок изменения сроков и соответственные последствия нарушения их. При этом ответственность подрядчика виновная. С этим можно полностью согласиться и при нарушении сроков по вине заказчика, последний несет ту же ответственность перед подрядчиком. Безусловно, необходимо такую же ответственность предусмотреть и в Типовом договоре на строительные работы, действующем в Эстонской ССР.

Нет сомнения в том, что эти недостатки в Типовом договоре существенно ущемляют права заказчиков и создают органам бытового обслуживания условия для работы по собственному усмотрению. При этом в Правилах и Типовом договоре не сохранились даже те способы обеспечения исполнения и ответственности, которые имелись в ранее действующих. В результате сложилась практика своеобразная, выражающая интересы системы обслуживания. Это положение ка-

рактиризуют примеры, приведенные выше из практики строительства кооперативных гаражей в городе Тарту. Но правовое положение заказчиков, установленное Типовым договором, распространяется на всю территорию республики, где единственными организациями, строящими необходимые объекты для населения, являются соответствующие организации системы бытового обслуживания. В условиях такого монопольного положения системы обслуживания интересы граждан-заказчиков должны быть защищены и законодательством, и в практической деятельности. Для этого необходимо немедленно провести ряд изменений в законодательном порядке.

При этом надо начинать с начала, т.е. с исполнения прямого требования закона, установленного в ч.1 ст.372 ГК Эстонской ССР, о том, что типовые договоры по отдельным видам бытового обслуживания граждан утверждаются Советом Министров Эстонской ССР. Наилучшим примером является утверждение Типового договора Советом Министров РСФСР /15/. Как мы неоднократно отмечали, названный Типовой договор обладает существенными положительными предписаниями о способах исполнения, об ответственности сторон и т.д. Но в ходе полного пересмотра правил обслуживания нашей республики необходимо усовершенствовать все правила и Типовые договоры, исходя из изменения в области обслуживания, из практического опыта и теоретических предложений.

В Типовом договоре должны содержаться все предписания, устанавливающие права и обязанности для сторон по этому конкретному договору. Учитывая обстоятельство, что одной из сторон (заказчиком) является гражданин, предписания Типового договора должны прямо, ясно и в полном объеме ука-

зать права сторон. Поэтому иногда в Типовом договоре приходится повторять текст закона (например, статья ГК), сосредотачивать в нем предписания может быть некоторых законодательных актов только с одной целью, - чтобы в самом тексте договора указать права сторон. В договорах обслуживания при установлении прав и обязанностей сторон недостаточно ограничиваться ссылками на законодательные или технические материалы, как это делается, например, в хозяйственных договорах.

Исходя из необходимости обеспечения исполнения заключенного между сторонами договора на строительные работы, в Типовом договоре должен быть урегулирован ряд основных моментов исполнения данного договора. Хорошим примером при этом является Типовой договор РСФСР. В первых пунктах его указываются необходимые данные о подрядчике и заказчике, определяется объект, устанавливается порядок предоставления материалов обеими сторонами и т.д.

Правильно установлен Типовым договором РСФСР порядок оплаты за работы в том смысле, что взимание промежуточных платежей не производится и окончательный расчет производится в течение трех дней после приемки выполненных по договору работ (п.6). По условиям - эксперимента услуги оплачиваются после их исполнения, и этот принцип необходимо расширить на все услуги. Учитывая положительные результаты эксперимента /19, с.18/, взнесение аванса при заключении договора надо рассматривать как редкое исключение. По-видимому, это возможно лишь при совершении строительства особо больших объектов (например, гаражнокооперативы общей стоимостью свыше ста тысяч рублей), и авансы

должны сохранять содержание аванса (сначала до 30 %), а не превращаться в основную оплату, превышая при этом половину его общей суммы.

В Типовом договоре должно быть зафиксировано право заказчика в любое время до окончания работ отказаться от договора. Такое право предусмотрено ч.3 ст.365 ГК, где его осуществление связано с наличием уважительных причин.

Важным моментом с точки зрения исполнения договора является его стабильность. Поэтому изменение договора в ходе его исполнения возможно лишь в порядке исключения, а его совершение может состояться согласно порядку, установленному Типовым договором. При анализе данного момента мы убедились в различиях в Типовых договорах РСФСР и ЭССР. Первые определяют, что изменение согласовывается сторонами, вторые предусматривают только обязанность уведомить об этом другую сторону договора. В Типовом договоре необходимо установить, что изменение сроков начала и окончания работ может состояться с согласия заказчика. Согласованные с заказчиком новые сроки указываются в тексте договора.

Типовой договор РСФСР устанавливает конкретные последствия в виде пени и неустойки за нарушение сроков начала и окончания работ. Эти способы обеспечения обязательств общепризнаны в советском гражданском праве и должны на самом деле занимать достойное место в договорных отношениях. Роль способов приобретает особое значение в неплановых договорах, в том числе в договорах бытового обслуживания, исполнение которых не гарантируется мерами, свойственными для плановых отношений. Только размеры пени и неустойки могут вызвать сомнение, если они не в силах обеспечить исполнение договора.

Ясно только, что Типовой договор, действующий в нашей республике, в смысле обеспечения исполнения договора не выдерживает никакой критики. Он лишь повторяет текст ч.1 ст.365 ГК ЭССР: если подрядчик своевременно не приступит к исполнению договора или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от договора и требовать возмещения убытков. Конечно, это правило тоже должно быть в договоре, но оно одно не в состоянии защитить интересы заказчика и принудить подрядчика к исполнению договора. Скорее всего оно выражает мысль о том, что если заказчику не нравится темп работы, то он может отказаться от договора и требовать возмещения убытков (если наличие их заказчик докажет) и возврата своих денег, уплаченных авансом. Если же заказчик заинтересован в достройке объекта, ему придется согласиться со всем и никто ему не поможет. Такое положение заказчика требует принципиального изменения и создания в законодательном порядке условий, когда его интересы защищаются в полном смысле в отношениях по бытовому обслуживанию и обеспечивается исполнение обязанностей со стороны предприятий обслуживания. Директивные органы прямо обязывают осуществлять мероприятия, направленные на более полное удовлетворение спроса советских людей на бытовые услуги, повышение качества и культуры обслуживания /1/. Одним из таких мероприятий, несомненно, является усовершенствование правового регулирования отношений между заказчиками и предприятиями бытового обслуживания.

Использованные материалы

1. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения" от 24 марта 1983 г. № 235 // СП СССР.-1983.- № 8.
2. Плоом Э.Л. Вопросы исполнения договоров бытового обслуживания // Уч.зап. Тарт. ун-та.- 1978.- Вып.452: Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства.
3. Мещанкин А.А., Кобелев Н.Б. Совершенствование управления бытовым обслуживанием населения.-М.: Легкая индустрия, 1980.
4. Крылова З.Г. Исполнение договора поставки.-М., 1968; Толстой В.С. Исполнение обязательств.-М., 1973 и др.
5. Предельные сроки (в днях) выполнения заказов населения на бытовые услуги и работы: Утверждены приказом Министерства бытового обслуживания Эстонской ССР от 9 июня 1980 г. № 124 // Сов.право.-1980.- № 5.
6. Тархов В.А. Материальная ответственность предприятий бытового обслуживания перед заказчиком // Бытовое обслуживание населения: Правовые вопросы / Отв.ред. В.С. Тадевосян.-М., 1972.
7. Кабалкин А.Ю. Сфера обслуживания: Гражданско-правовое регулирование.-М., 1972.
8. Прокопченко И.П. Правовые вопросы бытового порядка // Бытовое обслуживание

населения: (правовые вопросы) / Отв. ред.
А.С. Тадевосян. - М., 1968.

9. Катанян Н.Г. Договор подряда с организацией бытового обслуживания. - М., 1964.
10. Дело № 2-424 народного суда Хаапсалуского района за 1970 г.
11. Дело № 2-677 народного суда города Тарту за 1968 г.
12. Фархдтинов Я.Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
13. Дело № 1373 Государственного арбитража при Совете Министров Эстонской ССР за 1968 г.
14. Дело № 2323 Государственного арбитража при Совете Министров Эстонской ССР за 1981 г.
15. Типовой договор подряда на строительство жилого или нежилого помещения (бытовой указ): Утвержден постановлением Совета Министров РСФСР от 1 апреля 1981 г. № 187 // СП СССР. - 1981. - № 1. - Ст. 71.
16. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е.А. Лукашев. - М., 1983.
17. Плоом Э.Л. Проблемы развития правового регулирования бытового обслуживания в свете решений XXVI съезда КПСС // Задачи юридических наук в свете решений XXVI съезда КПСС: Тез. науч.

докл. научно-практической конф.-Тарту, 1982.

18. Брычева Л.И. Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере обслуживания // Тез.докл. на теоретической конф. аспирантов Института государства и права АН СССР и юридического факультета МГУ им. В.М.Ломоносова.-М., 1984.
19. Савин И. Права и ответственность // Экономическая газета.-1984.- № 44.

ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРИНЦИПА ВИНЫ ПРИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТ- ВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

П. А. Варул

Для настоящего периода развития экономических отношений в нашей стране характерен рост роли самостоятельности, инициативы и ответственности хозяйственных организаций /1, с.41-42; 2, с.35/. В СВЯЗИ с необходимостью укрепления ответственности хозяйственных организаций - юридических лиц, немаловажное значение имеет теоретическая разработка ее отдельных аспектов. В данной статье сделана попытка исследовать некоторые проблемы, связанные с осуществлением принципа вины в случае применения гражданско-правовой договорной ответственности⁴ в отношении юридических лиц.

Первой проблемой, имеющей в данном случае существенное теоретическое и практическое значение, является вопрос о самом понятии вины юридического лица, которое, в свою очередь, тесно связано с пониманием сущности юридического лица. Мы исходим из положения, что сущностью юридического лица является коллектив его работников. Юридическое лицо - это и есть коллектив, им объединяемый /3, с. 670; 4, с.98-99/. Эта точка зрения, известная под названием "теории коллектива", является в настоящее время в науке гражданского права господствующей. Однако одинаковое понимание сущности юридического лица не ведет к единому определению понятия его вины. Можно наметить два основных направления, существующих по этому вопросу.

⁴ Далее: договорная ответственность.

Так, одни авторы во главе с Г.К. Матвеевым видят в вине юридического лица особую форму вины, которая качественно отличается от вины его отдельных работников /5, с.216-217; 6, с.209-241; 7, с.39-47; 8, с.78; 9, с.143-144; 10, с.78-79/. Утверждается, что различие в выражении вины граждан и юридических лиц кроется в отличии природы физического лица от юридического лица /7, с.41; 8, с.76/, в основе ее формирования /11, с.143-147/.

Согласно другой точке зрения вина юридического лица — это не какая-то особая вина, она заключается в вине его работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей и тем самым принципиально от природы вины граждан не отличается /12, с.265 и сл.: 13, с.70; 14, с.82; 15, с.11-64; 16, с.28-30/.

На наш взгляд, более обоснованным и логичным, исходя из "теории коллектива" при определении понятия юридического лица, является именно второе вышеуказанное положение о вине юридического лица. Так как основательная и с нашей точки зрения справедливая критика первого положения по этому вопросу дана В.Т.Смирновым и А.А.Собчаком /12, с.269-274; 14, с.83-87/, то нет необходимости здесь повторять все аргументы в пользу второй концепции. Сделаем лишь некоторые замечания. Концепция "особой вины" юридического лица основывается на положении о том, что при определении вины юридического лица необходимо исходить из процесса образования его воли /7, с.45-47; 17, с.53-54/.

Естественно, что при изучении деятельности юридического лица как определенного коллектива необходимо исследовать закономерности образования его воли, и что воля юридического лица качест-

венно отличается от воли отдельных его работников. Но существенная методологическая неточность сторонников концепции "особой вины" заключается в том, что они не видят принципиального различия при образовании т.н. правомерной воли с неправомерной волей (виной). В.Т.Смирнов и А.А.Собчак вполне обоснованно отмечают: "Воля коллектива людей, чтобы стать их коллективной волей, должна быть согласована в своем единстве либо путем выражения своей воли всеми (или по крайней мере большинством) участниками этого коллектива, либо на основе действий их представителей. Нет необходимости доказывать, что это может иметь место лишь при правомерной деятельности, не при правонарушениях" /14, с.83/. Именно в этом положении, по нашему мнению, заключается самый веский аргумент против концепции "особой вины" юридического лица. Это, конечно, не означает, что процесс образования воли юридического лица не имеет никакого влияния на его вину. Вина и воля юридического лица, разумеется, тесно взаимосвязаны, поскольку поведение каждого работника зависит от микроклимата в коллективе, от уровня организованности труда и т.д., но в данном случае речь идет не о понятии вины юридического лица, а о тех факторах, от которых эта вина зависит. Необходимость исследования этих факторов очевидна /7, с.45-47/.

При нарушении договорных обязательств трудно точно установить в каждом случае вину конкретных работников. Вина работников юридического лица зависит от характера их действий и выражается в различных вариантах: (1) налицо вина органа юридического лица, но нет вины его остальных работников, (2) отсутствует вина органа юридического лица, но зато

налицо вина каких-то остальных работников, (3) вина обоих совпадает. Следовательно, может возникнуть положение, при котором установить вину конкретных работников даже невозможно. Но и это не дает основания говорить об особенной вине юридического лица, речь идет о возможностях установления вины конкретных работников внутри юридического лица. Установлена это вина или нет — это ни в коей мере не влияет на определение понятия вины юридического лица.

Таким образом, можно присоединиться к общему выводу В.Т.Смирнова о том, что вина юридического лица не имеет своего специфического, сколько-нибудь отличного от вины конкретного работника содержания и по существу представляет собой юридико-техническое понятие /12, с.274/. Следовательно, при определении понятия вины юридического лица суть дела заключается не в необходимости изыскания какого-то специфического содержания данной вины, а в общем понятии вины в гражданском праве (в правоведении в целом). Сказанное следует и из закона, так как в гражданском законодательстве не различается вина юридических лиц и граждан (ср. ст.ст.36, 37 и 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик⁴).

Наряду с вышеизложенной, основной проблемой понимания вины юридического лица в настоящее время высказаны и отдельные точки зрения по поводу понятия вины юридического лица, не основанные на "теории коллектива". Так, И.Н.Петров находит, что сама деятельность юридического лица является лишь осуществлением контроля и подбора кадров. Вина и ответственность за это при отклонении от

⁴ Далее: Основы.

требуемого поведения представляет собой вину и ответственность самого юридического лица. Вина и ответственность за остальное поведение работников юридического лица является для него виной и ответственностью за чужое действие. Таким образом, вина юридического лица — это вина его органа /17, с.109-116/. Однако нетрудно заметить, что такая разработка означает признание "теории директора" в понимании сущности юридического лица. Но данная теория ныне отвергнута как необоснованная ни теоретически, ни на основании законодательства.

Принцип необходимости установления наличия вины правонарушителя при решении вопроса о применении договорной ответственности закреплен в законодательстве (ст.37 Основ; ст.227 ГК ЭССР и ст.222 ГК РСФСР), и важное значение его осуществления неоднократно подчеркивалось в инструктивных указаниях Госарбитража при Совете Министров СССР /19; 20/. Но в то же время возможность разного толкования некоторых пунктов инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР послужила основанием для возникновения концепции, согласно которой вина юридического лица сводится к определению объективных обстоятельств нарушения обязательства и отрицается необходимость выявления и доказывания вины в субъективном смысле. Так, по мнению Б.И.Пугинского, психологическая характеристика вины является непригодной для анализа деятельности юридических лиц, и под виной организации следует понимать неприложение организацией допускаемых и требуемых законодательством усилий для надлежащего исполнения обязательства, неиспользование предоставленных прав и возможностей для устранения причин нарушения /21, с.

63-67/. Действительно, в п.15 инструктивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 декабря 1967 г. И-1-59 говорится, что при решении вопроса о наличии вины в нарушении договора необходимо исходить из того, что предприятия и организации должны принимать все необходимые меры к безусловному надлежащему выполнению договорных обязательств /19, с.58/. В п.5 инструктивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР от 6 октября 1969 г. И-1-33 утверждается, что решение вопросов о вине производится с учетом всех обстоятельств дела, установленных на заседании арбитража, исходя из того, что предприятия и организации в интересах народного хозяйства должны принимать все необходимые меры к безусловному и надлежащему исполнению своих обязательств перед другой стороной, в полной мере используя в этих целях заложенные в социалистической системе хозяйства возможности /20, с.61/. Но в изложенных пунктах инструктивных указаний госарбитража не определяется понятие вины хозяйственных организаций - юридических лиц, а говорится о тех обстоятельствах, которые имеют значение при установлении ее наличия или отсутствия. Речь идет в данном случае о критериях установления наличия вины, а не о природе самой вины. Выдвинутая Б.И.Пугинским концепция неприемлема, так как основной акцент в ней поставлен на определенное поведение юридического лица. Но противоправное поведение служит ведь самостоятельным основанием гражданско-правовой ответственности /22, с.37-38/. Хотя на самом деле и при установлении наличия вины нужно исходить из определенного поведения правонарушителя, поскольку вина в

качестве психического отношения выражается все же в поведении — без оценки поведения нарушителя договорных обязательств невозможно судить о том, виновен он или нет. Но одно дело — само явление, другое — критерии его установления. Замена одного другим в данном случае означала бы отказ от определения сущности и содержания вины юридического лица.

Общепризнанным является закрепленное в нормативном порядке положение, по которому различие форм вины в гражданском праве не имеет определенного значения. Важным, по общему правилу, является лишь определение наличия вины, и только в определенных законодательством случаях необходимо также и установление ее формы и степени. Такой подход, на наш взгляд, кажется достаточным. По мере распространения понимания гражданско-правовой ответственности как ответственности только за вину, развиваются и положения о необходимости различения форм вины юридического лица /5, с.244-245; 6, с.242 и сл.; 15, с.94; 22, с.38-40/. При выполнении договорной ответственностью функции имущественного наказания правонарушителя важное значение имеет связь характера вины с характером данного наказания. Объем ответственности, в первую очередь, определяется, как правило, объемом причиненного вреда. Но в зависимости от формы вины следовало бы решить вопрос о дополнительном укреплении договорной ответственности правонарушителя. К тому же гражданским законодательством в доволно многих случаях установлена ответственность и без учета наличия и объема вреда. В таких случаях основаниями и мерилami ответственности служат

лишь противоправное поведение и вина правонарушителя. При исследовании форм вины юридического лица имеются противоречия во мнениях разных авторов прежде всего в оценке значения умысла и неосторожности. Некоторые авторы считают умысел с точки зрения гражданского права редким явлением, утверждая, что вина при нарушении обязательств, как правило, выступает в форме неосторожности /8, с. 58; 23, с.35-36/. Другие авторы придерживаются иного мнения, утверждая, что довольно большая часть нарушений в обязательствах совершается умышленно (этим они, конечно, не утверждают, что умысел наряду с неосторожностью является более распространенной формой вины юридического лица) /6, с.253 и сл.; 9, с.150-152; 13, с.152-157; 15, с.77-86/. Критерием оценки этих разных положений может быть, с одной стороны, анализ практики, а с другой, — уточнение определения самих понятий форм вины в данном случае.

На наш взгляд, дальнейшего уточнения требуют виды умысла в гражданском праве. По причине отсутствия соответствующей терминологии в гражданском праве следовало бы, по примеру уголовного права, выделить прямой и косвенный умысел /15, с.77-86; 24, с.29-30/. При этом умысел имеет место тогда, когда правонарушитель знал о возможности наступления вредного результата, желал его наступления (прямой умысел) или допустил возможность его наступления (косвенный умысел). При невыделении видов умысла возникает опасность видеть в косвенном умысле неосторожность, и в результате этого — отсутствие умысла вообще. Косвенный умысел представляет собой более тяжкую форму вины, чем неосторожность, и это необходимо иметь в виду в правоустановительной

и правоприменительной деятельности.

Изложенные выводы имеют определенное практическое значение. Согласно п.31 постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. "О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств" /25/ органы арбитража вправе взыскивать со стороны по договору, грубо нарушившей его условия, неустойку (штраф, пеню) в повышенном до 50% размере, с обращением данной части взысканных сумм в доход союзного бюджета. При определении значения "грубого нарушения" следует исходить из п.16 инструктивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 декабря 1967 г. И-1-59, согласно которому "грубым нарушением условий договора следует считать, в частности, неоднократное нарушение обязательств, длительные задержки в выполнении обязательств, причинение невыполнением обязательств существенного ущерба кредитору и народному хозяйству, умышленное (подчеркнуто нами - П.В.) нарушение договора, а также непринятие стороной мер к предотвращению или уменьшению ущерба в связи с ненадлежащим выполнением обязательств" /19, с. 58/. Следовательно, формы вины юридического лица являются в данном случае непосредственными критериями определения объема ответственности, и их точное разграничение приобретает важное практическое значение.

Однако в цитируемом пункте инструктивного указания допущена одна неточность. Изучение вины юридического лица и его противоправного поведения означает исследование тесно взаимосвязанных, но все же самостоятельных явлений. Исследование противоправного поведения предполагает проведение анализа образа пове-

дения, исследование вины - проведение анализа процесса образования воли юридического лица через образование воли его работников. Но в то же время воля формирует поведение. Именно с этой точки зрения не совсем удачно сформулирован вышеизложенный п.15 инструктивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 декабря 1967 г. И-1-59, где наряду с объективными обстоятельствами (неоднократное нарушение обязательств, длительные задержки в выполнении обязательств и др.) означающими грубое нарушение условий договора, указывается и на умышленное нарушение договора. Но дело в том, что и при наличии перечисленных объективных обстоятельств для применения мер договорной ответственности необходимым условием является вина правонарушителя. Названное инструктивное указание оставляет впечатление, будто перечисленные объективные обстоятельства есть самостоятельные условия для признания нарушения обязательства грубым. На самом деле - каждое из них должно сопровождаться наличием вины (независимо от ее формы) правонарушителя, и еще - наличие умысла означает грубое нарушение и при более легких объективных обстоятельствах по сравнению с перечисленными в указанной инструкции. Предлагается следующая дополненная формулировка данного пункта: "Грубым нарушением условий договора следует считать, в частности, следующее виновное поведение: неоднократное нарушение обязательств, длительные задержки в выполнении обязательств, причинение невыполнением обязательств существенного ущерба кредитору и народному хозяйству, неприятие стороной мер к предотвращению или уменьшению ущерба в связи с надлежащим выполнением обязательств, а также

иные нарушения договора, совершенные умышленно".

Таким образом, мы находим, что в целях более полного осуществления принципа вины при договорной ответственности юридических лиц дальнейшее изучение проблем вины должно происходить в следующих направлениях: (1) выяснение и анализ тех конкретных объективных и субъективных обстоятельств, от которых зависит образование вины юридического лица, используя при этом такие отрасли науки как психология, анализ экономической деятельности предприятия (объединения), наука управления и т.д.; (2) исследование форм вины юридического лица и их взаимосвязи с тяжестью мер договорной ответственности юридических лиц как в правоустановительной, так и в правоприменительной плоскости.

Использованные материалы

1. Горбачев М.С. Политический доклад ЦК КПСС XXУ11 съезду, КПСС. - М.: Политиздат, 1986.
2. Программа КПСС: Новая редакция. - М.: Политиздат, 1986.
3. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Госюриздат, 1950.
5. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. - Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1955.
6. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрид. лит., 1970.
7. Матвеев Г.К. Психологический аспект вины советских юридических лиц //

- Сов. гос-во и право. - 1978. - № 8.
8. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. - М.: Госюриздат, 1962.
 9. Константинова В.С. Вина юридического лица // Правовые вопросы хозяйственного управления. - Саратов: Б.и., 1969.
 10. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
 11. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
 12. Смирнов В.Т. Обоснование деликтной ответственности юридических лиц // Проблемы гражданского и административного права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
 13. Малеев Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. - М.: Наука, 1968.
 14. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
 15. Рабинович Ф.Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия. - М.: Юрид. лит., 1975.
 16. Вилейта А. Понятие вины юридического лица // Развитие гражданского, уголовного и процессуального законодательства в Советских республиках Прибалтики (1940-1975): Тез. докл. респ. научн. конф. - Рига: Б.и., 1975.
 17. Ойгензихт В.А. Воля и вина в гражданском праве // Сов. гос-во и право. - 1982. - № 4.
 18. Петров И.Н. Ответственность хозяйственников за нарушение обязательств. -

- М.: Юрид. лит., 1974.
19. О работе органов арбитража по выполнению постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988 "О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств": Инструктивное указание Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 декабря 1967 г. № И-1-59 // Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. - М.: Юрид. лит., 1983.
 20. О практике применения арбитражами ст.37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: Инструктивное указание Госарбитража при Совете Министров СССР от 6 октября 1969 г. № И-1-33 // Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. - М.: Юрид. лит., 1983.
 21. Пугинский Б.И. Применение принципа вины при регулировании хозяйственной деятельности // Сов. гос-во и право. - 1979. - № 10.
 22. Абрамов Н.А. О вине хозяйственных организаций при нарушении договорных обязательств // Сов. гос-во и право. - 1982. - № 1.
 23. Быков А.Г. Система и основание принципа применения санкций к хозяйственным организациям // Сов. гос-во и право. - 1967. - № 3.
 24. Павлодский Е.А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. - М.: Юрид. лит., 1978.
 25. О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств: Поста-

новление Совета Министров СССР от
27 октября 1967 г. // СП СССР. -
1967. - № 26. - Ст. 186.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА МЕХАНИЧЕСКИМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Ю. Э. Райдла

Обязательства, в частности внедоговорные, возникающие вследствие причинения вреда механическими транспортными средствами, являются одним из видов правоотношений. Возникновение правоотношений связывается с наличием соответствующего юридического факта. Юридическими фактами, порождающими возникновение (а также изменение или прекращение) правоотношений, выступают конкретные жизненные обстоятельства, которым нормами права придается значение такого факта /1, с.10/. В число юридических фактов входит и причинение вреда другому лицу, в частности механическим транспортным средством.

В соответствии с п.4 ч.2 ст.5 ГК ЭССР причинение вреда другому лицу является одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Гражданские права и обязанности существуют только в правоотношениях. Следовательно, причинение вреда другому лицу служит основанием возникновения правоотношения между лицом, причинившим вред, и потерпевшим. Возникающее вследствие причинения вреда другому лицу правоотношение является обязательством. Об этом упоминается в ст.163 ГК ЭССР.

Обязательством, возникающим вследствие причинения вреда другому лицу, является правоотношение, по которому один субъект - причинивший вред - обязан возместить другому субъекту - потерпевшему - имущественный вред, причиненный личности или имуществу последнего в пол-

ном объеме в натуре или деньгах, а потерпевший вправе требовать возмещения вреда (ст. 448 и 461 ГК ЭССР) /2, с. 397/. В результате причинения вреда другому лицу источником повышенной опасности возникает обязательство на основании ст. 458 ГК ЭССР (ст. 90 Основ). Причинение вреда может происходить в двух направлениях - вред может причиняться имуществу организаций или граждан или личности граждан. Как в первом, так и во втором случае нарушается чужое субъективное право, которое существует в рамках абсолютного правоотношения. Существование абсолютных правоотношений является предпосылкой возникновения обязательств вследствие причинения вреда. Нарушение же чужого субъективного права путем причинения вреда имуществу или личности другого лица обуславливает возникновение обязательства вследствие причинения вреда, оно является основанием его возникновения. Сказанное в полной мере распространяется и на случаи причинения вреда механическим транспортным средством. Таким образом, внедоговорное обязательство вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, возникает как последствие нарушения одним лицом абсолютного неимущественного субъективного права, если в результате этого наступает имущественный вред у этого лица /3, с. 23/.

Момент причинения вреда становится и моментом возникновения обязательства из причинения вреда /4, с. 132/. Возникновение охранительного правоотношения (а мы полагаем, что исследуемое обязательство является охранительным правоотношением) прямо связано с нарушением субъективного гражданского права.

Обязательства возникают при наличии

условий, установленных законом. При этом для отдельных обязательств эти условия различные.

В отношении обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, такие условия содержатся в норме ст. 458 ГК ЭССР (ст. 90 Основ). Условиями возникновения обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством являются: 1) наличие вреда, 2) противоправность поведения владельца механического транспортного средства и 3) причинная связь между противоправным поведением владельца механического транспортного средства по его эксплуатации и наступлением вреда. Специальным условием возникновения обязательства по ст. 458 ГК ЭССР служит средство причинения вреда — вред причиняется материальным объектом, являющимся источником повышенной опасности. Если в качестве такого "инструмента" причинения вреда выступает механическое транспортное средство, то по ст. 458 ГК ЭССР возникает обязательство вследствие причинения вреда механическим транспортным средством.

Обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, является самостоятельным правоотношением. Будучи результатом нарушения абсолютного субъективного права, обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, не является дополнением или продолжением абсолютного правоотношения, а приобретает самостоятельное значение в механизме правового регулирования. Обязательству, возникающему вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, свойственны все признаки обязательства, по

экономическому содержанию, оно является способом перемещения имущества, оно может быть оформлено письменно, исполнено добровольно, его неисполнение или ненадлежащее исполнение сопровождается правовой ответственностью и т.д. Как и любое другое обязательство, так и обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, включает в себя следующие элементы: субъекты, объект и содержание.

Объектом обязательства признается то, по поводу чего устанавливается обязательное правоотношение /5, с.322/. В данном случае объектом обязательства является то возмещение, которое владелец механического транспортного средства обязан предоставить в качестве компенсации потерпевшему. Возмещение предоставляется потерпевшему в качестве компенсации за причиненный ему вред. Обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством носит компенсационный характер, что служит его существенным признаком. Оно не опосредует эквивалентных отношений между его субъектом, что имеет место, например, в договорных обязательствах.

Содержание обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, составляет обязанность владельца механического транспортного средства возместить вред, причиненный этим средством, и право потерпевшего требовать такого возмещения. В обязанности возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, заложена цель этого обязательства - охрана субъективных абсолютных прав управомоченных субъектов абсолютного правоотношения. Обязательство,

возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, направлено на устранение имущественных последствий нарушения чужого субъективного права. Следовательно, как мы уже отметили, обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, является охранительным правоотношением, "... призванным обеспечить защиту признаваемых имущественных прав и интересов граждан и организаций" /6, с.11/ от посягательства на них во внедоговорных отношениях.

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности, в частности механическим средством, тесно связаны с гражданско-правовой ответственностью. На эту связь обращает внимание уже текстуальный анализ гражданско-правовых норм, регулирующих возникновение и исполнение рассматриваемых обязательств. Эти нормы расположены в главе 41 ГК ЭССР: "Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда". В то же время все статьи, содержащие правовые нормы, озаглавлены как регулирующие ответственность, в том числе и норма в ст.458 ГК ЭССР: "Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности". Несмотря на это, в редакции ст.458 ГК ЭССР термин "ответственность" не упоминается, а говорится об обязанности возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности. Следовательно, мы не можем совершить свою трактовку правовой природы обязательств, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, не рассмотрев связанной с этим обязательством проблематики гражданско-правовой ответственности. При этом нужно и учитывать, что почти все

авторы рассматривают возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, через призму ответственности.

В изложении исследуемой проблемы у нас, к сожалению, отсутствует возможность пользоваться общепризнанным определением понятия юридической ответственности, поскольку, несмотря на продолжительную научную дискуссию, такое определение еще не выработано.

Некоторые авторы понимают под ответственностью "собственное состояние личности индивида" /7, с.96/ или "личностное свойство" /8, с.41/, другие же определяют ее как обязанность давать отчет о своих действиях /9, с.11/.

Трактовка ответственности как обязанности давать отчет имеет точку соприкосновения с концепцией позитивной правовой ответственности, в которой обязанность отчета занимает центральное место. Концепция позитивной правовой ответственности получила в последние годы довольно широкое распространение /10/. Поскольку подробный анализ различных концепций правовой ответственности не входит в нашу задачу, мы лишь отметим, что присоединяемся в авторам, считающим концепцию позитивной правовой ответственности непригодной для раскрытия сущности правовой ответственности /11, с.43; 12, с.106/. Спорным является также определение понятия юридической ответственности как реализации санкции правовой нормы /13, с.35-37; 14, с.87-89/. Высказанное распространяется и на авторов, подчеркивающих, что ответственностью является реализация только таких санкций, которые предусматривают отрицательные последствия для правонарушителя /15, с.17/. Спорность такого понимания сущности ответственности определяется, на наш

взгляд, уже тем обстоятельством, что в литературе нет единого понимания сущности самой санкции /16/. Следует иметь в виду, что в санкциях правовых норм предусматривается не только применение мер ответственности, но и возможно других мер правового воздействия принудительного характера, например, мер защиты. Следовательно, реализация санкции правовой нормы шире по объему охватываемых явлений, чем правовая ответственность.

Относительно сущности правовой ответственности мы разделяем мнение авторов (17, с.41; 18, с.49), трактующих ответственность как особого рода обязанность, содержание которой заключается в необходимости нести для ответственного лица дополнительные по сравнению с обычным ходом дела неблагоприятные последствия в виде различных лишений. При гражданско-правовой ответственности эти лишения носят имущественный характер, определяя тем самым характер гражданско-правовой ответственности как имущественной ответственности. Провозглашая ответственность обязанностью, мы понимаем обязанность как родовое понятие ответственности. Понятие обязанности шире понятия ответственности: не всякая правовая обязанность является ответственностью. Юридическая ответственность представляет собой лишь один, определенный вид среди многочисленных правовых обязанностей. Этому виду обязанностей присущи определенные отличительные признаки, краткий анализ которых видимо поможет обосновать нашу трактовку сущности правовой ответственности, а также соотношений между юридической ответственностью и обязательствами, возникающими вследствие причинения вреда механическими транспортными средствами.

В юридической ответственности всегда выражается реакция государства на поведение лица, совершившего правонарушение /6, с.10/. Характер этой реакции предусматривается в правовой норме. Реакция государства относительно правонарушителя всегда сопряжена с государственным принуждением. Принуждение, как и нормативность /19, с.9/, свойственно правовой ответственности. А.А. Собчак подчеркивает, что в законодательном плане ответственность выступает как вид и мера государственного принуждения /20, с.155/. Связь ответственности с принуждением можно условно назвать односторонней, но в то же время принуждение свойственно и некоторым другим правовым явлениям. Требуется отметить, что принуждение не является целью правовой ответственности. Будучи содержательным признаком ответственности, принуждение в то же время служит средством и методом доведения ее до правонарушителя. При реализации государственного принуждения в гражданско-правовой ответственности необходимо обратить внимание на одно существенное отличие. В гражданско-правовой ответственности государственное принуждение может реализоваться и без вмешательства государственных органов, т.е. правовая ответственность реализуется в таком случае в добровольном порядке. Государственное принуждение выступает в этих ситуациях в потенциальной законодательной форме как реальная угроза его применения.

Правовая, в том числе и гражданско-правовая ответственность, базируется на оценке поведения правонарушителя /21, с.121/, а именно на отрицательной оценке. Ответственность наступает только тогда,

когда поведение лица вызывает упреки. В лучае безупречного поведения лица говорить о правовой ответственности невозможно. Обусловливается это тем, что существенным признаком юридической, в частности гражданско-правовой ответственности, является осуждение поведения и личности правонарушителя. В осуждении правонарушителя заключается одна из наиболее характерных черт реакции государства и общества на поведение правонарушителя в случае виновного причинения вреда. Осуждение /22/ является как социальным содержанием, так и целью правовой ответственности. В ответственности всегда выражается порицание лица, допустившего виновное правонарушение. Верно рассуждают те авторы, которые полагают, что "отрицательные последствия для лица, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности, заключается не только в обязанности возместить имущественный вред, но и в общественном осуждении этого лица" /23, с.183/. Осуждение является одновременно признаком юридической, в частности гражданско-правовой ответственности, одной ее целью и одним ее результатом. В осуждении выражается базирующаяся на оценке поведения и личности правонарушителя негативная реакция государства в отношении виновного правонарушителя.

Гражданско-правовая ответственность всегда обусловливает для правонарушителя неблагоприятные, отрицательные последствия, которые заключаются в имущественных лишениях /18, с.49; 24, с.68/. В материализованном виде гражданско-правовая ответственность заключается в уменьшении имущественной сферы правонарушителя: он обязан предоставить часть своего имущества потерпевшему в порядке возме-

щения за причиненный вред. В имущественных лишениях в пользу потерпевшего выражается компенсационная функция гражданско-правовой ответственности, которую многие авторы считают самой главной функцией этого вида ответственности /25, с.50/. Функции гражданско-правовой ответственности несомненно характеризуют ее сущность. Не сомневаясь в правильности подчеркивать важность компенсационной функции при раскрытии сущности гражданско-правовой ответственности, мы обращаем внимание на недопустимость переоценить ее значение. Гражданско-правовой ответственности также присущи и другие функции - воспитательная, стимулирующая, карательная, - которые тесно друг с другом взаимосвязаны и которые в своей совокупности характеризуют гражданско-правовую ответственность.

Итак, гражданско-правовая ответственность - это обязанность осуждаемого со стороны государства правонарушителя нести предусмотренные нормами права отрицательные (неблагоприятные) последствия за совершенное правонарушение, выражающееся в лишении правонарушителя имущественных прав (благ) в пользу потерпевшего /26/. Как выяснилось, правовая ответственность является обязанностью. Гражданские права и обязанности существуют только в рамках правоотношения. Будучи правовой обязанностью, юридическая ответственность может существовать только в рамках правоотношения, вне правоотношения юридической ответственности, на наш взгляд, не существует. Меры гражданско-правовой ответственности направлены на защиту субъективных прав потерпевшего. Будучи охранительными правоотношениями, ту же самую цель, как нами было доказано, преследуют и

обязательства, возникающие вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. Правовая ответственность, будучи правовой обязанностью, входит в содержание охранительного обязательства. Следовательно, правоохранительное обязательственное правоотношение является формой реализации мер ответственности (27, с.7). Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что связь "ответственность за вред, причиненный механическим транспортным средством - обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством", заключается в следующем: ответственность владельца механического транспортного средства существует только в рамках возникающего обязательства.

Характеризовать другой вариант этой связи - "обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством - ответственность за вред, причиненный механическим транспортным средством" - намного сложнее. Ядро характеристики этой связи сводится в первую очередь к ответу на вопрос - выступает ли обязанность возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, всегда гражданско-правовой ответственностью? Исходные положения ответа на этот вопрос вытекают из сравнительного анализа условий гражданско-правовой ответственности и условий возникновения обязательства, вследствие причинения вреда механическим транспортным средством.

Гражданско-правовая ответственность наступает в результате правонарушения. Мы разделяем точку зрения, что правонарушение является единственным основанием гражданско-правовой ответственности (28, с.48; 29, с.9). Согласно нашей концепции

ответственность характеризуется осуждением поведения правонарушителя. Осуждению подлежат поведение виновного правонарушителя и его личность. Следовательно, мы поддерживаем позицию тех авторов, которые считают вину обязательным элементом правонарушения /30, с.7; 31, с.12/ и кто полагает, что юридическая, в частности гражданско-правовая, ответственность наступает как результат за виновно совершенное противоправное деяние: там где нет вины, не может быть и юридической ответственности. При так называемых неполных или усеченных составах правонарушений гражданско-правовая ответственность не наступает /32, с.167-168/. Следовательно, гражданско-правовая ответственность владельца механического транспортного средства может возникать только в результате виновного причинения вреда другому лицу этим транспортным средством. Приведенная наша точка зрения является малопринятой в цивилистической литературе. Подавляющее большинство авторов считает, что возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, является гражданско-правовой ответственностью независимо от того, причинен ли вред виновно или при отсутствии вины. Поскольку в основном те же авторы утверждают, что ведущим принципом ответственности в советском гражданском праве является ответственность за вину, то для обоснования существования и безвиновной ответственности используются различные теоретические конструкции, которые в основном охватываются следующими концепциями: концепция вины с исключением, концепция вины и закона, концепция двух начал /33/.

Одной из теоретических предпосылок обоснования возможности существования безвиновной ответственности служит, на

наш взгляд, ч.1 ст.37 Основ (ст.227 ГК ЭССР), в которой устанавливается, что имущественная ответственность наступает лишь при наличии вины, "кроме случаев, предусмотренных законом или договором". В предмет нашего исследования не входят вопросы, устанавливается здесь в самом деле безвиновная ответственность в договорных отношениях или нет, или вопрос о целесообразности такой нормы и ее соответствия практическим обстоятельствам и надобностям относительно регулирования исполнения обязательств. Нам хотелось подчеркнуть иное: ч.1 ст.37 Основ (ст.227 ГК ЭССР) не является общей нормой регулирования случаев возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, т.е. она не имеет значения общей нормы относительно ст.90 Основ (ст.458 ГК ЭССР).

При анализе значения ч.1 ст.37 ГК Основ для регулирования возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, на наш взгляд, требуется иметь в виду еще один весьма существенный момент: ч.1 ст.37 Основ направлена на регулирование ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Отсюда следует, что ответственность, на которую распространяется норма ч.1 ст.37 Основ, наступает в результате нарушения обязательства, в результате нарушения относительных субъективных прав. Причинением вреда механическим транспортным средством нарушаются абсолютные субъективные права потерпевшего, существующие в абсолютных, а не в относительных правоотношениях. Следовательно, обосновать возможность возникновения ответственности из невинного причинения вреда механическим транспортным средством диспозитивностью нормы ч.1 ст.37 Основ невозможно,

ибо до факта причинения вреда между владельцем механического транспортного средства и потерпевшим соответствующего обязательственного правоотношения не существует. Общие нормы, регулирующие исполнение обязательств, могут на них распространиться, только после возникновения соответствующих обязательственных правоотношений.

Тенденция трактовать всякое возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, как ответственность в какой-то степени обусловлена непоследовательностью в методике изучения данной проблематики. Чувствуется, что приступая к научному анализу возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, многие авторы, по нашему мнению, исходят из уже готового принципа ответственности. То есть постулируется, что возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, в частности механическим транспортным средством, является гражданско-правовой ответственностью независимо от наличия законченного состава гражданского правонарушения. Таким образом, еще до совершения процесса научного познания постулируется его результат. Например, возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, рассматривается как правовая ответственность, не задаваясь вопросом, выступает ли данное явление всегда ответственностью или нет.

В какой-то мере развитию тенденции трактовать возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, как ответственность способствует заглавие ст. 90 Основ (ст. 458 ГК ЭССР), которое называет возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, ответственностью. Однако при оценке значения ви-

шеупомянутого заглавия ст.90 Основ (ст. 458 ГК ЭССР) требуется, на наш взгляд, иметь в виду, что по совершенно обоснованному мнению некоторых авторов термин, используемый законодателем, может не находиться в соответствии с явлением, которое он обозначает /34, с.23/. Мы полагаем, что не всегда ст.90 Основ (ст.458 ГК ЭССР) под обязанностью владельца источника повышенной опасности возместить причиненный этим источником вред имеет в виду ответственность. Так называемая ответственность независимо от вины - это не правовая ответственность, а качественно отличающееся от нее явление /35, с.162/. По нашему мнению, нужно руководствоваться точкой зрения А.М.Васильева, который различает категории права как компоненты правовой нормативной структуры и правовые категории - как научные понятия /36, с.91/. Правовые категории как научные понятия служат источником получения новых значений /36, с.93/. Поэтому они являются основанием совершенствования законодательства, в частности категорий права. На наш взгляд, заглавие ст.90 Основ (ст. 458 ГК ЭССР) как "ответственность" не находится в соответствии с объемом содержания этой формы. Под влияние указанной нормы попадают и случаи возмещения вреда, где не применяется правовая ответственность в подлинном ее значении. Следовательно, категория права "ответственность", используемая в заглавии ст.90 Основ (ст.458 ГК ЭССР), не соответствует правовой категории "ответственность" как научному понятию. Чтобы охватить заглавием ст.90 Основ (ст.458 ГК ЭССР) все случаи возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, было бы правильнее озаглавить эту статью (ст.458 ГК ЭССР) так: "Обязательства, возникающие

вследствие причинения вреда источником повышенной опасности".

Существование так называемой повышенной ответственности владельца источника повышенной опасности обосновывается по-разному /37/. Объем данной статьи не дает возможности подробно проанализировать все предъявленные в литературе аргументы в пользу существования повышенной ответственности. Мы лишь отметим, что в конечном итоге все такие аргументы сводятся к необходимости предоставлять окружающим источника повышенной опасности повышенную защиту от возникновения вреда, вследствие его причинения этим источником. Принцип этот безусловно правильный — при возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, должен господствовать приоритет интересов потерпевшего. Но соблюдение принципа приоритета интересов потерпевшего отнюдь не означает, что его осуществление может производиться за счет ущемления интересов владельца источника повышенной опасности. Признание существования так называемой повышенной ответственности владельца источника повышенной опасности прямо ущемляет его законные интересы. Для владельца источника повышенной опасности не безразлично, трактуется его обязанность возместить причиненный невиновно вред ответственностью или нет. Ведь для человека ответственность всегда сопровождается осознанием им порицания и осуждения со стороны государства. Во внутреннем мире человека ответственность связывается с чувством наказанности, чем в большей части объясняется воспитательное действие юридической ответственности. Если в свете сказанного мы утверждаем, что обязанность невиновного владельца источника повышенной опасности возместить причиненный этим

источником вред является ответственностью, притом еще повышенной, то в таком случае мы неоправданно ущемляем интересы невиновного владельца источника повышенной опасности. Мы считаем, что в защите от вредоносных результатов деятельности по эксплуатации источников повышенной опасности нуждаются и сами владельцы этих источников. Один из способов защиты интересов владельцев источников повышенной опасности, по нашему мнению, и заключается в том, что их обязанность возместить невиновно причиненный вред не характеризуется как юридическая ответственность. Тем самым невиновные владельцы источников повышенной опасности не подвергаются осуждению и в то же время принят в учет принцип приоритета интересов потерпевшего, поскольку ему предоставляется возмещение и в случае невиновного вреда.

Исходя из нашего определения понятия гражданско-правовой ответственности и поддерживаемого нами принципа исключительно виновной ответственности, мы не можем считать приемлемыми попытки обосновать безвиновную ответственность владельца источника повышенной опасности, в частности механического транспортного средства. В свете сказанного нам кажется неубедительной и трактовка "субъективного риска" как второго, наряду с виной, субъективного условия гражданско-правовой ответственности /38, с.210/, которая в конечном итоге тоже направлена на обоснование существования безвиновной гражданско-правовой ответственности. Мы полностью поддерживаем позицию Ж.К.Ананьевой, которая особенно категорически подчеркивает недопустимость смешения мер правовой ответственности с иными мерами государственного принуждения /29, с.13 /, применяющимися при возмещении невиновно при-

чиненного вреда.

Проведенный нами анализ некоторых проблем гражданско-правовой ответственности независимо от вины дает нам возможность продолжить характеристику правовой природы обязательств, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, таким заключением: обязанность возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, входящая в содержание обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, выступает гражданско-правовой ответственностью только при виновном причинении вреда. Приведенное заключение является и отрицательным ответом на поставленный нами вопрос — всегда ли обязанность возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством, выступает гражданско-правовой ответственностью.

Возникновение обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством не стоит в зависимости от возникновения гражданско-правовой ответственности владельца механического транспортного средства. В числе условий возникновения указанного обязательства вина не упоминается. При возникновении обязательства вследствие невиновного причинения вреда механическим транспортным средством возникает обязанность возмещения вреда, не являющаяся мерой ответственности. В таком случае обязанность владельца механического транспортного средства возместить причиненный вред выступает мерой защиты.

Как меры ответственности, так и меры защиты являются принудительными мерами негативного порядка /39, с. 45/; как меры ответственности, так и меры защиты

обеспечены государственным принуждением /31, с.150/. Целью применения мер ответственности и мер защиты в обязательстве, возникающем вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, является охрана абсолютных субъективных прав субъектов гражданского права путем компенсации имущественного вреда потерпевшему. Обе эти меры, применяемые в рассматриваемых обязательствах, выступают обязанностью владельца механического транспортного средства возместить причиненный вред. Их применение относительно владельца механического транспортного средства, причинившего вред, приводит к уменьшениям в имущественной сфере владельца этого транспортного средства. Необходимо подчеркнуть, что как для мер ответственности, так и для мер защиты обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, служит формой их реализации. Меры ответственности и меры защиты входят в содержание обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. По целевому назначению и по материальным результатам их применения (уменьшение имущественной сферы владельца механического транспортного средства) меры ответственности и меры защиты однородны. Следовательно, вполне оправданно можно объединить меры ответственности и меры защиты в качестве обязанности владельца механического транспортного средства возместить причиненный вред под понятие мер охраны. Меры охраны являются родовым понятием для мер ответственности и мер защиты, применяемых в обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством.

Сходство мер ответственности и мер

защиты в обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, не означает их тождественности. Меры ответственности и меры защиты в рассматриваемых обязательствах являются качественно различными мерами охраны абсолютных субъективных прав потерпевшего, хотя в "материализованном виде" последствия их применения одинаково выражаются в имущественных лишениях владельца механического транспортного средства. Критериями различия мер ответственности и мер защиты служат начала (а также и основания) их применения и характер их воздействия на личность владельца механического транспортного средства, причинившего вред.

Меры защиты отличаются от мер ответственности в первую очередь тем, что меры защиты применяются к нарушителю чужих субъективных прав вне зависимости от его вины /40, с.192/. Их возложение, например, на владельца механического транспортного средства, причинившего вред, "... не связывается с субъективным моментом" /19, с.11/. Высказанная в приведенных суждениях мысль требует, по нашему мнению, уточнения в одном: возложение мер защиты на владельца механического транспортного средства, причинившего вред, не связывается с субъективным моментом из-за отсутствия последнего в деятельности владельца этого средства. Это значит, что применение мер защиты в обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, возможно лишь при отсутствии вины в деятельности владельца этого средства при причинении вреда. В отличие от мер ответственности, которые применяются по началу вины, началом применения мер защиты служит риск. Риск является самостоятельным нача-

лом возмещения причиненного вреда, который существует вне связи с правовой ответственностью. Риск в качестве начала возмещения невиновно причиненного вреда является объективным явлением и понимается нами как социально значимая вероятность (возможность) наступления вреда в форме дезорганизации отношений, имущественных и личных утрат /41, с.13/. Риск лежит в одной плоскости с опасностью, они являются однопорядковыми категориями, отражающими объективные реальные обстоятельства.

Относительно владельца механического транспортного средства риск проявляется в двух тесно взаимосвязанных аспектах. Во-первых, риск владельца механического транспортного средства заключается в вероятности оказаться субъектом противоправного поведения независимо от волевого состояния владельца, т.е. независимо от его виновности в противоправном поведении. Во-вторых, риск владельца механического транспортного средства заключается в вероятности причинения имущественного вреда механическим транспортным средством другим лицам независимо от волевого состояния самого владельца этого средства. Разница между изложенными аспектами состоит в том, что в первом случае риск не реализовался в объективированном виде, ибо нет имущественного вреда. В таком значении риск не выступает началом применения мер защиты, ибо не возникает обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. Необходимость разграничения двух аспектов риска состоит в том, что в некоторых случаях риск выступает и в первом аспекте началом применения мер защиты. Риск как начало применения мер защиты в обязательстве, возникающем вследствие причинения

вреда механическим транспортным средством, заключается в вероятности причинения имущественного вреда, т.е. вероятность противоправного поведения в его объективированном виде. Различный характер воздействия мер защиты и мер ответственности на личность владельца механического транспортного средства, причинившего вред, заключается в том, что меры ответственности всегда сопровождаются государственным осуждением личности правонарушителя и его поведения. Применению мер ответственности характерно отнесение к правонарушителю личного упрека, отрицательной оценки его поведения. Мерам защиты осуждение несвойственно. Меры защиты применяются относительно владельца механического транспортного средства тогда, когда вред причинен этим средством случайно, т.е. когда поведение владельца механического транспортного средства безупречно. Таким образом наиболее справедливо сочетаются интересы потерпевшего с интересами владельца механического транспортного средства: получение потерпевшим возмещения обеспечено законом тоже при невиновном причинении ему вреда, в то время, как владелец механического транспортного средства, возместивший невиновно причиненный вред, не подвергается осуждению за невиновное причинение вреда.

Итак, обязанность владельца механического транспортного средства возместить вред, образующийся вместе с правом потерпевшего требовать возмещения, содержания обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, является мерой охраны имущественных интересов потерпевшего. Будучи мерой охраны, вышеуказанная обязанность может выступать в двух значениях: в качестве меры защиты и меры ответствен-

ности. В случае невинного причинения вреда механическим транспортным средством, обязанность возмещения вреда является мерой защиты. Если же обязательство возникает вследствие виновного причинения вреда механическим транспортным средством, т.е. в деятельности владельца механического транспортного средства обнаруживается состав гражданского правонарушения, то обязанность возмещения вреда является мерой ответственности. В данном последнем случае из одного и того же факта причинения вреда одновременно возникают как обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, так и гражданско-правовая ответственность владельца этого средства. Будучи правовой обязанностью, гражданско-правовая ответственность реализуется через возникающее обязательство; она реализуется в рамках возникающего из правонарушения обязательственного правоотношения /42, с.163/. Следовательно, обязательство, возникающее вследствие виновного причинения вреда механическим транспортным средством, является формой реализации гражданско-правовой ответственности владельца механического транспортного средства, в то время как обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, является формой реализации гражданско-правовых мер защиты.

Использованные материалы

1. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. - М.: Юрид. лит., 1984.
2. Лаасик Э. Советское гражданское право. Часть особенная. - Таллин: Валгус, 1980.

3. Лаасик Э. Советское гражданское право. Часть особенная: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук.-Л., 1981.
4. Собчак А.А. Деликтная ответственность и страхование // Вестн. Ленингр. ун-та. № 17. Сер. экономики, философии и права.-1964.-Вып.3.
5. Советское гражданское право.-Л.:Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.-Ч.1.
6. Смирнов В.Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда.-Л.:Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
7. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе.-М.:Юрид. лит., 1972.
8. Горшенев В.М. К вопросу о понятии юридической ответственности в советском праве // Вопросы теории советского права:(Сб. докл. к конф. по итогам научно-исследовательской работы).-Новосибирск, 1966.
9. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву.-Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
10. Об этом см., напр.: Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Изд. вузов. Правоведение.-1971.- 3.- С.50-52; Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. гос-во и право.-1979.- 5.-С.73; Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Сов. гос-во и право.-1979.- 6.-С. 59-67.
11. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству.-М., 1971.
12. Братусь С.Н. О некоторых актуальных проблемах теории права // XXV съезд КПСС и проблемы теории государства и права.-М., 1982.

13. Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Сов.гос-во и право.-1962.- №3.
14. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву.-М.:Изд-во Моск. ун-та, 1981.
15. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций.-М.,1962.
16. По этим вопросам см.,напр.:Орловский А.А. Понятие имущественной санкции в гражданском праве // Сов.гос-во и право.-1976.- 4; Базилев Б.Т. Сущность санкции в советском праве // Изд.вузов.Правоведение- 1976.- №5.-С. 32 и сл.Лейст О. Э. Теоретические проблемы санкции и ответственности по советскому праву: Автореф.дис. ...д-ра юрид.наук.-М.,1978.
17. Черданцев А.Ф., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Изд.вузов.Правоведение.-1976.- №5.
18. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве.-Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1983.
19. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: Сб. ученых тр. - Сverdловск,1973.-Вып.27.
20. Собчак А.А. Правовое регулирование хозяйственной деятельности.-Л.:Изд-во Ленингр.ун-та, 1981.
21. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Уч. зап. Тарт.ун-та.-1966.-Вып.182.

22. Наряду с авторами, включающими осуждение в сущность правовой ответственности см., напр.: Брагинский М.И. К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Труды ВЮЗИ.-М., 1961.-Т.1: Вопросы гражданского права и политической экономики.-С.9; Алексеев С.С. Проблемы теории и права.-Свердловск, 1972.-Т.1.- С.371-373.; Теория государства и права/Под ред.С.С.Алексеева.-М.: Юрид.лит., 1985.- С.420, 425. Многие авторы отрицают осуждение как сущностный признак ответственности. См., напр.: Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Изд.вузов.Правоведение.-1968.- №1.- С.50; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении.-М., 1974.-С.322.
23. Гражданско-правовое положение личности в СССР/Под ред.Н.С. Малеина.-М.: Наука, 1975.
24. Басин Ю.Г. Гражданско-правовая ответственность в хозяйственных правоотношениях // Изв.АН Казахской ССР. Сер.общественных наук. Право.-1984.- №4.
25. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Изд.вузов.Правоведение. - 1968.- №1.
26. При выработке определения понятия гражданско-правовой ответственности использовано определение, данное В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком. См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве.-Л.:Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.-С.49.
27. Попондопуло В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданс-

- ко-правовая ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1981.
28. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Изв. вузов. Правоведение. - 1958. - №1.
 29. Ананьева Ж.К. О повышении воспитательного воздействия гражданско-правовой ответственности // Тр. по правоведению: Сб. статей. - Тарту, 1964.
 30. Илларионова Т.И. Основания внедоговорной ответственности организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1971.
 31. Малейн Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. - М.: Юрид. лит., 1985.
 32. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. - М.: Госюриздат, 1955.
 33. Обзор названных концепций см.: Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. - М.: Юрид. лит., 1966. - С. 118-121.
 34. Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
 35. Ребане И. К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности // Уч. зап. Тарт. ун-та: Тр. юридического факультета. - Таллин, 1956. - Вып. 44.
 36. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М.: Юрид. лит., 1976.
 37. См. об этом, напр.: Белякова А.М. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности (ответственность владельца источника повышенной опасности). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. - С. 11-25.
 38. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Душанбе: Ирфон, 1977.

39. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовые средства обеспечения интересов личности в договорных отношениях // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: Межвуз. сб. науч. тр. - Свердловск, 1977. - Вып. 53.
40. Палеин И. С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1981.
41. Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Свердловск, 1985.
42. Собчак А. А. Обязательства по возмещению вреда // Гражданско-правовая охрана интересов личности. - М., 1969.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ АРХИТЕКТОРОВ И ДРУГИХ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Х. А. Пизуке

Уже на XXVI съезде КПСС отмечался большой полезный эффект обновления советского законодательства на основе Конституции СССР 1977 года. На 80-е годы были выдвинуты три первоочередных направления по совершенствованию нашего законодательства: руководство народным хозяйством, осуществление конституционных прав граждан и общественных организаций и завершение издания общесоюзного свода законов /1/. Поэтому понятны те большие задачи, которые поставлены перед учеными-юристами с целью укрепления правовой основы государственной и общественной жизни /2/. Одной из важнейших стоящих перед юристами задач является теоретическое исследование и совершенствование законодательства по капитальному строительству, в том числе по правовому положению архитекторов⁴.

По ст. 47 Конституции СССР гражданам СССР гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества; "права авторов, изобретателей и рационализаторов охраняются государством". Понятие "автор" охватывает наравне с другими творческими работниками и архитекторов. Следовательно, правовое положение архитекторов как художников имеет конституционный базис. В советском гражданском праве создан специальный инсти-

⁴Далее под термином "архитектор" понимаются также другие работники, занимающиеся архитектурным проектированием.

тут - авторское право, призванный охранять творчество в области науки, литературы и искусства. Во всех союзных республиках на основании закона - гражданского кодекса (ГК) - установлено, что авторским правом охраняются и "произведения архитектуры" (п.7 ч.3 ст.479 ГК ЭССР; п.8 ч.3 ст.475 ГК РСФСР)⁴. К сожалению, авторско-правовая охрана творческих результатов архитектурной деятельности до сих пор остается во многом формальной. Причиной этого служит отсутствие в авторском законодательстве специальных норм об охраняемых авторским правом произведениях и правах их создателей. Применение же общих положений авторского права к архитекторам сопряжено с определенными трудностями, поскольку архитектура является очень своеобразным видом искусства. В то же время даже некоторые положения об авторском праве архитекторов, содержащиеся в ГК, не нашли отражения в строительном законодательстве. Так, например, в некоторых нормативных актах проектирование рассматривается только как "производственно-хозяйственная деятельность", а результат этой деятельности - проект - как "проектная продукция", т.е. как продукт только материального производства. Таким образом, с

⁴Под термином "произведение архитектуры" следует понимать здание, сооружение, их комплекс и т.п. Кроме того, авторским правом охраняются произведения архитектурной графики и пластики - эскизы, планы, чертежи, рисунки, макеты и т.д. См.: Пизуке Х.А. Правовое регулирование архитектурной деятельности: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. - Тарту, 1984. - С. 9-10.

одной стороны, законодатель в авторском законодательстве признает архитектуру как искусство и наделяет архитекторов как художников авторскими правами наравне с другими творческими работниками. С другой стороны, строительное законодательство построено исходя из понимания проектирования и строительства как чисто материального производства. Однако несогласованность между авторским и строительным законодательством прямо влияет на правовое положение архитекторов.

В нашей периодической печати указывалось, что "зодчему никуда обращаться не нужно, с его авторским правом все обстоит проще: такового нет" /3/. В действительности дело не так безнадежно. На самом высоком уровне (гражданский кодекс как закон) существует базис для решения вопросов авторского права архитекторов. В настоящее время общие положения авторского права, в том числе использование аналогии закона, позволяют дать ответ на многие вопросы, возникающие в архитектурной практике. Это, конечно, не означает, что не требуется разработать специальное законодательство об авторском праве архитекторов. Напротив, разработку и принятие соответствующего нормативного акта (или актов) необходимо осуществить в самый кратчайший срок.

В нашей юридической литературе отмечалось, что "конституционные положения об основных правах и свободах граждан в сфере культуры и интеллектуального творчества нуждаются в дальнейшей конкретизации, в усилении гарантий их наиболее полного и всестороннего осуществления" /4/. Высказывались предложения о принятии специальных законодательных актов о науке и культуре, правах и обязанностях граждан в сфере культуры, в том числе

лиц, занимающихся научной и иной творческой деятельностью.

И по мнению автора данной статьи, правовое положение творческих работников, в том числе архитекторов, нуждается в точной правовой регламентации. В нашем законодательстве в этой области имеются еще существенные пробелы, настоятельность устранения которых диктует сама жизнь (например, уточнить авторско-правовое положение архитекторов и других творческих работников). Однако надо признать, что в настоящее время у нас почти отсутствует обзор и о действующих нормативных актах о правовом положении творческих работников. Для устранения этого недостатка мы предлагаем составить отдельные сборники (своды) нормативных актов о правовом положении творческих работников (архитекторов, работников кино и телевидения, писателей, научных работников, композиторов и музыкантов, работников изобразительного искусства, периодической печати и др.). Эти сборники целесообразно составить на основании единой методики и включить в них действующие специальные нормативные акты и извлечения из нормативных актов, в которых содержатся права и обязанности творческих работников (например, из пенсионного законодательства и т.д.). Следовало бы взвесить, не разработать ли и принять в будущем компетентным органом на основании положений Сборников соответствующие общесоюзные кодифицированные нормативные акты о правовом положении творческих работников. Эти акты развили бы главу 8 ("Культура") раздела II ("Законодательство о социальном развитии и культуре. Социально-экономические права граждан") Свода Законов СССР.

В прочном закреплении правового по-

ложения в первую очередь заинтересованы сами творческие работники. Поэтому составление соответствующих Сборников нормативных актов о правовом положении могло бы войти в компетенцию творческих союзов. Они совместно с соответствующими государственными органами или в тесном сотрудничестве с ними могли бы разработать и проекты новых нормативных актов.

Мы предлагаем следующую примерную структуру Сборника нормативных актов о правовом положении архитекторов (в скобках указывается конституционный и основной юридический базис, а затем - некоторые элементы этого раздела):

. Подготовка архитекторских кадров (ст.45 Конституции СССР - право на образование) - перечень соответствующих учебных заведений; правила приема; трудоустройство по окончании (распределение молодых специалистов и их права); аспирантура и другие формы повышения квалификации и т.д.

. Трудовые права и обязанности (ст.40 Конституции СССР - право на труд; Основы трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, кодексы законов о труде союзных республик). Социальное обеспечение (ст.43 Конституции СССР) - режим труда (правила трудового распорядка); отпуска; вознаграждения; создание и изменение авторских коллективов; трудовые споры; пенсионное обеспечение и т.д.

. Авторские права на творческие результаты (ст.27 и 47 Конституции СССР - свобода научного, технического и художественного творчества; Основы гражданского законодательства Союза ССР и союз-

ных республик, гражданские кодексы союзных республик) - произведения, охраняемые авторским правом; авторские права на произведения архитектурной графики и пластики, созданных в порядке выполнения служебного задания (в проектных и иных организациях), по гражданско-правовому договору и по собственной инициативе; авторское право в процессе строительства (авторский надзор) и эксплуатации здания, сооружения и т.п.; защита авторских прав.

. К о н к у р с ы (гражданские кодексы союзных республик).

. С о ю з а р х и т е к т о р о в СССР (ст. 48 и 51 Конституции СССР - право объединяться в общественные организации и участвовать в управлении ими) - права и обязанности членов союза; льготы членам союза и т.д.; Архитектурный фонд.

. С о ц и а л ь н ы е б л а г а - награждение (почетные звания) и т.п.

Составление Сборника нормативных актов о правовом положении архитекторов, конечно, трудоемкий процесс и требует много времени, однако обеспечит комплексность разрешения вопроса о правовом положении советских архитекторов. Собрание действующих нормативных актов - работа главным образом техническая. Сложнее обстоит вопрос о разработке и принятии новых нормативных актов. Однако соответствующая подготовительная работа уже некоторое время успешно ведется Комиссией по условиям творческой деятельности, авторскому праву и конкурсам при Союзе архитекторов СССР.

Для усовершенствования правового положения архитекторов следует в первую очередь нормативно установить их права и обязанности, возникающие в связи с созданием и использованием творческих ре-

зультатов в стадии проектирования и строительства, а также в стадии эксплуатации здания, сооружения, их комплекса и т.д. По нашему мнению, нецелесообразно принимать нормативный акт, содержащий нормы лишь авторского права. Только авторско-правовой нормативный акт не даст ответа на многие нужные для практики вопросы (права при создании авторских коллективов в проектных организациях, соотношение трудовых и авторских прав и т.д.). Принятие подобного акта неэффективно с точки зрения нормотворчества и, вероятно, не будет соответствовать и интересам практиков, поскольку в таком случае для получения ответа придется нередко использовать несколько нормативных актов. Поэтому желательно принять единый комплексный нормативный акт о правах и обязанностях архитекторов на создаваемые ими творческие результаты, включающий нормы авторского, трудового, административного и других отраслей права. Этот документ представлял бы собой общесоюзный акт на уровне Правительства СССР (или Госстроя СССР по согласованию с заинтересованными ведомствами). Мы предлагаем назвать его Положением о правах создателей результатов архитектурной деятельности (архитектурных произведений). Примерная общая структура Положения могла бы иметь следующий вид:

Общие положения;

Субъекты архитектурной деятельности (управомоченные лица);

Результаты архитектурной деятельности, охраняемые (авторским) правом;

Права и обязанности субъектов архитектурной деятельности;

Защита прав субъектов архитектурной деятельности и разрешение споров.

В Сборнике нормативных актов о пра-

вовом положении архитекторов целесообразно включить это Положение в раздел "Авторские права на творческие результаты"⁴.

Таким образом, для усовершенствования правового положения советских архитекторов следовало бы:

1) включить в основные нормативные акты о проектировании и строительстве положения об архитектуре как искусстве и об авторском праве архитекторов;

2) разработать проекты и принять новые специальные акты, в том числе о правах архитекторов на творческие результаты архитектурной деятельности;

3) собрать действующее советское законодательство о правовом положении архитекторов и составить Сборник нормативных актов о правовом положении архитекторов.

⁴Теоретической основой построения предлагаемого Положения является концепция архитектурной деятельности, разработанная автором данной статьи в работе "Правовое регулирование архитектурной деятельности": Дис. ... канд. юрид. наук. - Тарту, 1984.

Использованные материалы

1. Материалы XXV съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1981. - С.64.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1981. - С. 85.
3. Щербаченко М. Что может зодчий? Проблемы и суждения // Правда. - 1984. - 29 марта. - С.3.
4. Витрук Н.В. Проблемы развития системы конституционных прав и свобод граждан СССР // Теоретические вопросы реализации советской конституции. - М.: Б.и., 1982. - С.78; его же. Актуальные проблемы теории личности в свете решений съезда КПСС // XXV съезд КПСС и проблемы теории государства и права. - М.: Б.и., 1982. - С.167.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ВНЕДРЕНИЯ

Л.И. Аувяэрт, М.М. Тамм

На XXV съезде КПСС была выдвинута программа непрерывного обновления производства, осуществимая прежде всего путем материализации основополагающих научно-технических идей /1, с.30/. Идут поиски новых форм взаимодействия науки и производства. Партией и правительством принято решение о создании межотраслевых научно-технических комплексов, включающих мощные головные институты, в том числе академические, проектно-конструкторские организации и опытно-промышленные производства. Намечена активизация работы отраслевых научно-исследовательских институтов, предусмотрено увеличение их вклада в ускорение научно-технического прогресса.

Но пока еще внедрение в практику достижений науки и техники идет медленно. В настоящее время со всей остротой встает вопрос о разработке такой системы организационных, экономических и моральных мер, которая заинтересовала бы всех — и руководителей организации, внедряющих новую технику, и ее разработчиков, поскольку "... нам нужно не любое обновление производства, а только такое, которое сопровождается внедрением самой передовой техники, дает наивысший экономический и социальный эффект" /2, с.11/.

На данном этапе научно-технической революции не только расширяется и ускоряется создание и использование достижений науки и техники, но и изменяются взаимоотношения между наукой и сферой материального производства. Если раньше

науку рассматривали исходя из двух аспектов (как процесс научного творчества и как полученный результат этого научно-технического творчества), то в настоящее время к этому добавился еще и третий аспект - участие научно-исследовательских организаций в реализации результатов своей исследовательской работы.

Потребности экономического характера вынуждают предприятия и учреждения вступать в договорные отношения с различными научно-исследовательскими учреждениями для внедрения достижений науки и техники. Проблемы, возникающие при внедрении научно-технических новшеств, основательно рассматривались многими советскими учеными, представителями технических, юридических и экономических наук. Как считает Б. Литвак, значительно улучшить процесс внедрения помогло бы материальное стимулирование первичного внедрителя. Это значит, что организация, разработавшая изобретение и внедрившая его в производство, должна была бы получить определенное вознаграждение от других предприятий, которые приступят к внедрению изобретения позднее. Кроме того, он полагает перспективной оценку изобретения с учетом показателя степени эффективности при отборе изобретений для внедрения на ранних стадиях на основании материалов заявки /3, с.14/. В. Мухачев считал целесообразным ввести внутригосударственную лицензию, согласно которой дальнейшее внедрение изобретения было бы возможным только при наличии разрешения на это первичного внедрителя и при уплате соответствующей суммы /4, с.232/.

По мнению И.Э. Мамиофы, следует закреплять за определенными организациями право оперативного управления изобретениями, на которые выданы авторские сви-

детельства, ввести договорный порядок использования таких изобретений другими организациями и предусматривать в договорах, в частности, передачу владельцу права оперативного управления доли экономического эффекта, полученного пользователем /5, с.34/.

В.А.Дозорцев был и остается убежденным противником возмездных отношений при использовании изобретения. Он полагает, что необходимо отказаться от действующей в настоящее время самостоятельной системы изобретательского вознаграждения, которая исходит из существования особой экономики изобретательства, и создать принципиально новую систему вознаграждения /6, с.26,27/.

Авторы данной статьи считают, что существующая в настоящее время система материального стимулирования первичного внедрителя не способствует ускорению научно-технического прогресса. Практика показывает, что внедрение новшеств протекает значительно более успешно в тех случаях, когда разработчик оказывает в этом существенную помощь (передача технической документации, консультации специалистов и т.д.). Но, естественно, за такую помощь нужно платить.

Интересные и хорошо аргументированные предложения для ускорения работы по внедрению изобретений внесены В. Рассохиним. Он предлагает установить различный правовой режим для обычных изобретений и особо важных, выдающихся достижений науки и техники, соответственно которому последние автоматически включались бы в специальный государственный реестр совместным постановлением ГКНТ, Госплана СССР, Госкомитета СССР по делам изобретений и открытий и Академии Наук СССР. Включенные в указанный реестр осо-

бо важные изобретения подлежали бы, по его мнению, разработке и внедрению в народное хозяйство и другие сферы жизни в первоочередном порядке /7, с.12; 8, с. 136-139/. Некоторые сделанные В.Рассохиным предложения, на наш взгляд, имеют большую ценность и их следовало бы применить на практике.

Итак, в связи с вопросами материального стимулирования особое значение в договоре внедрения приобретает сумма, не которую заключается договор и которая является существенным признаком. Если в договоре сумма не определена, то он недействителен.

Как известно, цена товара образуется на основе средней величины себестоимости в данной отрасли производства, что в свою очередь отражает объем необходимого труда в обществе. Но в области научных достижений такое определение цены затруднено, если не невозможно, вследствие чего бюджетная и фактическая стоимость научного исследования колеблется в пределах 50 % /9, с.155/.

В условиях социализма существует три способа определения стоимости работ по договорам, заключаемым в области науки и техники: 1) за основу берется экономический эффект, который заказчик получает при использовании разработки; 2) за основу берутся расходы, затраченные на разработку решения; 3) за основу берутся расходы на разработку и получаемый экономический эффект.

Первый способ применяется в основном в лицензионных договорах, где цена зависит от экономического эффекта, получаемого лицензиатом. При этом устанавливается, какую часть ожидаемой прибыли получает разработчик и в течение какого периода времени. Такой порядок повышает

заинтересованность ученых в скорейшем внедрении разработок в практику.

Второй способ образования цены был предусмотрен, например, в "Типовом договоре на опытно-конструкторские работы" 1955 года. Он не стимулировал разработчика внедрять свои разработки в практику и давно уже не применяется /10/.

В настоящее время, определяя цену, в основном применяют третий способ, т.е. включают как расходы по производству разработок, так и часть прибыли, которую получит заказчик при использовании разработки /11, с.32/.

Что же касается самого договора внедрения, то, согласно действующему законодательству, в сумму договора разрешается включать только лишь фактические расходы. Расходы, связанные с разработкой новых решений, в сумму договора внедрения не включаются. Размер суммы фактических расходов вычисляется разработчиком, который составляет соответствующую калькуляцию и согласовывает ее с заказчиком. В качестве основания для определения стоимости работ следует руководствоваться Прейскурантом 57-15-92, утвержденным Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике 31 августа 1972 г. Прейскурант разработан в соответствии с Инструкцией о порядке утверждения цен на услуги в области научно-технической информации, введенной в действие Постановлением Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике от 21 апреля 1972 г. № 131.

В договорной практике обычно принимают в расчет действительные расходы. Учитывается заработная плата непосредственных исполнителей, технических руководителей, а также иные прямые расходы (материалы, специальные устройства и т.

п.), а также сумма премий, предусмотренных для сотрудников разработчика. Косвенные расходы рассчитывают пропорционально прямым расходам. В бюджет включаются также суммы, отчисляемые в фонд социального страхования.

Для конструкторских и технологических организаций, а также для производственных предприятий предусмотрена плановая прибыль. Для научно-исследовательских учреждений плановая прибыль не предусмотрена. В качестве примера приведем перечень статей в калькуляции договоров внедрения ТГУ.

. Затраты на изготовление устройств (документации).

1. Прямая заработная плата.
2. Социальные начисления на зарплату (7%).
3. Материалы и комплектующие изделия.
4. Командировочные расходы.
5. Экспериментально-производственные расходы.
6. Накладные расходы.

. Затраты по оказанию помощи (расходы, связанные с обучением кадров, консультациями и т.д.).

- . Размер средств на премирование:
- а) работников разработчика,
 - б) работников получателя.

. Научная литература.

Эта калькуляция является образцом, и не во всех калькуляциях указываются все статьи. В то же время расходы определенного вида не только включаются в обязательном порядке, но и устанавливается их конкретный размер. Так, например, как правило, косвенные расходы составляют 30% от общей стоимости договора, расходы на литературу - 1%. Фонд заработной платы вместе с суммами соцстрахования со-

ставляет до 40 %. (Подчеркиваем, что это максимальный размер!) Остальную сумму непосредственный исполнитель работ не может распределить соответственно необходимости. Аналогичное распределение можно увидеть и в калькуляции договоров внедрения других организаций.

Но такой порядок не стимулирует предприятия передавать имеющуюся в их распоряжении информацию другим организациям и предприятиям. Главным стимулом для исследовательских учреждений, разрабатывающих технические решения, является премирование.

Согласно постановлению ВСНХ СССР и СМ СССР № 81 от 25 августа 1964 г. "Об улучшении системы экономического стимулирования предприятий и о повышении материальной заинтересованности работников в создании и внедрении новой техники" /12/, премирование производится:

а) за создание и внедрение новых, технически совершенных, надежных, долговечных и экономически эффективных машин, механизмов, аппаратов, приборов и других изделий, новых видов сырья и материалов, а также за разработку и внедрение высокопроизводительных технологических процессов и прогрессивных методов производства работ;

б) за разработку и внедрение комплексной механизации и автоматизации производства и за модернизацию действующего оборудования;

в) за разработку и внедрение эффективных методов организации производства;

г) за разработку и внедрение механизированных поточных процессов сборки и монтажа зданий и сооружений, новых, экономически эффективных строительных конструкций и материалов, а также за

создание проектов нового строительства и технической реконструкции, с обеспечением при этом высокой экономической эффективности капитальных вложений;

д) за разработку и внедрение новых, прогрессивных, высокопроизводительных способов разведки месторождений полезных ископаемых;

е) за внедрение технически совершенных и экономически эффективных новых средств транспорта и связи, а также за разработку и внедрение высокопроизводительных методов организации перевозок и связи;

ж) за выполнение других работ по созданию и внедрению новой техники, а также за успешное выполнение теоретических, исследовательских и изыскательных работ.

В соответствии с постановлением Совета Министров от 27 августа 1971 г. "О повышении взаимной экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта" /13/ порядок премирования за внедрение новой техники распространяется и на договор внедрения.

Работники предприятий, научно-исследовательских (в том числе и научно-исследовательских групп при высших учебных заведениях), конструкторских, технологических и строительных организаций, передающих опыт и оказывающих помощь в его использовании, премируются за создание и внедрение новой техники. Обычно премии начисляются из централизованного фонда тех министерств и ведомств, которым эти предприятия и организации подчиняются, или из средств этих предприятий и организаций. Если подобные фонды отсутствуют в вышестоящих органах пред-

приятий и организаций, то премирование происходит за счет тех министерств и ведомств, для предприятий которых выполняются работы по данной технике /14/.

В отношении же по передаче научно-технических достижений премия разработчикам выплачивается из средств заимствующих организаций, независимо от того, имеются ли в их министерствах (ведомствах) соответствующие фонды или нет. Такой порядок стимулирует обмен достижениями науки и техники между различными отраслями народного хозяйства. Согласно п.5 вышеуказанного постановления от 27 августа 1971 г., "... могут быть премированы только работники, принимавшие непосредственное участие в осуществлении научно-технических разработок (в подготовке документации), оказывавшие им помощь в их использовании, а также работники, применившие эти разработки (документацию) в производстве.

Руководящие работники предприятий и организации, обеспечивающие передачу и использование научно-технических разработок (документации), могут быть премированы только по решению вышестоящей организации."

Сумма премий определяется по следующей шкале (установленной пунктом 14 постановления ВСНХ СССР и СМ СССР № 81 от 25 августа 1964 г.):

Годовой экономический эффект

- До 10 тыс. руб.
- От 10 до 20 тыс. руб.
- От 20 до 50 тыс. руб.
- От 50 до 100 тыс. руб.
- От 100 до 500 тыс. руб.
- От 500 тыс. до 2 млн. руб.
- От 2 до 5 млн. руб.
- Более 5 млн. руб.

Размер премии

6-25%, но не более 2 тыс. руб.

5-20%, но не более 3,4 тыс. руб.

4-17%, но не более 6 тыс. руб.

3-12%, но не более 10 тыс. руб.

2-10%, но не более 35 тыс. руб.

1-7%, но не более 80 тыс. руб.

0,7-4%, но не более 150 тыс. руб.

0,5-3%, но не более 200 тыс. руб.

Сумму премии, начисленной на основе экономического эффекта, распределяют следующим образом: 20% - для работников предприятий и организаций, передающих научно-технические разработки (документацию); 50% - для работников предприятий и организаций, использующих научно-технические разработки. В тех случаях, когда не представляется возможным рассчитать экономическую эффективность передаваемых научно-технических разработок, сумма премий может быть, в виде исключения, определена в размере до 5% затрат по заработной плате, выделенной на создание этих разработок. В этом случае премия начисляется таким образом, что разработчик получает 30%, а исполнитель - 70%.

Следует отметить, что такой порядок премирования за внедрение разработок не учитывает реальную долю участия разных групп работников в создании разработок и решений. В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Допустим, что коллектив лаборатории работал над каким-то решением 10 лет. Фонд заработной платы в год составлял 12000 руб. Значит, на данную разработку израсходовано 120 000 руб. Предположим, что экономический эффект рассчитать невозможно, и при договоре внедрения премия составит 5% от фонда заработной платы, т.е. 6000 руб., из которой разработчик получает

1800 руб., а получатель - 4200 руб. Внедрение продолжалось 3 месяца, со стороны разработчика участвовало 4 человека. Таким образом, каждому сотруднику разработчика, участвующему во внедрении, можно заплатить в среднем 450 руб., и это за 3 месяца работы! В то же время работники, разрабатывающие внедряемое решение, могут получить 2% от фонда заработной платы, т.е. в данном случае 2400 руб. Предположим, что коллектив состоит из 8 человек, в этом случае каждый работник может в среднем получить 300 руб. - и это за 10-летнюю работу! Результат оказывается еще более парадоксальным, если сравним долю премии работников, прямо участвовавших в разработке решения, и долю премии работников получателя. Можно сделать лишь один вывод: данный порядок премирования экономически нецелесообразен, поскольку не стимулирует внедрение новых разработок.

Использованные материалы

1. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС на съезде Коммунистической партии Советского Союза. - Таллин: Ээсти Раамат, 1986.
2. Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, 11 июня 1985 г. - М.: Политиздат, 1985.
3. Литвак Б. Экономический аспект изобретений // Вопросы изобретательства. - 1985. - № 1.

4. Мухачев В. Как рождаются изобретения. - М., 1968.
5. Мамиофа И.Э. Вопросы совершенствования советского изобретательского права и практики применения на современном этапе развития социалистического общества // Практика изобретательской и рационализаторской работы. - Л., 1985.
6. Дозорцев В.А. Каким быть закону об изобретательстве // Сов. гос-во и право. - 1986. - № 10.
7. Рассохин В.П. Внедрению крупнейших изобретений - приоритетный режим // Вопросы изобретательства. - 1985. - № 4.
8. Рассохин В.П. Механизм внедрения достижений науки: Политика, управление, право. - М., 1985.
9. Соминский В. О методах изучения фактической эффективности научных исследований // Проблемы экономического стимулирования научно-технического прогресса. - М.: Наука, 1967.
10. Типовое положение о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистерских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: Утв. постановлением Государственного комитета СМ СССР по науке и технике от 5 августа 1969 г. № 360 // Законодательство о капитальном строительстве. - 2-е изд. М., 1977. - Вып.2.

11. Азимов Ч.Н. Договорные отношения в области научно-технического прогресса. - Харьков: Вища школа, 1981.
12. Об улучшении системы экономического стимулирования предприятий и о повышении материальной заинтересованности работников в создании и внедрении новой техники: Постановление ВСНХ СССР и СМ СССР от 25 августа 1964 г. № 81 // СП СССР. - 1964. - 15. - Ст.105.
13. О повышении взаимной экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта: Постановление Совета Министров СССР от 27 августа 1971 г. // СП СССР. - 1971. - № 6. - Ст.118.
14. Положение о премировании работников предприятий и организаций за создание и внедрение новой техники: Постановление Госкомтруда и Президиума ВЦСПС от 26 декабря 1971 г. 597/П-27 // Бюллетень ГК СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. - 1972. - № 5.

О ЗАЩИТЕ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПРИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УПРАВОМОЩЕННЫХ СУБЪЕКТОВ

П. П. Касък

Защита субъективного гражданского права тесно связана с осуществлением и нарушением субъективного гражданского права. Взаимосвязанность этих правовых явлений такова, что при раскрытии сущности и характеристике специфических черт защиты субъективного гражданского права нельзя обойти молчанием понятия указанных явлений. Поскольку понятия осуществления субъективного гражданского права и его нарушения, в свою очередь, опираются на понятие субъективного гражданского права, постольку отправным пунктом при рассмотрении темы настоящей статьи является понятие субъективного гражданского права.

В данном случае нас не интересует всесторонний анализ понятия субъективного гражданского права. Для следующего изложения темы достаточно короткого объяснения позиции автора в этом вопросе. Поэтому отметим лишь, что мы поддерживаем точку зрения тех авторов, по мнению которых, во-первых, субъективное право существует только в рамках правоотношения и, во-вторых, субъективное право представляет собой юридически обеспеченную возможность управомоченного субъекта правоотношения на определенное собственное поведение и на требование от обязанных лиц правоотношения, соответствующего этому поведению /1, с.30-44/. Предъявленные принципы субъективного права распространяются и на субъективное гражданское право. Из такого понимания субъективного граждан-

данского права логически вытекают понятия осуществления и нарушения этого права. Так, под осуществлением субъективного гражданского права понимается претворение в жизнь юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного гражданского правоотношения, т.е. совершение юридически обеспеченных действий самим управомоченным субъектом и предъявление им требования к обязанным субъектам того же гражданского правоотношения /2, с.116; 3, с.44/. И далее, как нарушение субъективного гражданского права рассматривается неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанным субъектом гражданского правоотношения лежащей на нем юридической обязанности, т.е. совершение им препятствия управомоченному субъекту в осуществлении последним своего субъективного гражданского права /4, с.62, 403/.

Перейдем теперь к изучению защиты субъективного гражданского права. Тут нужно ответить по крайней мере на два вопроса. Во-первых, о кому принадлежащем субъективном праве идет речь и от кого или чего это право защищается? Во-вторых, в чем состоит защита субъективного гражданского права и какова ее взаимосвязь с ближайшими ей правовыми явлениями?

Имея в виду уже предоставленное понимание о субъективном гражданском праве, нетрудно ответить на первый вопрос — речь идет о субъективном праве, т.е. о юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного субъекта гражданского правоотношения. Защищать это право возможно не против любого лица, а лишь против обязанных субъектов этого же гражданского правоотношения в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения

ими лежащих на них юридических обязанностей, т.е. при нарушении субъективного гражданского права управомоченного субъекта гражданского правоотношения. Следовательно, субъективное право управомоченного субъекта гражданского правоотношения защищается от обязанных субъектов того же правоотношения и их неправомерного поведения (5, с.10-12).

Сложнее второй вопрос. Если исходить из того положения, что нарушением субъективного гражданского права является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанными субъектами лежащих на них юридических обязанностей, то очевидно, что защита этого субъективного права состоит в устранении указанных препятствий в осуществлении субъективного гражданского права, обусловленных обязанными субъектами таким поведением /6, с.107/. Как добиться устранения этих препятствий? Для этого необходимо предъявление управомоченным субъектом, субъективное гражданское право которого нарушено, требования о прекращении такого поведения обязанных субъектов. Требование управомоченного субъекта может быть предъявлено обязанным субъектам непосредственно, а также через соответствующие государственные или общественные органы, чтобы обеспечить выполнение предъявленного требования при необходимости государственным принуждением.

По направленности устранения препятствий в осуществлении субъективного гражданского права оба эти варианта требования управомоченного субъекта можно охарактеризовать как акты защиты субъективного гражданского права. Однако поскольку юридически обеспеченная возможность требовать от обязанных субъектов определенного поведения (исполнения обя-

занности) считается элементом содержания субъективного гражданского права, постольку использование этой возможности, т.е. фактическое требование определенного поведения от обязанных субъектов, представляет собой осуществление субъективного гражданского права. Зато требование управомоченного субъекта, предъявленное к обязанным субъектам через правоохранительный орган, нельзя характеризовать как осуществление субъективного гражданского права, ибо юридически обеспеченная возможность обратиться к правоохранительным органам с требованием против обязанных субъектов не является элементом содержания субъективного гражданского права. Правда, согласно некоторым авторам, указанная возможность считается элементом содержания субъективного права вместе с возможностью управомоченного субъекта на собственное поведение и на требование от обязанных субъектов исполнения обязанного поведения /7, с.108-109; 3, с.14/. С последней точкой зрения трудно согласиться. Если предполагать, что юридически обеспеченная возможность управомоченного субъекта обратиться к правоохранительному органу входит в качестве правомочия в содержание субъективного гражданского права, то неизбежно следует, что этому правомочию корреспондирует в рамках того же гражданского правоотношения соответствующая обязанность правоохранительного органа. Таким образом выходит, как будто в каждом гражданском правоотношении в качестве обязанного субъекта наряду с другими лицами участвует и правоохранительный орган. Но вряд ли это так в действительности. Думается, что юридически обеспеченная возможность управомоченного субъекта обратиться к правоохранительному

органу с требованием против обязанных субъектов представляет собой субъективное право, элемент содержания другого самостоятельного правоотношения, которое возникает в результате правонарушения. Поэтому, на наш взгляд, превращение в действительность указанной возможности, т.е. предъявление требования правоохранительному органу с целью устранения правонарушающего поведения обязанных субъектов, является не осуществлением нарушенного субъективного гражданского права, а актом его защиты, т.е. осуществлением субъективного права охранительного правоотношения /8, с.103-104/.

Итак, разграничение осуществления и защиты субъективного гражданского права происходит по характеру требования управомоченного субъекта, которое с целью устранения правонарушения направлено в одном случае непосредственно к обязанным субъектам, а в другом - через правоохранительный орган.

Нарушение субъективного гражданского права со стороны обязанных субъектов является необходимой, но не единственной предпосылкой его защиты. Вполне возможно, что обязанный субъект после нарушения субъективного права управомоченного субъекта, без требования последнего, по своей инициативе надлежащим образом исполняет свою обязанность и тем самым ликвидирует нарушение субъективного права. Аналогично добровольному исполнению обязанности в результате непосредственного требования управомоченного субъекта и здесь, на наш взгляд, нет основания говорить о защите субъективного гражданского права.

Представляется, что с защитой субъективного гражданского права мы имеем дело лишь в тех случаях, когда в отноше-

нии обязанных субъектов, добровольно не исполняющих свои обязанности, применяются со стороны других лиц, в том числе управомоченных субъектов, определенные способы, направленные на устранение правонарушений. Так, в качестве способа, применяемого управомоченным субъектом с этой целью, кроме обращения в правоохранительный орган (ст.3 ГК ЭССР, ст.3 ГК РСФСР), можно назвать и самозащиту, осуществляемую в порядке необходимой обороны и крайней необходимости (ст.ст.452-453 ГК ЭССР, ст.ст.13-14 УК ЭССР, ст.ст.448-449 ГК РСФСР, ст.ст.13-14 УК РСФСР). Однако решающую роль в защите субъективных гражданских прав представляют собой государственные и общественные органы, которые в ходе выполнения своих основных задач (суд, арбитраж, третейский суд) или дополнительных задач (профсоюзные и административные органы, ВОИР) устраняют гражданские правонарушения в порядке, предусмотренном законом (ст.7 ГК ЭССР, ст.7 ГК РСФСР).

Характер защиты субъективного гражданского права зависит прежде всего от того, нарушается ли субъективное право абсолютного или релятивного характера. В первом случае обязанные субъекты не исполняют своих пассивных обязанностей (не препятствовать управомоченному субъекту в осуществлении его субъективного права), в другом обязанные субъекты, как правило, не исполняют своих активных обязанностей (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.д.), без чего невозможно осуществление субъективного права управомоченным субъектом. В соответствии с этим защита субъективного гражданского права состоит либо в прекращении недопустимого поведения, либо в побуждении к обязанному по-

ведению обязанных субъектов. Кроме указанного различия, в субъективном гражданском праве на характер защиты субъективного права оказывает влияние ряд других обстоятельств: кто является управомоченными, кто обязанными субъектами (государство, социалистические организации или граждане), в чем состоит содержание конкретного нарушенного субъективного гражданского права, каким образом это право нарушено и т.д. Общим для всех вариантов защиты субъективного гражданского права является принудительный характер способов защиты и их применение строго в соответствии с действующим законодательством.

Имея в виду вышеизложенные общие положения о понятии, осуществлении и защите субъективного гражданского права, мы продолжаем трактовку темы с изучением специфики защиты субъективного гражданского права при множественности управомоченных субъектов. Под множественностью управомоченных субъектов (или многосубъектностью на управомоченной стороне) понимается в специальной литературе наличие в одном гражданском правоотношении на управомоченной стороне одновременно двух или более субъектов. Так, например, о множественности управомоченных субъектов говорится в связи с правоотношением общей собственности и с обязательством с двумя или несколькими кредиторами /9, с.5; 10, с.379-380; 11, с.202; 12, с.341-342/.

Понимание множественности управомоченных субъектов как одновременное наличие двух или более управомоченных субъектов в одном гражданском правоотношении предполагает существование одного субъективного гражданского права в этом правоотношении и деление его между всеми

управомоченными субъектами. Оставляя в стороне спорный вопрос о том, каким образом можно делить субъективное гражданское право между двумя или несколькими лицами, сосредоточим свое внимание на защите субъективного гражданского права в таком случае. Защита субъективного гражданского права, как сказано, направлена на устранение неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей обязанными субъектами того же правоотношения. Возникает вопрос: кто является обязанными субъектами в гражданском правоотношении в данном случае? Другими словами, это вопрос об установлении лиц, обязанности которых противостоят (корреспондируют) субъективному праву общей собственности, субъективному обязательственному праву при наличии двух или нескольких кредиторов и другим субъективным гражданским правам при множественности управомоченных субъектов.

Если предполагать при множественности управомоченных субъектов существование одного субъективного гражданского права с делением между управомоченными субъектами, то ответ простой: обязанными субъектами в правоотношении общей собственности выступают несобственники общего имущества, в обязательственном правоотношении — должники, в авторском правоотношении — неавторы, в изобретательском правоотношении — не-изобретатели и т.д. При рассмотрении вопросов защиты субъективного гражданского права с множественностью управомоченных субъектов обычно и ограничиваются изучением устранения правонарушений, совершенных указанными лицами. Аналогично ориентировано и наше законодательство.

Представляется, что такой подход к проблеме слишком односторонен. Система взаимных связей в рассматриваемых случаях не ограничивается связями: общие собственники-несобственники, общие кредиторы-должники, общие авторы-неавторы, общие изобретатели-неизобретатели. Помимо этих связей между собой связаны еще и сами общие собственники, общие кредиторы, общие авторы и общие изобретатели⁴. В каждом указанном случае налицо сложная сеть взаимных общественных связей. Анализ их при принадлежности имущества одновременно двум или нескольким лицам позволяет сделать вывод о существовании не одного правоотношения общей собственности, а столько, сколько имеется общих собственников. Каждый общий собственник выступает единственным управомоченным субъектом в правоотношении общей собственности и каждому из них корреспондируют обязанностями субъектами все другие общие собственники и все остальные лица, т.е. несобственники конкретного общего имущества /13, с.25-26/. Аналогичная картина наблюдается и при наличии общих кредиторов, общих авторов и общих изобретателей, где, по нашему мнению, действительно существует столько гражданских правоотношений, сколько имеется общих управомоченных субъектов /14, с. 24-28/2.

Описанное понимание взаимных связей между управомоченными субъектами гражданских правоотношений означает по су-

⁴ Общими управомоченными субъектами (общими собственниками, общими кредиторами, общими авторами, общими изобретателями и пр.) мы называем здесь управомоченных субъектов, которым корреспондируют одни и те же обязанности одних и тех же обязанных субъектов.

²В дальнейшем - общие гражданские правоотношения.

щество признание того, что многосубъектности на управомоченной стороне в одном гражданском правоотношении не существует. Каждый общий управомоченный субъект находится в отдельном общем гражданском правоотношении, и ему принадлежит целостное субъективное гражданское право³. Кроме традиционных обязанных лиц (несобственников, должников, неавторов, неизобретателей и т.д.), обязанными субъектами каждому управомоченному субъекту корреспондируют также лица из традиционных управомоченных субъектов (общие собственники, общие кредиторы, общие авторы, общие изобретатели и пр.). Следовательно, многосубъектность в гражданском правоотношении существует только на обязанной стороне.

Такая конструкция многосубъектности гражданского правоотношения исключает полемику вокруг вопроса, возможно ли деление субъективного права в рамках одного гражданского правоотношения между двумя или несколькими управомоченными субъектами. Поскольку в каждом правоотношении только один управомоченный субъект, постольку отсутствует основное деление этого права.

Принцип односубъектности на управомоченной стороне в одном гражданском правоотношении имеет существенное значение при решении как теоретических, так и практических вопросов осуществления и защиты общего субъективного гражданского права. Это дает возможность видеть под новым углом зрения субъектный состав и взаимные связи между субъектами общего гражданского правоот-

³В дальнейшем — общее гражданское право.

ношения. Главное в этом понимании то, что общее субъективное гражданское право одного управомоченного субъекта может быть нарушено не только традиционными субъектами, но также другими общими управомоченными субъектами, которые являются одновременно обязанными субъектами в общем гражданском правоотношении. Так, нарушение права общей собственности одного общего собственника возможно со стороны всех несобственников конкретного общего имущества и равным образом другими общими собственниками. Обычно это происходит в ходе владения и пользования общим имуществом одним общим собственником в мере, что препятствует осуществлению такой же возможности других общих собственников (владеть и пользоваться тем же общим имуществом). Нарушение субъективного гражданского права со стороны других общих управомоченных субъектов может иметь место аналогичным образом и при общих обязательственных, авторских, изобретательских и наследственных правоотношениях.

Этот вид нарушений субъективного гражданского права в нашей специальной литературе теоретически недостаточно исследован, и наше законодательство не обеспечивает эффективного устранения соответствующих правонарушений на практике. Сказанное убедительно иллюстрирует нынешнее состояние защиты субъективного права общей собственности одного общего собственника при нарушении этого права со стороны других общих собственников.

Как известно, владение, пользование и распоряжение имуществом осуществляются по согласию всех общих собственников, и в случае разногласий спор разрешается судом по иску любого из общих собственников (ст.ст. 121 и 130 ГК ЭССР, ст.ст.

117 и 127 ГК РСФСР, ст.21 КоБС ЭССР).

Какие правовые средства имеются в распоряжении суда, чтобы защитить субъективное право общего собственника от нарушений его со стороны других общих собственников? Традиционные средства защиты права собственности - виндикационный и негаторный иски (ст.ст.155 и 160 ГК ЭССР, ст.ст.151 и 156 ГК РСФСР) - при этом не применяются, ибо они направлены на устранение нарушений, совершенных не-собственниками, т.е. всеми остальными лицами кроме общих собственников. Основным средством защиты права общей собственности в случае нарушения правомочий владения и пользования одного общего собственника тем, что другие общие собственники своим поведением препятствуют ему владеть и пользоваться общим имуществом, является определение судом порядка пользования (а тем самым и владения) общими собственниками их общим имуществом. При защите правомочия распоряжения суд обеспечивает в основном предвиденную законом возможность прекращения права общей собственности путем выделения в натуре доли из общего имущества (ст.ст.126 и 133 ГК ЭССР, ст.ст.121 и 130 ГК РСФСР), раздела общего имущества (ст.134 ГК ЭССР, ст.131 ГК РСФСР, ст.23 КоБС ЭССР, ст.21 КоБС РСФСР) и отчуждения доли в общем имуществе другому лицу (ст.124 ГК ЭССР, ст.119 ГК РСФСР). В меньшей мере суд обеспечивает защиту правомочия распоряжения в условиях продолжительного существования права общей собственности (ст.ст.123 и 125 ГК ЭССР, ст.ст.120 и 125 ГК РСФСР).

Как показывает практика осуществления и защиты субъективного права общей собственности, средства защиты, предвиденные в гражданском и семейном законо-

дательствах, не обеспечивает эффективную защиту права общей собственности одного общего собственника от нарушений этого права со стороны других общих собственников. В существенной мере этому препятствует несогласованность и даже противоречивость некоторых правовых предписаний других отраслей права, что прямо или косвенно оказывает негативное влияние на осуществление и защиту права общей собственности. В самом наглядном виде сказанное выражается при осуществлении и защите права общей собственности граждан на мототранспортные средства.

Так, в п.5 Правил регистрации и учета мототранспортных средств (утверждены приказом МВД СССР от 30 января 1975 г.) установлено: "Транспортные средства, находящиеся в личной собственности граждан, регистрируются только на одного владельца". В п.2.1 Правил дорожного движения (утверждены приказом МВД СССР от 2 ноября 1979 г.) зафиксировано в свою очередь: "Водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе ...заверенную в установленном порядке доверенность на право управления (при отсутствии владельца индивидуально-го транспортного средства)." Органы МВД признают владельцем, т.е. собственником, конкретного мототранспортного средства только того единственного гражданина, на имя которого оно зарегистрировано, несмотря на то, что это транспортное средство принадлежит на праве общей собственности двум или нескольким лицам. Работники госавтоинспекции в своей повседневной работе требуют от всех водителей личных автотранспортных средств заверенную в установленном порядке доверенность на право управления, если не присутствует тот собственник, на имя ко-

того зарегистрировано транспортное средство. Такую доверенность вынуждены представить также супруги, члены колхозного двора и другие общие собственники конкретного транспортного средства, на имя которых это транспортное средство не зарегистрировано. Без доверенности, выданной общим собственником, на имя которого зарегистрировано мототранспортное средство, другие общие собственники этого же транспортного средства лишены возможности управлять, т.е. самостоятельно пользоваться транспортным средством, хотя они являются такими же собственниками, как доверители.

Не останавливаясь здесь на анализе юридического характера доверенности в данном случае, отметим все-таки следующее. Если один общий собственник доверяет другому общему собственнику (например, супруге) пользоваться мототранспортным средством, находящимся в их общей собственности, то это значит, что доверитель доверяет пользование не только своим имуществом, но и имуществом, принадлежащим самому поверенному. Другими словами, общий собственник - доверитель - осуществляет права общей собственности другого общего собственника - поверенного - и делает это по своему усмотрению. Другие общие собственники (в их числе и другой супруг), на имя которых не зарегистрировано общее транспортное средство, мало того что лишены возможности самостоятельно осуществлять свое право пользования, лишены и возможности требования выдачи доверенности со стороны общего собственника, на имя которого зарегистрировано транспортное средство. И последний может в любое время отменить уже выданную им доверенность (п.2 ч.1 ст.72 ГК ЭССР, п.2 ч.1 ст.69 ГК

РСФСР).

Таким образом, при нынешней правовой регламентации осуществление права общей собственности общими собственниками, на имя которых незарегистрировано общее мототранспортное средство, зависит полностью от воли того общего собственника, на имя которого зарегистрировано мототранспортное средство. При нарушении последним права других общих собственников они лишены защиты своих прав, ибо суд не вправе обязывать никого выдать или не отменить уже выданную доверенность.

Этим не исчерпываются случаи, когда общие собственники лишены возможности осуществления и защиты своего субъективного права. Как известно, на основании ст.393 ГК ЭССР и ст.395 ГК РСФСР вклад супругов в государственных трудовых сберегательных кассах и в госбанке является их общим совместным имуществом. Значит, оба супруга являются управомоченными субъектами права общей совместной собственности в отношении вклада. В обязательственном правоотношении по хранению общих денежных средств супругов в сберегательных кассах в качестве управомоченного субъекта выступает только один из супругов - тот, кто заключает договор денежного вклада, т.е. вкладчик. Заключение этого договора вдвоем, обоими супругами, исключено - в п.4 Инструкции о порядке совершения государственными трудовыми кассами СССР операций по вкладам населения (утверждена Правлением государственных сберегательных касс СССР от 3 октября 1980 г.) прямо сказано: "Открытие одного счета на имя двух или нескольких лиц не допускается." Поэтому распоряжаться вкладом, принадлежащим обоим супругам на праве общей совмест-

ной собственности, может только один супруг, который оформлен вкладчиком.

В еще худшем положении в этом отношении находятся члены колхозного двора как субъекты права общей совместной собственности. По ст.129 ГК ЭССР и ст. 126 ГК РСФСР в совместную собственность членов колхозного двора могут входить, кроме прочего, имущество и трудовые доходы от участия в общественном хозяйстве колхоза. Если кто-то из членов колхозного двора, например, глава двора, передает эти денежные доходы в сберкассу на хранение (т.е. заключает договор денежного вклада), то он один оформляется вкладчиком. Все остальные члены колхозного двора фактически теряют с этого момента свое право общей совместной собственности на эти трудовые доходы, ибо законом не предвидено право общей собственности членов колхозного двора на вклад в сберкассу. Они лишены не только возможности осуществления своего субъективного права общей совместной собственности в этой части, но и возможности защиты его.

Примеры об аналогичном неравноправном положении управомоченных субъектов гражданских правоотношений можно найти не только в правоотношениях общей собственности и в обязательствах, но и в авторских правоотношениях. Так, в п.14 Положения об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений (утверждено Постановлением Госстроя СССР от 12 декабря 1979 г.) предвидено, что "для осуществления авторского надзора может быть выделен только один автор проекта по каждому зданию, сооружению и один соавтор проекта по части проекта или виду работ". Остальные авторы-архитекторы,

которые также участвовали в создании этих объектов и являются управомоченными субъектами в соответствующих авторских правоотношениях, лишены возможности осуществлять авторский контроль, получить из этой деятельности творческое удовлетворение и материальное вознаграждение. Защита интересов всех соавторов при нынешнем правовом регулировании здесь невозможна. Замена в авторском надзоре одного соавтора другим означала бы улучшение положения одного соавтора за счет другого. В целом обстановка остается прежней.

Автору данной статьи представляется, что общей причиной всех рассмотренных случаев неполучения защиты при нарушении общих субъективных гражданских прав является общепризнанное понимание возможности многосубъектности на управомоченной стороне в одном гражданском правоотношении. При таком понимании осуществление общего субъективного права только одним управомоченным субъектом права не кажется особым нарушением права других управомоченных субъектов того же правоотношения. Зато при понимании того, что каждый общий управомоченный субъект находится в отдельном гражданском правоотношении (а это значит, что ему принадлежит целостное субъективное право) и каждому из них корреспондируют обязанностями субъектами среди других и остальные общие управомоченные субъекты, картина существенно изменится - осуществление субъективного права лишь одним общим управомоченным субъектом является явным нарушением субъективного права других общих управомоченных субъектов, что требует обеспечения их ~~эффективной~~ защиты. Первым шагом в этом направлении было бы создание правового основания для

оформления на равных условиях субъективных гражданских прав всех общих управомоченных субъектов гражданских правоотношений, а затем равных условий их осуществления и защиты. Теоретической базой этого послужило дальнейшее углубленное изучение вопросов много-субъектности в гражданском правоотношении.

Использованные материалы

1. Ананьева Ж.К. О теории субъективного права в юридической литературе // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1970. - Вып.264: Тр. по правоведению, №11.
2. Тархов В.А. Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. - Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та им Д.И. Курского, 1962.
3. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
4. Ананьева Ж.К. и др. Советское гражданское право. Общая часть: Учебник (на эст. яз.). - Таллин: Валгус, 1971.
5. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
6. Тархов В.А. Советское гражданское право: Учебник. - Б.м.: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
7. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. - М.: Госюриздат, 1955.
8. Ананьева Ж.К. О классификации гражданских правоотношений // Уч. зап.

- Тарт. ун-та. - 1972. - Вып.298: Тр. по правоведению, X1У.
9. Зимелева М. Общая собственность в советском гражданском праве // Уч. зап. ВИЮН. - М., 1941. - Вып.11.
 10. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А.Красавчикова. - М.: Высшая школа, 1968. - Т.1.
 11. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. - М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.
 12. Советское гражданское право: Учебник /Под ред. В.Т. Смирнова, Ю.К.Толстого, А.К. Юрченко. - Л.:Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - Ч.1.
 13. Касък П.П. Понятие и виды правоотношений общей собственности // Уч.зап. Тарт. ун-та. - 1984. - Вып.679: Развитие и совершенствование правоотношений в развитом социалистическом обществе.
 14. Касък П.П. О многосубъектности в гражданском правоотношении // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1986. - Вып. 758: Особенности правового положения субъектов и объектов имущественных и личных неимущественных отношений в развитом социалистическом обществе.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХРАНИТЕЛЯ В СИЛУ ЗАКОНА

Х.В. Сепп

Обязательства хранения в настоящее время имеют широкое распространение в сфере бытового обслуживания населения, а также в хозяйственных отношениях между социалистическими организациями. Возникающие при хранении имущественные отношения должны получить надлежащее и точное правовое регулирование. Регулирующие эти отношения нормы в ГК ЭССР уже апробированы практикой и не нуждаются в существенных изменениях. В некотором же совершенствовании нуждаются, на наш взгляд, нормы, устанавливающие субъективные условия наступления ответственности хранителя в тех случаях, когда обязательство хранения возникло не из договора хранения, а по другим основаниям. Такие обязательства принято именовать обязательствами хранения в силу закона.

Некоторые соображения по субъективным условиям ответственности хранителя в силу закона излагаются в настоящей статье.

Если хранитель в основном на договоре хранения обязательстве допустил утрату вещей, их недостачу или повреждение, он несет имущественную ответственность перед поклажедателем. Это положение никем не оспаривается. В то же время в ГК ЭССР до недавнего времени отсутствовала общая норма об ответственности хранителя. Норма в ст. 426 ГК ЭССР, на которую суды иногда ссылались в качестве такой нормы, устанавливает только размер ответственности хранителя, а не условия ее наступления. Указом Президиума Верховного Совета ЭССР от 29 августа 1985

г. этот пробел в гражданском законодательстве был устранен путем дополнения статьи 425 ГК ЭССР частью 1 следующего содержания: " (1) Хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение имущества, принятого на хранение. Он освобождается от этой ответственности, если докажет, что утрата, недостача или повреждение имущества произошли не по его вине" /12, п.71/.

Прежние части 1 и 2 этой же статьи считались соответственно частями 2 и 3.

Следовательно, и в отношении хранителей применяется содержащееся в ст.227 ГК ЭССР общее правило об субъективных условиях наступления гражданско-правовой ответственности: такая ответственность наступает при наличии вины. Нельзя, однако, не учитывать, что гражданскому законодательству известна и повышенная имущественная ответственность, т.е. ответственность без вины. Согласно ст.227 ГК ЭССР, такая ответственность в каждом отдельном случае ее установления специально оговаривается и предусматривается по прямому указанию закона, или договора. Поэтому представляется, что содержащаяся и в ч.1 ст.425 ГК ЭССР общая норма об ответственности хранителя, подлежит применению лишь в случаях, если в гражданском законодательстве нет специальных норм о повышенной ответственности хранителя и такая ответственность не предусмотрена и договором.

Специальная норма о субъективных условиях наступления ответственности хранителя содержится в ч.2 ст.425 ГК ЭССР. Согласно этой норме, организации, для которых хранение является одной из целей деятельности, предусмотренной их уставом, освобождаются от ответственности за несохранность имущества, вызванную

непреодолимой силой. Следовательно, такие организации в качестве хранителей несут повышенную гражданско-правовую ответственность. Относится ли эта специальная норма и к организациям, осуществляющим хранение в силу закона?

Представляется, что ответ на этот вопрос в настоящее время преломляется в проблемах, вытекающих из редакции статей 427 и 431 ГК ЭССР. Редакция этих статей не отличается, на наш взгляд, четкостью и поэтому допускают различные толкования. А это приводит как в теории, так и в практике к различному пониманию и применению норм, содержащихся в этих статьях закона.

Наиболее распространенный в практике случай возникновения обязательства хранения в силу закона устанавливается в ст. 427 ГК ЭССР (ст. 429 ГК РСФСР)⁴. Кроме этого случая в силу закона возникают и обязательства хранения найденных вещей (ст. 148 ГК ЭССР) или безнадзорного и пригильного скота (ст. 150 ГК ЭССР). Обязательства хранения возникают в силу закона и при передаче на хранение наследственного имущества (ст. 560 ГК ЭССР) и имущества, на которое наложен арест (ст. 362 ГПК ЭССР). Нетрудно заметить, что объектом обязательства хранения в силу закона выступает не всякое, а только строго определенное имущество.

Нельзя не отметить, что в ст. 427 ГК ЭССР, как и в других вышеприведенных статьях ГК и ГПК ЭССР, вообще не содержится указаний в отношении гражданско-правовой ответственности хранителей в силу закона. Ничего не говорится в них и об

⁴ В литературе высказано мнение, согласно которому обязательства хранения, возникающие на основании ст. 429 ГК РСФСР, должны быть признаны нетипичными договорными отношениями /5, с. 84/.

обстоятельствах, исключающих ответственность таких хранителей. Поэтому ссылка в решениях судов лишь на эти статьи еще не предопределяет, какую ответственность — повышенную или за вину — следует применить в отношении хранителей в силу закона.

На первый взгляд кажется, что поскольку в перечисленных выше нормах ГК ЭССР специально не устанавливается повышенная ответственность вышеуказанных хранителей в силу закона, то и в отношении их применяется только содержащаяся в ч.1 ст.425 ГК ЭССР общая норма об ответственности, т.е. эти хранители отвечают только при наличии их вины. На основании же действующего законодательства это не так просто. Дело в том, что отношения по хранению, возникающие в силу закона, регулируются помимо вышеуказанных норм и нормой, содержащейся в ст.431 ГК ЭССР. Эта норма устанавливает, что к таким отношениям хранения применяются, в числе других, и нормы статей 425-429 ГК ЭССР. Следовательно, согласно ст.431 к этим отношениям применяются и нормы, содержащиеся во всех трех частях ст.425 ГК ЭССР. Содержащиеся же в частях 1 и 2 этой статьи нормы устанавливают совершенно разные, исключающие друг друга при применении, субъективные условия наступления ответственности хранителя.

По-видимому, нельзя сказать, что ст. 431 ГК ЭССР отличается ясностью, необходимой для правильного ее понимания и применения. Ведь в силу нормы в ст.431 ГК ЭССР любая социалистическая организация, хранящая имущество в силу закона, отвечает за несохранность его как по правилам ч.2 ст.425 ГК ЭССР, так и по правилам ч.1 ст.425 ГК ЭССР.

Вытекающая из редакции ст.431 ЭССР (ст.433 ГК РСФСР) неясность отражается и в юридической литературе, где пока нет единого мнения о субъективных условиях

наступления ответственности хранителей в силу закона, в частности, организаций, названных в ст.427 ГК ЭССР (ст.429 ГК РСФСР). Некоторые авторы полагают, что перечисленные в этой статье организации в качестве хранителей в силу закона несут ответственность за несохранность имущества независимо от их вины /9, с.311; 7, с.72; 5, с.79/. Другие же авторы считают, что ответственность этих организаций за несохранность имущества граждан наступает лишь при наличии их вины /1, с.12; 4, с.21; 8, с.92-94; 6, с.22/.

Естественно, что всякие неясности в теории отрицательно влияют на правоприменительную практику. Суды правильно исследуют вину гражданина-поклажедателя, т.к. вина самого кредитора в силу ч.3 ст.229 ГК ЭССР имеет юридическое значение и в том случае, когда должник несет имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства независимо от своей вины. Но судам не всегда вполне ясно, следует ли вообще исследовать вопрос о виновности перечисленных в ст.427 ГК ЭССР организаций как хранителей в силу закона /14/.

Разнообразие мнений по этому вопросу обуславливает необходимость дальнейшего исследования и совершенствования норм, регулирующих ответственность хранителей в силу закона. Представляется, что любые решения в этом вопросе должны опираться на четкие и ясные критерии.

Каковы эти критерии?

Хранение может осуществляться либо специальными организациями, либо организациями, осуществляющими эти операции в виде эпизодической, вспомогательной деятельности. В литературе правильно отмечается, что с точки зрения субъективных условий ответственности все организации,

которые осуществляют функции хранения, можно разделить на две группы. Критерием для такого разграничения выступает соотношение хранения к цели их деятельности /2, с.109-110; 3, с.372-373; 11, с.335/.

Если хранение представляет для организации одну из основных или единственную цель деятельности, предусмотренную ее уставом - налицо профессиональный хранитель, ответственность которого наступает и без вины, т.е. является повышенной. Именно такая ответственность профессиональных хранителей устанавливается нормой в ч.2 ст.425 ГК как императивной нормой. К указанным в этой норме профессиональным хранителям относятся ломбарды, холодильники, камеры хранения транспортных организаций и др. /4, с.21/.

Если же хранение имущества представляет для организаций только вспомогательную, дополнительную или сопутствующую их главной задаче функцию - налицо непрофессиональный хранитель, ответственность которого за несохранность имущества наступает не на основании нормы в ч.2 ст.425 ГК, а на основании нормы в ч.1 ст.425 ГК ЭССР, т.е. лишь при наличии его вины. К непрофессиональным хранителям в литературе относят, кроме перечисленных в ст.427 ГК ЭССР организаций, еще столовые, парикмахерские, бани, бассейны, больницы, пансионаты, туристские базы и т.п. /4, с.21; 8, с.34, 92/.

Не вызывает возражений, что к непрофессиональным хранителям относятся и граждане.

Профессиональный хранитель всегда является специалистом, имеющим необходимые помещения, а также различные механизмы и приспособления. Услуги по хранению такие хранители оказывают лишь за вознаграждение на основании заключаемых ими

договоров хранения. Непрофессиональные хранители, в том числе и перечисленные в ст. 427 ГК ЭССР организации, такими механизмами и приспособлениями не располагают. Поэтому было бы несправедливо предъявлять одинаковые с профессиональными хранителями требования к непрофессиональным хранителям, выполняющим функции хранителей в виде вспомогательной обязанности /8, с.93/. Это обстоятельство в достаточной степени не учитывается, на наш взгляд, авторами, которые полагают, что хотя перечисленные в ст. 427 ГК ЭССР организации и не относятся к профессиональным хранителям, их ответственность наступает независимо от вины /10, с.287/.

Следовательно, субъективные условия наступления ответственности хранителя зависят от того, относится ли он к профессиональным или непрофессиональным хранителям. В первом случае хранитель отвечает как за вину, так и независимо от вины, во втором - только при наличии вины в утрате или повреждении имущества. Следует отметить, что ответственность хранителя не зависит от оснований возникновения обязательства хранения. Поэтому перечисленные в ст. 427 ГК ЭССР организации в качестве непрофессиональных хранителей несут ответственность только при наличии их вины даже в том случае, когда вещи граждан, в том числе деньги и драгоценности были приняты ими на хранение по договору хранения /8, с.93/. Дело в том, что, заключая договор хранения денег или драгоценностей, эти организации не превращаются в профессиональных хранителей. Исходя из этого, немалые сомнения вызывает противоположная точка зрения по этому вопросу /13, с.645-646/.

Надо иметь в виду, что указание в

ч.2 ст.425 ГК ЭССР организации тоже могут принять на хранение вещи граждан не в порядке осуществления своей основной функции, например, хранение вещей сотрудников и посетителей в гардеробе ломбарда. В этом договорном обязательстве хранения ломбард уже не выступает профессиональным хранителем, и, следовательно, норма в ч.2 ст.425 ГК ЭССР к таким обязательствам хранения неприменима.

Вышеизложенная концепция о субъективных условиях наступления ответственности хранителей согласуется, на наш взгляд, с нормами ГК ЭССР, регулирующими ответственность социалистических организаций за сохранность переданного в их владение имущества граждан. Как известно, обязанность хранения имущества граждан может сопутствовать или дополнять обязанность стороны по некоторым гражданско-правовым договорам, например, по договору купли-продажи (ст.247 ГК ЭССР), бытового проката (ст.360 ГК ЭССР), комиссии (ст.410 ГК ЭССР), перевозки пассажира и багажа (ст.380 ГК ЭССР) и др. В этих случаях у организации возникает обязанность хранения, но никакого обязательства хранения, как договорного, так и внедоговорного, нет. Возникшая у организации обязанность хранения выступает элементом содержания соответствующего договорного обязательства, и ответственность за ее нарушение вытекает из этих же договоров на основании перечисленных выше норм ГК ЭССР. Эти же нормы устанавливают ответственность за нарушение организацией обязанности хранения только при наличии ее вины.

Следовательно, нельзя толково разъяснить, почему, например, гостиница должна нести повышенную ответственность за утрату фотоаппарата, находящегося в отведенном клиенту номере, а комиссионный магазин в качестве комиссионера несет за ут-

рату полученного от комитента для продажи фотоаппарата ответственность только при наличии своей вины. Ведь в первом случае администрация гостиницы могла совсем не знать о наличии такой вещи в номере, во втором же администрация комиссионного магазина сама приняла вещь от комитента для продажи. Поэтому нельзя согласиться с авторами, по мнению которых следовало бы установить повышенную ответственность перечисленных в ст.427 ГК ЭССР организаций /2, с.117/.

В чем же заключается выход из создавшегося положения?

Содержащаяся в ст.427 ГК ЭССР норма является единственной нормой в 37 Главе ГК ЭССР, устанавливающей юридический состав, необходимый для возникновения обязательства хранения в силу закона. Но эта норма не содержит, как уже отмечалось выше, указания о субъективных условиях наступления ответственности хранителя, и поэтому содержащаяся в ст.431 ГК ЭССР отсылка на эту норму в настоящее время явно не достигает намеченной цели. Исходя из этого, представляется, что ст.427 ГК ЭССР следовало бы дополнить или словами "если не докажут, что утрата, недостача или повреждение этого имущества произошли не по их вине", или лишь отсылкой на ч.1 ст.425 ГК в виде "(ч.1 ст.425)". В таком случае отсылка в статье 431 ГК ЭССР на ст.427 этого же кодекса не только сохраняется, но приобретает уже действительно существенную правовую нагрузку - и в других случаях хранения в силу закона применяется ответственность хранителя только при наличии его вины.

В то же время следовало бы заменить содержащуюся в ст.431 ГК ЭССР отсылку на ст.425 этого же кодекса, т.е. отсылку на все три части этой статьи, отсылкой толь-

ко на ее части 1 и 3. Дело в том, что содержащаяся в ч.2 ст.425 ГК ЭССР норма по вышеизложенным соображениям явно не применима к ответственности хранителей в силу закона. Содержащиеся же в частях 1 и 3 этой статьи нормы распространяются и на случаи хранения в силу закона.

Использованные материалы

1. Баринов Н., Чыбуленко З. Обязательства хранения имущества в судебной практике // Советская юстиция. - 1971. - № 17.
2. Бычкова Г.П. Договор хранения в новом Гражданском кодексе РСФСР // Вопросы советского государства и права. - Иркутск: Б.и., 1967. - (Тр.Иркут. ун-та. Том . Сер. юридическая. - Вып.8.-ч.3).
3. Лаасик Э. Советское гражданское право. Часть особенная: Учебник. - Таллин: Валгус, 1980.
4. Мирошникова Н. Ответственность хранителя имущества // Советская юстиция. - 1976. - № 8.
5. Ойгензихт В.А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве: Уч. пособие. - Душанбе: Б.и., 1984.
6. Пиндинг А. Ответственность за утрату или повреждение имущества в гостиницах, общежитиях и других подобных организациях // Советская юстиция. - 1981. - № 20.
7. Плоом Э. Ответственность за несохранность имущества в гостиницах, общежитиях и других организациях // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1967. - Вып. 197: Тр. по правоведению, УШ.
8. Чыбуленко З.И. Обязательства хранения в советском гражданском праве. -

- Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982.
9. Советское гражданское право: Учебник /Под ред. В.А. Рясенцева. - М.: Юрид.лит., 1965. - Т.2.
 10. Гражданское право БССР: Учебник /Под ред. В.Ф. Чигира. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1977. - Т.11.
 11. Советское гражданское право: Учебник /Под ред. В.П. Грибанова, С.М.Корнеева. - М.: Юрид.лит., 1980. - Т.11.
 12. О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Эстонской ССР: Указ Президиума Верховного Совета Эст. ССР от 29 августа 1985 г. // ВВП ЭССР. - 1985. - № 27. - Ст.451.
 13. Комментарий к ГК РСФСР. / Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Юрид. лит., 1970.
 14. Гражданское дело Верховного суда ЭССР 2-2/316 1978; 2-2/321 1978.

О ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН - ЗАКАЗЧИКОВ ПО ДОГОВОРАМ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Э.Д. Плоом

Программа роста благосостояния советского народа предусматривает глубокие перемены в сфере труда и условиях жизни людей /1/. Большую роль играет при этом обеспечение дальнейшего развития бытового обслуживания, где главным направлением является расширение услуг по восстановлению потребительских свойств находящихся у населения изделий и по изготовлению изделий по заказам населения. В связи с этим главное внимание в развитии обслуживания на данном этапе обращено на вопросы исполнения договора обслуживания. Договоры бытового обслуживания заключаются сторонами для достижения определенного результата - изготовления или ремонта предмета, необходимого гражданину, или для оказания ему многочисленных иных услуг.

Для достижения безусловного и надлежащего исполнения договора со стороны предприятий обслуживания в интересах полного удовлетворения потребностей заказчика, т.е. гражданина, должны быть установлены соответствующие правовые и экономические меры, гарантирующие исполнение договора. Надо отметить, что непосредственно от Советского государства и от эффективности и качества работ государственного аппарата зависит высокий качественный уровень норм права, закрепляющих права и обязанности граждан, четкость и эффективность процедуры реализации каждого конкретного субъективного права, высокий уровень правосознания членов общества, помогающий им со знанием дела осуществлять свои права, а также

выполнять возложенные на них обязанности, действенное обеспечение указанных прав, их защита и быстрое восстановление в случае нарушения /2, с.171/. Выполняя свои обязанности, соответствующие органы должны обеспечить названные условия и для социально-экономических прав личности/3/. Но практика показывает, что в охране имущественных прав граждан имеются некоторые недостатки. Как подчеркивается в литературе, эти недостатки обусловлены рядом причин. Ими являются: а) несовершенство действующего законодательства, б) несоответствие закону отдельных подзаконных актов, в) незнание законодательства некоторыми органами и должностными лицами, г) неправильное подчас толкование закона в литературе и судебной практике, д) несоблюдение законов отдельными гражданами.

К сожалению, недостатки в охране имущественных прав граждан и их причины, сформулированные В.А. Тарховым двадцать лет назад /4, с.80/, имеют место в наши дни и сохранили свою актуальность по крайней мере в отношении по бытовому обслуживанию. Несовершенство действующего законодательства отмечается почти во всех исследованиях, посвященных проблемам развития обслуживания (работы А.Ю.Кабалкина, Н.А. Баринаова и других). При этом надо отметить, что в определенной части регулирование отношений по бытовому обслуживанию в последние годы существенно ухудшилось. Если ранее в некоторых Правилах обслуживания была конкретно установлена ответственность организации обслуживания, в других лишь декларировалась мысль, что организация несет ответственность перед заказчиком, то "Единые правила" вопросы ответственности не конкретизировали, а, наоборот, по существу обходят их /5,

с.75/. Тем самым они не устанавливают никаких санкций за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей организациями бытового обслуживания. Однако это не случайность, не простой пробел в регулировании рассматриваемых отношений. Это ясное выражение ведомственных интересов системы бытового обслуживания, т.е. явление, подвергнутое критике в течение долгих лет /4, с.79/. Исходя из ведомственных интересов, объясняется причина и такого явления, как несоответствие закону отдельных подзаконных актов, регулирующих многие отношения по бытовому обслуживанию. Такое положение существует уже длительное время по той причине, что до сих пор не исполнено предписание Основ гражданского законодательства о утверждении типовых договоров бытового обслуживания Советом Министров союзной республики. Тем более это требование должно действовать применительно к такому акту, как "Единые правила".

Указанные недостатки в охране имущественных прав граждан можно ликвидировать довольно простым путем - рассмотреть и упорядочить законодательный материал, регулирующий отношения по бытовому обслуживанию. Надо отметить, что такая работа уже ведется.

Остальные причины, обуславливающие недостатки в охране имущественных прав граждан, - незнание законодательства некоторыми органами и должностными лицами, неправильное толкование закона - являются причинами субъективного толка, и их ликвидация не требует особых затруднений. Так или иначе интересы граждан должны быть сохранены. С этой проблемой непосредственно связана деятельность законодателя по усовершенствованию всего законодательного материала по бытовому обслу-

живанию. В интересах охраны прав граждан действует повышение квалификации работников системы обслуживания, правильное толкование действующего законодательства и его точное применение на практике. Ясно, что этот процесс постоянный и для получения конкретных результатов обычно необходимо определенное время.

Но как показывает практика, имущественные права граждан страдают вследствие того, что они прямо нарушаются. Отсюда возникает необходимость защищать нарушенные права граждан. При этом мы различаем понятия охраны и защиты и присоединяемся к мнению, согласно которому охрана охватывает все регулирование субъективных прав, включая и их защиту, а защита имеет место лишь при нарушении или угрозе нарушения субъективных прав.

В рамках данной статьи мы ограничимся лишь исследованием вопросов защиты прав граждан, которым в юридической литературе уделено значительно меньше внимания /6, с.109/.

В ст.6 Основ гражданского законодательства и в гражданских кодексах определены порядок и способы защиты субъективных прав и интересов граждан и указаны все органы, осуществляющие защиту прав граждан. Так, ст.7 ГК ЭССР устанавливает, что защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом, товарищескими судами, профсоюзными или иными общественными организациями и в случаях, особо предусмотренных законом, в административном порядке. Исходя из порядков защиты, выделяются два основных их вида - общий и специальный. При этом под общим порядком понимается осуществление защиты судом, арбитражем, третейским судом, профсоюзной и иной об-

ществленной организацией, а специальным или административным - те случаи, когда защита осуществляется органами государственной власти и управления.

Общий порядок осуществления защиты прав в отношении по бытовому обслуживанию имеет определенные специфические моменты, которые оказывают существенное влияние на установление круга органов защиты. Дело в том, что отношения по бытовому обслуживанию создаются обычно между организациями обслуживания и гражданами как заказчиками. Поэтому органами защиты прав и интересов в основном являются судебные органы. Третейский суд создается лишь для рассмотрения споров, возникших между предприятиями и организациями, поэтому защищать прав граждан он не предназначен. Арбитражи при определенных условиях могут принимать участие в защите прав граждан. На практике такое случается в ходе разрешения споров между организациями обслуживания и некоторыми кооперативами граждан, как, например, кооперативы по строительству гаражей и дач. Профсоюзные и иные общественные организации в деле защиты прав и интересов граждан в отношении по бытовому обслуживанию не участвуют.

Таким образом, общими органами защиты прав граждан оказываются только судебные органы и органы государственного арбитража. Среди них основное место занимают судебные органы, рассматривающие споры между организациями обслуживания и гражданами. Как отмечается в литературе, в настоящее время при нарушении подрядчиком интересов заказчиков последние стали чаще обращаться в судебные органы за защитой своих интересов. Деятельность судов по защите интересов граждан в последнее время значительно активизировалась /3, с.

130/, но по материалам Эстонской ССР такой вывод не подтверждается. Уменьшение количества споров по бытовому обслуживанию, рассматриваемых судебными органами, обуславливается некоторыми причинами. Если уменьшение споров в судебных органах является логичным результатом такого явления, как уменьшение конфликтов между организациями обслуживания и клиентурой вследствие существенного улучшения качества обслуживания, то это несомненно положительное явление. Но не обращение в суд за защитой своих нарушенных прав может быть вызвано обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, гражданин не обращается в суд потому, что считает факт нарушения его имущественных прав незначительным. Это его личное дело, оно непосредственно и полностью представлено на его собственное усмотрение. Но, во-вторых, могут быть и такие причины обращения с иском, которые являются по существу отрицательными. Среди них определенную роль играет просто незнание своих прав и интересов или же мнение гражданина о том, что его нарушенные права и интересы не получают необходимой защиты и в судебных органах. Одной из причин уменьшения судебных споров является оперативное и непосредственное разрешение конфликта в организации обслуживания, при необходимости - даже на уровне министерства.

Последнему варианту разрешения конфликта с заказчиком надо отдать должное, если в ходе его рассмотрения на самом деле обеспечивается полная защита прав и интересов граждан.

Следует отметить, что проблемы защиты интересов в судебном порядке исследованы недостаточно. Обобщение судебной практики, проведенное Верховным судом РСФСР, показало, что в судах рассматри-

вается большое количество дел по спорам, вытекающим из неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров бытового обслуживания, бытового проката, бытового заказа и пр. Многие суды обоснованно придают должное значение правильному рассмотрению этих дел, однако, как отмечается в постановлении Пленума Верховного суда, имеют место нарушения норм материального и процессуального права /7, с.5/.

Типичными проблемами, при разрешении которых были на практике допущены ошибки и разнообразно применены нормы закона, являются лишь некоторые. Среди них необходимо отметить прежде всего проблему применения законодательства судами при рассмотрении споров. Дело в том, что отношения по бытовому обслуживанию регулируются многочисленными подзаконными актами, среди которых в настоящее время прежде всего следует отметить "Единые правила бытового обслуживания" /8, с.404-409/ и некоторые типовые договоры. Последние утверждены вопреки требованиям ч.1 ст.372 ГК ЭССР не Советом Министров, а министерством обслуживания Эстонской ССР. Но вопрос не в том, кто утверждал нормативные акты, а в том, как ими регулируются отношения, возникшие между субъектами. Надо отметить, что нормативными актами невозможно установить специальные нормы для урегулирования всех возникающих на практике споров. Поэтому наряду с ведомственными или другими подзаконными актами для регулирования отношений по бытовому обслуживанию существенное значение сохраняют общие нормы гражданского законодательства. Вышеупомянутое постановление Верховного суда РСФСР повторяет общеизвестное правило: при отсутствии специальных норм спор следует разрешать исходя из общих положений об обязательствах, преду-

смотренных разделом III ГК.

Необходимо отметить, что данное правило, сформулированное Верховным судом РСФСР, применялось судебными органами уже до принятия постановления пленума. Но это постановление имеет особое значение для изображения судебной практики на будущее. Как отмечалось выше, действующие Единые правила бытового обслуживания не содержат норм об ответственности сторон за неисполнение и ненадлежащее исполнение. Следовательно, при возникновении спора между сторонами договора бытового обслуживания об ответственности судебные органы могут рассматривать вопрос на основе норм ГК, регулирующих общие вопросы об обязательствах и договорах подряда. Безусловно, такое положение ненормально. Наряду с общими видами ответственности должны быть установлены и специальные - для отношений по бытовому обслуживанию. Поэтому в юридической литературе обоснованно предлагается дополнить типовые договоры правилом, предусматривающим ответственность в виде неустойки и пени /6, с.94/. Усовершенствование регулирования имеет в охране прав граждан важное значение. Особо ярко смысл этого требования выражается тогда, когда спор рассматривается во внесудебном порядке. Требование Верховного суда о необходимости применять при отсутствии специальных норм общие положения об обязательствах остается просто невыполненным, и организация обслуживания никакой ответственности не несет. В результате получается своеобразное положение - нарушенные права заказчиков, обращающихся в суд, получают необходимую защиту, а права остальных остаются незащищенными. В принципе такое положение вещей неприемлемо для нашего общества,

где нарушенные права и интересы должны быть обеспечены необходимой защитой всегда и одинаково. Для достижения этого нужно лишь правила и типовые договоры бытового обслуживания довести наконец до уровня элементарных требований.

Определенные трудности при защите прав заказчиков возникают тогда, когда необходимые моменты нормативными актами урегулированы, а отдельные правила, содержащиеся в этих ведомственных нормативных актах, противоречат закону. Гражданское законодательство устанавливает правило, согласно которому все отступления от условий типовых договоров, ограничивающие права заказчиков, недействительны (ч.2 ст.372 ГК ЭССР). Поэтому постановление Пленума Верховного суда РСФСР определяет, что при противоречии между правилами, содержащимися в ведомственных нормативных актах и законах, суду необходимо руководствоваться законом. К сожалению, это требование опять-таки выполняется лишь в тех случаях, когда спор рассматривается в судебном порядке. В других случаях применение закона при разрешении спора не гарантировано.

Но проблему защиты прав заказчиков необходимо понимать шире, чем соответствие между отдельными нормами правил и законов. Для того, чтобы сравнивать содержание соответствующих норм нормативного акта и закона, названные источники права должны содержать их в себе. Незаменимым иллюстрирующим примером может служить при этом любопытная история развития типового договора на строительные работы Эстонской ССР.

Так, в Правилах выполнения заказов на строительные работы в бытовом обслуживании населения от 1970 года за просрочку была предусмотрена уплата пени и неустой-

ки. При просрочке начала или окончания работ подрядчик должен был уплатить заказчику пеню в размере 0,1 % стоимости работы за каждый день просрочки, и если он не закончит работу в течение двух недель после срока, установленного для окончания работ, то платит еще неустойку в размере 2 % стоимости неоконченных работ. Надо отметить, что эти санкции нашли широкое применение на практике. Так, г. Н. требовал от предприятия бытового обслуживания неустойку на сумму 53 руб. за то, что последнее не отремонтировало дом в установленный срок. Народный суд удовлетворил иск и взыскал неустойку, Верховный суд оставил решение народного суда без изменения /9/. Таких примеров можно привести много. Казалось бы, все в порядке.

Названные и все предыдущие правила и типовые договоры были приказом министерства бытового обслуживания от 5 апреля 1976 г. признаны недействительными и взамен утвержден новый Типовой договор.

Возникает вопрос: какие изменения предусматриваются новым Типовым договором в регулировании отношений между сторонами и какие права установлены дополнительно для заказчика? К сожалению, мы должны констатировать, что об ответственности предприятия обслуживания за неисполнение или за просрочку исполнения договора в принципе в новом Типовом договоре даже не говорят. Только п.4 Типового договора повторяет текст г.1 ст.365 ГК ЭССР о том, что если подрядчик своевременно не приступит к исполнению договора или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее в срок становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от договора и требовать возмещения убытков.

Нетрудно заметить, что этот пункт типового договора практически не применим. Заказчику иногда убытки не возмещаются, иногда возникновение убытков доказать нелегко и даже невозможно. В результате этого подрядчик остается безнаказанным и воздействовать на него практически нечем. Право заказчика отказаться от договора обслуживания, заключенного на строительство определенного объекта, оказывается лишь теоретическим правом. Дело в том, что в организованном строительстве разных объектов для населения (жилые дома, объекты дачно-строительных кооперативов, кооперативы по строительству коллективных гаражей) предприятия строительного обслуживания пользуются монопольным положением. Если заказчик откажется от договора, то нет другой строительной организации, которая достроила бы этот объект. Поэтому право отказаться от договора строительного обслуживания неприменимо и остается лишь теоретическим. Значит, заказчик должен согласиться со всеми условиями работы предприятия обслуживания, в том числе и ее темпом. Как мы убедились, Типовой договор от 1976 года упразднил и санкции, установленные ранее действующими правилами и типовыми договорами за неисполнение и просрочки строительства.

Необходимо отметить, что тенденция освободить предприятие бытового обслуживания от ответственности перед заказчиками характерна для развития регулирования обслуживания нашей республики последних лет. Наилучшим доказательством тому служат принятые в 1980 году Единые Правила бытового обслуживания, которые даже не пользуются термином "ответственность" и не содержат в себе норм, регулирующих ответственность сторон договора, а имеют

только специальную часть под заглавием "Гарантии", где ограничиваются лишь декларацией, что предприятия обслуживания гарантируют строгое соблюдение установленных сроков бытовых услуг и работ (п.5.1.). Но ежедневная практика показывает, голословность этих гарантий, ибо срок выполнения заказов и работ нарушается как и раньше, до принятия гарантий.

Надо сказать, что в трудном положении находятся и судебные органы. Законом устанавливается, что отступления от условий типовых договоров, ограничивающие права заказчиков, недействительны (ч.2 ст.372 ГК ЭССР). А здесь Типовым же договором ограничили права, принадлежащие заказчикам согласно всем предыдущим правилам и типовым договорам и защищенные судебными органами. Такое ограничение прав заказчика характерно лишь для Типового договора нашей республики. Например, типовой договор подряда на строительство жилого и нежилого помещения (бытовой заказ), действующий в РСФСР, устанавливает, что в случае нарушения подрядчиком сроков начала или окончания работ он уплачивает заказчику за каждый просроченный день пени в размере 0,1 % стоимости строительства, определенной сметой (включая стоимость материалов подрядчика), а если работы не окончены по истечении недели со дня наступления срока исполнения заказа, подрядчик уплачивает заказчику неустойку в размере 2 % стоимости строительства (включая стоимость материалов подрядчика) /10/. Далее, п.8 рассматриваемого типового договора уточняет, что при нарушении таких споров по вине заказчика последний несет ту же ответственность.

Тем самым типовой договор РСФСР объявляет открыто и ясно последствия нарушений сроков начала и окончания работы. И

это очень важно, потому что неисполнение или ненадлежащее исполнение договора обслуживания стало довольно частым явлением, особенно нарушение условий срока и качества выполнения /11, с.71/. Важно и то обстоятельство, что судебными органами рассматриваются споры и на основе норм типовых договоров удовлетворяются исковые требования граждан. Так, ремонтно-строительное управление, заключив договор на строительство жилого дома, затянуло его со ссылками на различные причины. Решением народного суда с РСУ в пользу заказчика была взыскана неустойка в размере 800 руб. /12, с.51/.

Такие же санкции предусматривались типовыми договорами, действующими в нашей республике до 1976 г. Судебными органами рассматривались соответствующие споры, удовлетворялись исковые требования и взыскивались в пользу заказчиков неустойки довольно часто и в солидных размерах. Примеров из судебной практики того времени можно привести немало /13/.

С утверждением Типового договора в 1976 г. все изменилось - штрафных санкций не предусмотрено, судебных споров по этой причине нет. Однако факты нарушения подрядчиком сроков начала или окончания работ имеются. Тем самым Типовой договор от 1976 г. в полной мере выражает ведомственные интересы системы бытового обслуживания и упраздняет права граждан, существующие у нас ранее, и существующие ныне в РСФСР. Единственный выход - в принципиальном усовершенствовании Типового договора на хорошем примере Типового договора РСФСР и в утверждении его правительством Эстонской ССР. Директивные органы прямо обязывают осуществить мероприятия, направленные на более полное удовлетворение спроса советских лю-

дей на бытовые услуги, повышение качества и культуры обслуживания /11/.

Арбитражные органы стоят на стороне защиты нарушенных прав граждан в порядке рассмотрения споров между кооперативными соединениями граждан и предприятиями бытового обслуживания. В качестве примера можно привести рассмотрение Госарбитражем Эстонской ССР спора между гаражестроительным кооперативом "Сигнал" и Управлением строительного обслуживания города Тарту. Последнее по договору обслуживания взялось за строительство гаражей общей стоимостью 86 426 руб., причем строительные работы подрядчик обязался закончить к 1 октября 1978 года. Но, к сожалению, гаражи не были построены в срок. После повторных, безрезультатных обращений кооператива в Министерство бытового обслуживания, он обратился с иском в арбитраж. В ходе рассмотрения спора выяснилось, что из совершенных работ качественными являются лишь работы на сумму 15 145 руб., и основная часть из них не переделана, несмотря на повторные требования. Арбитраж удовлетворил иск в размере 29 107 руб. /14/. Неустойка и пеня в исковом заявлении не требовались по той причине, что типовой договор, утвержденный в 1976 г., таких санкций не предусматривает. По раньше действующему типовому договору или по действующему типовому договору РСФСР кооператив мог бы взыскать с подрядчика неустойку на сумму 1728,52 руб. и пенью 1209,96 руб., т.е. всего около 3 тыс.руб. Такие конфликтные ситуации между кооперативами и строительными органами системы обслуживания возникали в нашей и других республиках. Разница только в том, что в других республиках установлены санкции и они взыскиваются, в нашей санкции ныне не действуют и, следовательно, не

взыскиваются. Это - практическое выражение ведомственных интересов системы обслуживания в типовом договоре 1976 г. Оно еще раз доказывает необходимость выполнить требование гражданского законодательства о том, чтобы типовые договоры бытового обслуживания утверждались Советом Министров Эстонской ССР (ч.1 ст.372 ГК ЭССР).

В результате указанных недостатков в регулировании ответственности сторон ни судебные, ни арбитражные органы не могут защитить интересы заказчиков в таком объеме, как это предусматривается соответствующими актами других республик и общим смыслом гражданского законодательства. Выход из возникшего положения только один - восстановить в типовом договоре действующие ранее санкции за нарушения подрядчиком сроков начала или окончания работ. Судебные и арбитражные органы в сила защитить лишь такие права и интересы заказчиков, которые предусмотрены в законодательном порядке.

Наряду с общим порядком законом устанавливается и специальный или административный порядок осуществления защиты прав. При последнем порядке защита прав осуществляется органами государственной власти или управления. Проблемы специального порядка защиты прав приобретают особое значение в связи с некоторыми организационными изменениями, проведенными в системе обслуживания. Такими изменениями является прежде всего создание производственных управлений бытового обслуживания и специализированных объединений обслуживания. До этого претензии и требования заказчика, возникающие в ходе оказания услуг, рассматривались непосредственно предприятиями или комбинатами обслуживания. Надо отметить,

что в таком порядке было разрешено большинство конфликтов между заказчиком и предприятием обслуживания. Министерство обслуживания считало такой порядок разрешения конфликтов правильным. В результате обоснованные требования заказчиков удовлетворялись непосредственно предприятиями обслуживания, и отпала надобность обращаться в суд. Поэтому в судебных органах уменьшилось количество дел по бытовому обслуживанию.

Созданием производственного управления бытового обслуживания и специализированных объединений обслуживания непосредственный исполнитель заказа и заказчик удаляются друг от друга, и прямые контакты между ними невозможны. На первый план в такой обстановке выдвигается производственное управление как организатор обслуживания населения всеми видами бытовых услуг. Поэтому среди его основных задач имеется обязанность по соблюдению сроков выполнения заказов, обеспечению высокой культуры и организации комплексного плана обслуживания населения. Типовым положением определены права производственного управления в процессе осуществления обслуживания как одного из субъектов договора, т.е. исполнителя договора. Но так как оно организует обслуживание, то возникают отношения по организации обслуживания в порядке внутрисистемного кооперирования специализированными объединениями, а также другими государственными и кооперативными организациями. Эти отношения оформляются специальным договором, где производственное управление выступает в качестве заказчика.

На основе п.1.2. Типового договора производственное управление как заказчик обязано решать конфликты, возникающие

между исполнителем и гражданами, и жалобы граждан. Тем самым производственное управление является органом, осуществляющим защиту прав и интересов граждан. Проблем не возникает, если вредные последствия наступают по вине пункта приема заказов, находящегося в подчинении самого производственного управления. Последнее возмещает заказчику вред на основе приказа управления. Необходимо отметить, что такой способ применяется на практике, и это является оперативным способом защиты прав граждан.

Но большинство случаев некачественного обслуживания происходит по вине непосредственного исполнителя, которому заказы для выполнения были переданы производственным управлением. Согласно действующему порядку, все претензии должны рассматриваться и удовлетворяться производственным управлением, которому потом возмещает расходы виновный исполнитель заказов. Но практика отклоняется от установленного законом порядка. Так, полученные от граждан жалобы и заявления по существу производственным управлением не рассматриваются, а лишь переадресовываются непосредственному исполнителю данного заказа. Тем самым производственное управление по собственной инициативе перенесло на исполнителя заказа свою законную обязанность разрешать заявления и жалобы граждан по поводу качества услуг и даже ответственность перед заказчиками. Таким путем оно отказалось и от защиты прав и интересов граждан.

Возникает вопрос о причинах такого положения. Дело в том, что при наличии определенных условий производственное управление окажется лишь ненужным посредником. Все споры между заказчиком и исполнителем разрешаются оперативно и содержа-

тельно — один дал заказ и указания, другой принял и исполнил. Последние — как специалисты своего дела. Такое положение возможно при условии, что в данном городе действуют предприятия обслуживания, которые выполняют заказы, оказывают услуги, необходимые для населения данного города или местности. Появление производственного управления устранило непосредственные контакты между заказчиком и исполнителем заказа, и, как показывает практика, оно не в состоянии решать споры оперативно и содержательно. Поэтому в интересах оперативной и полной защиты прав граждан в условиях, когда в данном городе или местности уже развито обслуживание, должны сохраняться непосредственные отношения между заказчиками и исполнителями заказа. Все промежуточные организации осложняют как создание, так и исполнение взаимных отношений. В типовом положении производственного управления обращено внимание на обязанность защитить права и интересы граждан. Так, п.8.2 определяет, что производственное управление несет ответственность перед заказчиком за качество и сроки исполнения заказов, выполняемых своими силами или в порядке кооперации. Мысль данной нормы ясна — права и интересы гражданина-заказчика защищаются производственным управлением. Но как показывает практика, последние во избежание ответственности нашли незаконный выход в том, что в качестве посредника все требования и претензии направляют для разрешения непосредственно к организации — исполнителю заказа.

Такое незаконное положение вызвано тем обстоятельством, что проблема ответственности в положении производственного управления окончательно не урегулирована. Если производственное управление

возмещает заказчику убытки, причиненные ему по вине исполнителя заказа по кооперации, то практически не обеспечено оперативное взыскание этих сумм с причинителя. Пункт 15 Типового положения устанавливает: разногласия, возникающиеся между производственным управлением бытового обслуживания и подразделениями специализированных объединений и предприятий Министерства бытового обслуживания ЭССР, расположенными в районе деятельности бытуправления, разрешаются совместно с руководителями специализированных объединений или предприятий, а в случае необходимости - Министерством бытового обслуживания ЭССР. Порядок разрешения споров установлен исходя из интересов специализированных объединений и предприятий, действиями которых причинен убыток, и поэтому он попал в противоречие с принципами гражданского законодательства. Статья 227 ГК ЭССР определяет, что лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее их ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), причем отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Исключения могут составлять случаи, предусмотренные законом или договором. Но возложение на производственное управление обязанности доказать наличие вины исполнителя обязательства в невыполнении или в выполнении ненадлежащим образом ничем не обосновано. Производственное управление, рассматривая претензии и требования граждан, вполне способно установить причины возникшего убытка и наличие или отсутствие вины исполнителя данного заказа. И только при наличии вины исполнителя производственное управление удовлетворяет требования граждан и выплачивает им понесенные убытки. Кроме того,

должна быть обеспечена оперативная возможность взыскания с исполнителя сумм, выплаченных производственным управлением гражданам. Вышеуказанный порядок разрешения разногласий с исполнителями заказов не гарантирует взыскания сумм с них в пользу производственного управления, поэтому последнее практически не занимается рассмотрением жалоб и претензий граждан.

Чтобы производственное управление могло защитить по существу права и интересы граждан необходимо предоставить производственному управлению права на взыскание в бесспорном порядке сумм, уплаченных заказчиком, за невыполнение или ненадлежащее выполнение заказов специализированными предприятиями или объединениями обслуживания. Нет сомнения, что производственное управление удовлетворяет требования заказчиков лишь после всесторонней и объективной проверки обстоятельств и удовлетворит только полностью обоснованные требования граждан.

За специализированными предприятиями и другими исполнителями заказов, с которых производственное управление взыскало суммы в бесспорном порядке, сохраняется право доказать отсутствие вины в нарушении данного обязательства. Таким правом защищаются законные интересы исполнителя заказа, производственного управления и гражданина-заказчика, в интересах удовлетворения потребностей которого и действует система обслуживания.

Использованные материалы

1. О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения: Постановление ЦК КПСС и Совета Минист-

ров СССР от 24 марта 1983 г. № 235 // СП СССР.-1983.- № 8.

2. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е.А. Лукашева. - М., 1983.
3. Права личности в социалистическом обществе / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. - М., 1981. - С. 86-113.
4. Тархов В.А. Некоторые вопросы охраны имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству // Уч. тр. Саратов. юрид. ин-та. - 1965. - Вып. 2.
5. Плоом Э.Л. Правовое регулирование бытового обслуживания граждан // Правовое регулирование отношений в сфере обслуживания граждан. - М., 1983.
6. Баримов Н.А. Права граждан по договору бытового заказа и их защита. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
7. О некоторых вопросах в практике судов РСФСР по гражданским делам, связанным с обслуживанием населения: Постановление Пленума Верховного суда РСФСР № 5 от 3 сентября 1974 г. // Бюллетень Верховного суда РСФСР. - 1974. - № 11.
8. Единые правила бытового обслуживания: Утверждены приказом министерства бытового обслуживания Эстонской ССР от 9 июня 1980 г. № 124 // Сов. право. - 1980. - № 5.
9. Дело № 2-677 народного суда города Тарту за 1968 г.

10. Типовой договор подряда на строительство жилого и нежилого помещения (бытовой заказ): Утвержден постановлением Совета Министров РСФСР от 1 апреля 1981 г. № 187// СП РСФСР.-1981.- № 11.-с.71.
11. Брычева Л.И. Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере обслуживания//Тез.докл.на теоретической конф.аспирантов Института государства и права АН СССР и юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.-М., 1984.
12. Фархтдинов Я.Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания.-Казань: Изд-во Казан.ун-та,1983.
13. Дело № 2-677 народного суда города Тарту за 1968 г.; дело № 2-424 народного суда Хаапсалуского района за 1970 г. и др.
14. Дело № 2323 Государственного арбитража при Совете Министров Эстонской ССР за 1981 г.

**TEISELE ISIKULE KAHJU TEKITAMISEST TULENEVA
KOHUSTISE TEKIMINE KAHJU TEKIMISES
KANNATANU ENDA SÜÜ OLEMASOLUL**

E. Laasik

1. Teisele isikule kahju tekitamises ja kannatanul kahju tekkimises võib süüdi olla mitte ainult kahjutekitanu, vaid ka kannatanu ise. Kui kahju on tekitatud suurema ohu allikaga, võib kahjutekitanu süü tekitamises isegi puududa ja esineda ainult kannatanu kui teise isiku enda süü. Nimetatud juhtumid nende klassikalisel kujul on sätestatud ENSV TsK §-s 462 lg. 1. Klassikalismus seisneb just selles, et kahju on tekkinud ühel poolel - kannatanul, olenemata sellest, kas kannatanu tegutses või mitte, oli süüdi või mitte temale kahju tekkimises. Kahjutekitanul või kahjutekitanutel aga mingit kahju ei tekkinud, olenemata sellest, kas ta (nad) oli(d) süüdi teisele isikule kahju tekitamises või mitte (nt. suurema ohu allikaga kahju tekitamisel). Nimetatud juhtum erineb meie arusaamise järgi nn. vastastikusest kahju tekitamisest, kus mõlemad pooled vastastikku on nii kahjutekitanuks kui ka kannatanuks. Kummalgi kannatanul tekkinud kahju on sõltuv kahju tekitamise faktide vastastikusest tingitusest. Nii näiteks autode kokkupõrkel või ühele neist pealesõidul võib olla rikutud kas ainult ühe autovaldaja auto (klassikaline vorm) või mõlemate autod (vastastikune kahju tekitamine). Samuti võib olla kahjustatud ühe või mõlema autovaldaja tervis või saanud mõlemad nimetatud tagajärjed väga mitmesuguses kombinatsioonis. On võimalik ka kolmanda isiku süüline käitumine sellise autoavarii tekkimises ja selle tagajärjel kahju tekitamine autoomanikule ning kolmandale isikule enesele jällegi väga mitmesuguses kombinatsioonis. Käesolevas artiklis analüüsime alguses nimetatud klassikalist juhtumit.

2. Kahjutekitanu süü (juriidilises mõttes) korral, olgu selle määrang antud ükskõik millise koolkonna esindaja poolt, on alati tegemist subjektiivse kategooriaga, s.o. isiku suhtumisega tema poolt toimepandavasse (mõnede autorite arvates toimepandud) teosse või tegevusetusesse (mõned autorid ütlevad lihtsalt "oma teosse" /1, lk. 16/ või "käitumisse" /2, lk. 79/), enamik autoreid aga lisab sellele kohustusliku tingimusena, et toimepandav tegu või te-

gevusetus peab olema õigusvastane /2, lk. 79/, ja seoses sellega saabuvatesse tagajärgedesse (mõnede autorite järgi, peab ka tagajärg olema õigusvastane /3, lk. 14/), mis on suunatud teise, s.o. võõra isiku (mitte iseenda /4, lk. 56/) subjektiivsele õiguserikkumisele /5, lk. 117/. Kannatanu enda süü korral on samuti tegemist isiku, s.o. kannatanu suhtumisega tema poolt toimepandavasse õigusvastasesse teosse, kõige sagedamini küll tegevusetusesse ja seoses sellega saabuvatesse tagajärgedesse. Kuid sellise teo või tegevusetusega ei kaasne teise, s.o. võõra isiku subjektiivse õiguse rikkumist. Kannatanu ise on rikkunud seda õigusnormidega reguleeritud ühiskondlikku suhet, mille õigustatud subjektiks ta ise on, veelgi täpsemalt öeldes: temale endale kuuluvat subjektiivset õigust /5, lk. 123/.

3. Seaduses (ENSV TsK §-s 462 lg. 1) on sätestatud, et kannatanu süüd tuleb arvesse võtta vaid siis, kui see kas soodustas kahju tekkimist või tekkinud kahju suurenemist. See tähendab, et kannatanu ei võtnud teise isiku poolt temale kahju tekitamise ajal tarvitusele selliseid vastuabinõusid, mis oleksid kas vältinud temal kahju tekkimise, temale kahju tekitamise, temale tekitatava või temale juba tekitatud kahju suurenemise hiljem. Kannatanu sellise käitumise tõttu tulebki ka teda lugeda iseendale kahju tekitanuks.

4. Kui kannatanuks on organisatsioon - juriidiline isik, siis teise isiku poolt sellele organisatsioonile kahju tekitamisel saab viimase süü väljenduda vaid tema töötaja süülises käitumises töö- (teenistus-) kohustuste täitmisel, millega soodustati organisatsioonile endale kahju tekkimist või suurenemist.

5. Kui kannatanuks on töötaja, kellele seoses tema töö- (teenistus-) kohustuste täitmisega on tekitanud vigastuse või muu tervisekahjustuse isik (organisatsioon või kodanik), kes on kohustatud maksma ja tegelikult ka maksab töötaja eest (sellele töötajale palga maksmise tõttu) riikliku sotsiaalkindlustuse makseid, saab kannatanu süü reeglina väljenduda vaid töötaja enda poolt temale tutvustatud ohutustehnikaeskirjade jämedas rikkumises /6, lk. 40/.

6. Andnud ülal kannatanu süü kui subjektiivse kategooria, kui õigussuhte ühe subjekti teatudviisilise suh-

tumise oma õigusvastasesse teosse (tegevusetusesse) ja seoses sellega saabuvatesse tagajärgedesse, millega subjekt ise rikkus sedasama õigusnormidega reguleeritud ühiskondlikku suhet, mille õigustatud subjektiks ta ise on, määrangu, tuleb konstateerida, et kannatanu süü, nagu kahjutekitanugi süü, võib avalduda kas tahtluse või ettevaatamatuse vormis. Nagu kahjutekitanu, nii ka kannatanu süü puhul tahtluse vormis pole tahtluse liigitamisel astmete järgi otseseks ja kaudseks tsiviilõiguses praktilist tähtsust. Küll on aga määrav tähtsus ettevaatamatuse vormis esineva süü liigitamisel astmete järgi raskeks ja kergeks. Seadus (ENSV TsK § 462 lg. 1) räägib kannatanu süü arvessevõtu vajadusest ainult siis, kui kannatanu enda raske ettevaatamatus soodustas kahju tekkimist või suurenemist. Kannatanu süül aga ettevaatamatuse vormis, kui selle aste oli kerge, temale endale teise isiku poolt kahju tekitamise soodustamises või tekkiva või tekkinud kahju suurenemises juriidilist tähtsust ei ole. Sellepärast, vaatamata kannatanu enda süüle kerge ettevaatamatuse vormis temale kahju tekitamises, loetakse kahjutekitanuks ainult teine isik, mistõttu teine isik peab kannatanul tekkinud kahju hüvitama ikkagi täies ulatuses. Mis puutub aga kannatanu süüsse temale kahju tekkimises tahtluse vormis, siis selle tuvastamisel vabaneb kahjutekitanu seaduse otsese ettekirjutuse kohaselt kohustusest hüvitada kannatanule tekitatud kahju (ENSV TsK § 458). Sellisele seisukohale asus ka NSV Liidu Ülemkohtu pleenum, andes oma 23. oktoobri 1963. a. määruse nr. 16 "Kahju hüvitamise hagide kohtupraktikast" punktis 17 järgmise kategoorilise selgituse: "Kannatanu tahtlus (temale) (minu täiendus - E.L.) kahju tekitamises (mitte tekkimises - minu selgitus ja sõrendus - E.L.) vabastab kahjutekitanu kõigil juhtudel (minu sõrendus - E.L.) kohusest see hüvitada /7, lk. 63/. Samal ajal tuleb aga tunnistada, et juba ammu enne pleenumi sellise selgituse andmist on nii kohtupraktikas kui ka juriidilises kirjanduses juurdunud teinegi printsiip: kui kannatanu tahtluse vormis süü ristub kahjutekitanu süüga temale kahju tekitamises samuti tahtluse vormis, on kannatanu tahtlus siiski ainult hüvise suure vähenemise aluseks /3, lk. 35/. Kannatanu raske ettevaatamatuse puhul võib kahjutekitanu vabaneda kohustusest hüvitada tema poolt kannatanule tekitatud kahju (ENSV TsK § 462 lg. 1). Kuid nagu praktika üldistamine näitab, võib sel-

line variant esineda vaid kahjutekitanu ettevaatamatu süü vormi korral, kui selle aste on eriti kerge.

7. Tsiivilseadusandlus ei sisalda ei süü vormide ega süü vormide astmete kindlaksmääramise ammendavaid kriteeriume. Kas on tegemist kannatanu tahtluse või ettevaatamatusega, kas ettevaatamatus oli raske või kerge, otsustab igal konkreetsel juhtumil kahju hüvitamise küsimust lahendav kompetentne organ (kohus, arbitraaž, vahekohus, administratsioon või ametiühingukomitee) kõiki asjaolusid arvesse võttes /3, lk. 35/.

Süü vormide, s.o. tahtluse ja ettevaatamatuse eristamine praktikas tavaliselt raskusi ei valmista. Tahtluse puhul nägi õiguserikkuja ette oma teo võimalikke tagajärgi ja soovis või mõõnis nende saabumist. Ettevaatamatuse puhul aga õiguserikkuja kas a) nägi ette oma õigusvastase teo (tegevusetuse) võimalikke tagajärgi, kuid lootis kerge-meelselt nende saabumist vältida või b) ei näinud ette oma käitumise tagajärgi, kuigi pidi nende saabumist ette nägema /8/.

Tahtluse astmete - otsene ja kaudne - eristamine praktikas raskusi ei valmista. Pealegi pole sellel, nagu öeldud, tsiviilõiguses praktilist tähtsust. Määrav tähtsus on ettevaatamatuse astmetel - raske ja kerge (lihtne) - , eriti kannatanu süül temale kahju tekitamises. Neid on aga hoopis raskem eristada. NSV Liidu Ülemkohtu plenumi 23. oktoobri 1963. a. määruse nr. 16 punktis 17 antud selgitus selle kohta, et "kas kannatanu ettevaatamatus on raske või kerge, tuleb lahendada igal juhul, arvesse võttes konkreetseid asjaolusid /7, lk. 63/, on praktiliseks tegevuseks küllaltki kasin. Pisut kergendab seda, kuigi ainult mõningatel erijuhtumitel, samas järgnev selgitus, et "Raskeks ettevaatamatuseks konkreetseid asjaolusid arvestades võib eriti tunnistada kannatanu ebakaine oleku temale kahju tekitamise momendil".

Mahukas teoreetilisest kirjandusest - nii monograafilistes uurimustes kui ka erialastes teaduslikes artiklites - on raske ja kerge ettevaatamatuse eristamiseks pakutud rikkalikult kohtupraktikas ette tulnud mitmesuguseid kriteeriume.

Meie arvates tuleb raske ja kerge ettevaatamatuse eristamisel teoreetiliselt kõige õigemaks ja praktikas kõige lihtsamalt kohaldatavamaks lugeda erinevates astmetes

kahjulike tagajärgede saabumise ettenägemise võimalikkust /9/. Kui kannatanu nägi ette kahju tekkimise paratamatust, kuid lootis kergemeelselt selle saabumist vältida, või ei näinud ette, kuid võis või pidi ette nägema, on tegemist süüga ettevaatamatuse vormis ja sellise ettevaatamatuse aste on raske. Kui kannatanu laskis oma tegude negatiivsetel tagajärgedel saabuda, lootes kergemeelselt, et need ei saabu, siis selline tegevus tuleb kvalifitseerida raske ettevaatamatusena. Raske ettevaatamatus, s.o. raske viiga või konkreetse situatsioonis kannatanu poolt selliste elementaarsete ettevaatusabinõude mittejärgimine, mis on mõistetav igapähele /10, lk. 50/ kirjutab täie õigusega V. Vassilets. Kas või mõnegi ülaltähendatud tunnuse puudumisel kannatanu käitumises on tegemist kas kerge ettevaatamatuse või juhusega, nende eristamine väljub käesoleva artikli raamidest.

8. Meie arusaama kohaselt rikutakse ühe isiku poolt teisele varalise kahju tekitamisega, kui nende vahel puudub lepinguline side või kui kahju tekitamine ei ole seotud nendevahelise lepingust tuleneva kohustise täitmisega, alati teise isiku absoluutset subjektiivset õigust, näiteks asja võõrasse ebaseaduslikku valdusse võtmise või hävitamise korral - omandiõigust; tervisekahjustuse tagajärjel töövõime vähenemise või kaotuse tõttu töötasu vähenemise või kaotuse korral - õigust kodaniku tervise puutumatusetele (isikupuutumatusetele).

Õiguserikkumise kõrvaldamine, kui õigussuhe on säilinud, saab toimuda ja peabki toimuma sama rikutud õigussuhte siseselt rikkumise kõrvaldamise teel, näiteks vara võõrast ebaseaduslikust valdusest omaniku valdusse tagasinõudmise (vinditseerimise) teel. Kui otsuse vara tagastamise kohta on teinud jurisdiktsiooniorgan, siis sellise otsuse täitmine õiguserikkuja poolt või ka võõra asja tagastamine omanikule ilma sellise otsuseta ainult vastavate õigusnormide olemasolu mõjul pärast õiguserikkumise fakti ongi õiguserikkuja vastutus omaniku ees. Kui aga vara on hävinenud ja seoses sellega omandusõigussuhe lõppenud, siis õiguserikkuja vastutus omandiõigussuhte siseselt (vara tagasinõudmise või tagasiandmise teel) enam realiseeruda ei saa. Teisele isikule selliselt varalise kahju tekitamine toob aga kaasa uue õigussuhte - kahju tekitamisest tuleneva kohustise, õigusteoorias tuntud nn.

õiguskaitse kohustise (правоохранительное отношение). Sellise kohustise tekkimine ongi õiguserikkuja varalise vastutuse realiseerumise vormiks absoluutse varalise õigussuhte lõppemise korral, kuid hoopis teisel tasandil, s.o. hoopis teistlaadi õigussuhte kaudu.

Vigastuse või muu tervisekahjustuse tagajärjel töö- võime vähenemise või kaotuse tõttu töötasu vähenemise või kaotuse korral saab õiguserikkuja varaline vastutus realiseeruda ainult teisel tasandil, s.o. kahju tekitamisest tuleneva kohustise tekkimise ja selle kas vabatahtliku või sunniviisilise täitmise teel.

Teisele isikule kahju tekitamisest tulenev kohustis tekib reeglina kahjutekitanu süü olemasolul, sest kahjutekitanu vabaneb kahju hüvitamisest, kui ta tõendab, et "kahju on tekitatud mitte tema süü läbi". Nii öeldakse sõnaselgelt seaduses (TsK § 448 lg. 1, 2). Sellisest sätestusest tuleneb esiteks, et kahjutekitanu on kohustatud hüvitama kahju ja seejuures täies ulatuses, olenemata temapoolse süü vormist kahju tekitamises. Ja teiseks, et ta ei ole teisele isikule kahju tekitamises süüdi - jällegi olenemata süü vormist.

Kui kahju on tekitatud erilise vahendiga, nn. suurema ohu allikaga, on organisatsioon või kodanik, kelle tegevus sellise vahendi kasutamise tõttu on seotud suurema ohuga lähikonnale, kohustatud hüvitama sellise vahendiga tekitatud kahju samuti täies ulatuses (ENSV TsK § 461). Seaduses (ENSV TsK § 458) aga ei viidata sellele, et kahjutekitanu vabaneb kahju hüvitamise kohustusest, kui ta tõendab, et ta ei ole suurema ohu allikaga kahju tekitamises süüdi. Viidatakse ainult, et ta ei ole kohustatud tekitatud kahju hüvitama, kui tõendab, et kahju tekkis vääramatu jõu või kannatanu tahtluse tagajärjel. Järelikult võib kahjutekitanu teatud juhtudel olla kohustatud ka siis hüvitama kahju, kui ta ei ole suurema ohu allikaga kahju tekitamises süüdi.

Analüüsides kohtu- ja arbitraažipraktikat, tuleb nentida, et kahju suurema ohu allikaga on peaaegu alati tekitatud süüliselt. Haruharva esinevad juhtumid, kus puudub kahjutekitanu süü suurema ohu allikaga kahju tekitamises.

Kuid vastupidi kirjeldatud loogilisele järjekorrale on ENSV TsK § 462 lg. 1 (Aluste § 93 lg. 1) ülesehitus teistsugune. Esikohale on tõstetud kahju tekitamisest tu-

leneva kohustise tekkimine ilma kahjutekitanu süüta, nagu see mõnikord tööpoolest on suurema ohu allikaga kahju tekitamisel ENSV TsK § 458 järgi. Sel juhul saame rääkida kahju hüvitamise suuruse vähendamisest või kahju hüvitamisest keeldumisest ainult sõltuvalt kannatanu süü²⁸ astmest. Teisele kohale on paigutatud üldjuhtum, kõige sagedamini esinev, kahju tekitamisest tuleneva kohustise tekkimine kahjutekitanu süül, olgu siis kahju tekitatud tavavalises olukorras, kus kohaldamisele tuleb ENSV TsK § 448 lg. 1 või kahju tekitamine erilise vahendiga - suurema ohu allikaga, mispuhul tuleb kohaldamisele ENSV TsK § 458. Teisel juhtumil on vaja kahju hüvitamise suurust vähendada või kahju hüvitamisest keelduda sõltuvalt mitte üksnes kannatanu süüst (raske ettevaatamatuse vormis), vaid ka kahjutekitanu süü astmest²⁹. Ühine on mõlematel juhtudel vaid see, et kannatanu raske ettevaatamatuse puhul võib olenevalt asjaoludest kas kahju hüvitamise suurust vähendada või kahju hüvitamisest keelduda. Kannatanu poolt esitatud kahju hüvitamise nõude rahuldamine aga täies ulatuses ei ole õige. Kahjutekitanu süü vormi ja astme ning kannatanu raske ettevaatamatuse kindlakstegemisel tuleb kahjutekitanu süüd võrrelda kannatanu süüga ja kõiki asjaolusid arvesse võttes määrata, kui suures ulatuses tuleb kahju kahjutekitanu poolt hüvitada või siis kahju hüvitamisest keelduda.

Teoreetiliselts saab kahju hüvitamise kohustis kahjutekitanu poolt kannatanule tõusetuda ja sellise kohustise täitmine kahjutekitanu poolt kannatanule toimuda ainult seoses ühe isiku poolt teisele kahju tekitamisest tuleneva kohustise tekkimisega kas ENSV TsK § 448 või 458 alusel. Mõlemad kohustised (nagu igasugused kohustised) tuleb täita. Nende mittekohasele täitmisele või täitmata jätmisele järgneb oma kohustist rikkunud subjekti vastutus. Kui aga kannatanu ise on teise isiku poolt temale kahju tekitamises teatud ulatuses raske ettevaatamatuse vormis süüdi, siis jääb kahju selles ulatuses kannatanu enda kanda ja selles ulatuses nende vahel kohustist ei teki. Kohustis kahjutekitanu ja kannatanu vahel tekib ainult kah-

²⁸ Peetakse silmas süüd raske ettevaatamatuse vormis.

²⁹ Peetakse silmas tahtlust ja ettevaatamatust ning süü mõlemal vormel: ettevaatamatuse mõlemat astet - raske ja kerget.

ju selles ulatuses, mille kahjutekitanu on tekitanud ja mille ta ENSV TsK §-des 448 ja 458 loetletud tingimuste olemasolul on kohustatud kannatanule hüvitama. Nii et kannatanu süü korral pole tegelikult jutt mitte kannatanule maksmisele kuuluva hüvise vähendamisest (kohustist pole tekkinudki summa ulatuses, mille hüvitamisest keeldutakse), nagu nii mõnigi kord ENSV TsK § 462 lg. 1 redaktsioonist aru saadakse, vaid hoopis kahjutekitanu poolt kannatanule tekitatud kahju suuruse kindlakstegemisest, mille ulatuses tekib nende vahel kohustis ja milline summa tuleb kannatanule kohustise järgi hüvitada. Selline järeldus tuleneb otseselt ka ENSV TsK § 461 tõlgendamisest.

Ülaltoodust järeldub, et ENSV TsK §-s 462 lg. 1 formuleeritud säte kannatanu enda süü arvessevõtu kohta on üldnorm. See kuulub kohaldamisele, kui kannatanu enda raske ettevaatamatus soodustas temale kahju tekitamist või suurenemist nii temale kahju tekitamisel tavalistes tingimustes (ENSV TsK § 448) kui ka temale kahju tekkimist või suurenemist temale kahju tekitamisel erilise vahendiga - suurema ohu allikaga (ENSV TsK § 458). Kuid ka sel juhul, kui kahju on tekitatud suurema ohu allikaga selle valdaja süül, ei saa kohustis tekkida üheaegselt ENSV TsK §-de 448 ja 458 järgi ja sellel põhinev vastutus järgneda üheaegselt ENSV TsK §-de 448 ja 458 järgi, millele üheaegselt viitamist on nii mõnigi kord ENSV Ülemkohtu tsiviilasjade kohtukolleegiumi praktikas ette tulnud /11/. Üks ja seesama tegu ei saa üheaegselt olla tehtud nii tavalistes tingimustes kui ka erilise vahendiga. Ühe tähendatud paragrahvi kohaldamise võimalikkus teatud juhule välistab teise tähendatud paragrahvi samaaegse kohaldamise võimalikkuse samale juhule. Üks näeb ette kohustise tekkimise võimalikkuse ainult kahjutekitanu süü olemasolul, teine aga võimalikkuse nii kahjutekitanu süü korral kui ka süü puudumisel. Ja vastupidi: esimesel juhul, kui kahjutekitanu süü puudub, kohustist ei tekigi ja järelikult ei saa üldse rääkida mingist kahjutekitanu vastutusest; teisel juhul, kui kahjutekitanu süü kohustise tekkimiseks pole oluline ja kui kohustis tekkis ilma kahjutekitanu süüta, võib järgneda ka tsiviilvastutus. Mõlematel juhtudel tuleb vaieldamatult kohaldada ENSV TsK § 461 sätet, milles kohustatakse kahju eest vastutavat isikut hüvitama kahju ennekoike natuuras (antakse isegi natuuras hüvita-

mise mooduste näitlik loetelu), või hüvitama tekitatud kahju täielikult (minu sõrendus - E.L.) (§ 222) - peetakse silmas rahas. Sellepärast pole mingit alust arvata, et ENSV TsK § 458 ei näegi ette kahju täielikku hüvitamist, kuna selles paragrahvis puudub viide hüvitada kahju täies ulatuses, nagu see on ENSV TsK §-s 448 lg. 1 sõnaselgelt kirja pandud. Eesti NSV Ülemkohtu tsiviilasjade kohtukolleegium, jättes rahvakohtu otsuse muutmata, on korduvalt rõhutanud, et rahvakohus, tuginedes ENSV TsK §-le 458, on täiesti põhjendatult rahuldanud kahju täies ulatuses hüvitamise nõude /12/, olgugi et polegi viidatud ENSV TsK §-le 448 lg. 1. Kui soovitakse eriti rõhutada kahju täies ulatuses hüvitamist, võiks viidata ENSV TsK §-le 461. Sellised määrused kuuluksid kvalifikatsioonipuhutuse poolt kohtupraktika kullafondi.

9. Vigastuse või muu tervisekahjustuse tekitamise korral tervisekahjustusest tingitud kulutuste (tugevdatud toit, proteesimine, kõrvaline hoolitsus, kulutused eriraviks jm.) hüvitamisel (TsK § 463 lg. 1) ei võeta vastavalt NSV Liidu Ülemkohtu 23. oktoobri 1963. a. pleenumi määruse p. 16 lg. 6 antud sõnaselgele selgitusele /7, lk. 63/ arvesse kannatanu süü astet, olgugi et hüvise suuruse kindlaksmääramisel kannatanule oli seda arvesse võetud. Kui aga vigastuse või muu tervisekahjustuse tekitamise korral on kahju hüvitamisest keeldutud kannatanu enda raske ettevaatamatuse arvessevõtu tõttu, välja arvatud juhtum, kui hüvise väljamaksmine jäi ära pärast vigastust saadava töötasu tasaarvestuse tõttu, ei kuulu ka vigastusest või tervisekahjustusest tingitud täiendavad kulutused hüvitamisele.

10. Kannatanuks võib osutada kas ea (lapseealisuse) tõttu teovõimetu (ENSV TsK § 14 lg. 1) või vaimuhaiguse või nõrgamõistuslikkuse tõttu kehtestatud korras teovõimetuks tunnistatud (ENSV TsK § 17) kodanik. Et teovõimetu kodanik teisele isikule kahju tekitamisel juriidilises mõttes süüdi olla ei saa², siis ei saa teovõimetu kodanik olla süüdi ka selles, et teise isiku poolt temale kahju tekitamisel ta ise soodustas temale kahju tekkimist või selle suurenemist

² Erandi moodustavad vaid 14 - 15 aasta vanused lapseealised, kui nende tegu on kvalifitseeritav ENSV KrK §-s 10 mõne loetletud kuriteona. Siis loetakse need lapseealised antud kuriteo toimepanemises süüdiolivateks.

(ENSV TsK § 462 lg. 1). Et teovõimetu kodaniku mittekohast või mitteamurkat käitumist ei saa vaadelda süülisena, siis sätted kannatanu süü arvessevõtu kohta (ENSV TsK § 462 lg. 1) kohaldamisele ei kuulu. Seadus ei seosta teovõimetu kodaniku tegudega õiguslikke tagajärgi peale seaduses endas ettenähtud erandite. Ja neid erandeid on kaks:

1) Lapseealise õigus iseseisvalt teostada elukondlike pisitehinguid ning õigus sisse maksta hoiuseid krediitdiasutustesse ja nende käsutamise õigus NSV Liidu seadusandlusega sätestatud korras (TsK § 14 lg. 2 ja 3). Kirjanduses väidetakse, et oleks ebaõige eitada ka teovõime tuks tunnustatud kodaniku õigust teostada elukondlike pisitehinguid, mis on suunatud tema enda igapäevaste vajaduste rahuldamisele, kuigi seaduses seda sõnaselgelt märgitud pole /9/.

2) Et ENSV KrK § 10 lg. 2 loetletud kuritegude toimepanemise eest võidakse erandina võtta kriminaalvastutusele ka 14 - 15-aastaseid lapsealisi (14 - 15-aastaseid alaealisi), siis peavad nad ka nende kuritegude toimepanemises süüdi olema. Muidu ei saaks neid kriminaalvastutusele võtta. Sellest on tehtud erialases kirjanduses /13, lk. 131/ ja ka VNPSV kohtupraktikas järeldus /14, lk. 58/, et kohtul on õigus laskuda kannatanu, kes ei ole veel saanud 15-aastaseks, süü küsimuse arutelusse, välja arvatud juhtumid, kui "kahju tekitamine kannatanule on seotud tema poolt ENSV KrK § 10 lg. 2 loetletud kuriteo toimepanemisega" /14, lk. 58/.

11. Kehtiva seadusandluse järgi on igal teovõimetul kodanikul eestkostja. Praktikas esineb aga juhtumeid, kus eestkoste teovõimetu üle on millegi pärast jäänud seadmata. Lapseealiste puhul on igasugune eestkostja kohustatud teda kasvatama ja tema järele valvama. Nii mõnigi kord tõusetub teovõimetule kodanikule kahju tekitamisel, vanemate eestkostjaks olemise puhul aga eriti, küsimus eestkostja mitteküllaldasest järelevalvest eestkostetava üle, lapsealiste puhul aga ka nende mitteküllaldasest kasvatamisest, ja seoses sellesamaga küsimus eestkostja süü mõjust teovõimetu õigusele saada hüvist või saadava hüvise suurusle.

ENSV TsK §-s 462 lg. 1 (Aluste § 93) räägitakse kannatanu enda, s.o. kannatanu isiklikust süüst, mitte aga

tema esindaja süüst. Erialases kirjanduses on sellisele järeldusele jõutud juba ammu enne "Aluste" § 93 kehtestamist. Just kannatanu süü isikliku iseloomu tõttu ei saa vaadelda nende isikute süüd, kes on kohustatud lapseealist kasvatama ja tema järele valvama, või täisealise teovõimetu kodaniku puhul ainult tema järele valvama, lapseealise või täisealise teovõimetu kodaniku enda süüna. Õigesti märgivad L. Maidanik ja N. Sergejeva, et kuivõrd teovõimetu ei ole "juriidilise süü kandjaks, ei saa ta oma käitumisega luua (võtta) endale kohustusi ega jätta enast ilma talle seadusega antud õigusest /13, lk. 132/. Kõik taandub sellele, et eestkostja tegelikult ei ole kannatanu. Tema positsioon kaldub kahjutekitanu poolale, sest tema käitumisest oleneb kas täielikult või teatud ulatuses teovõimetule kodanikule kahju tekitamine. Tõusetub küsimus tema kaasamisest protsessi hoopis kahju hüvitajana kannatanule. Kui küsimus asetada nii, siis tuleb silmas pidada mitte ainult eestkostja rasket ettevaatamatust, vaid mõlemat tema süü vormi ja ettevaatamatuse mõlemat astet. Ainuke raskus tekib küsimuses, kes esineb protsessil haigeja esindajana. Teovõimetu kodanik ise vahetult haagejaks olla ei saa.

Eestkostja vastutuse probleem on tõusetunud õiguse teoorias ja kohtupraktikas juba ammu. Selle kallal on töötanud sellised tuntud teadlased nagu M. Magarkov /15, lk. 72/, B. Antimonov /5, lk. 123/, G. Sverdlov /16, lk. 121/, N. Malein /17, lk. 20/, A. Beljakova /18, lk. 18/ ja paljud teised nii varem kui ka käesoleval ajal. Nende arvamused probleemi lahendamise kohta aga lähevad üksteisest sageli kardinaalselt lahku. Refereerime alljärgnevas L. Maidaniku ja N. Sergejeva põhjal /13, lk. 133 - 135/ lühidalt kokkuvõetuna eelmainitud autorite jagunemist kolme põhisuunda.

Vanima seisukoha järgi (M. Agarkov, B. Antimonov jt.) loetakse kolmanda isiku poolt tekitatud ja järelevalvami- ses või kasvatamises süüdi oleva eestkostja poolt eestkostetavale tekkida lastud kahju nende poolt lapseealisele ühiselt tekitatuks, mis toob kaasa nende isikute kui ühiselt kahjutekitanute solidaarvastutuse. Need autorid ei räägi aga ei solidaarkohustise tekkimisest ega sellest, kuidas saab tekkida regressiõigus ülejäänud võlgnike vastu vastavates osades, kui solidaarkohustist pole tekki-

nud, samuti sellest, kuidas saab süü ilma eelnevalt solidaarkohustise tekkimiseta üle kanduda lapsealise eestkostjale, et ta hiljem kannaks vastutust vahetu kahjutekitanu ees.

Teise seisukoha järgi (G. Sverdlov, N. Malein jt.) ei ole õige kehtestada vaadeldavatel juhtudel vanemate kui eestkostjate tsiviilvastutust laste ees. See moonutavat kõige peamise, millega määratakse vanemate ja laste õigused ja kohustused.

Kolmanda seisukoha järgi (L. Maidanik, N. Sergejeva jt.) (seda võiks pidada kõige õiglasemaks ja perspektiivikamaks, tuleks lapsealiste järele valvamises või nende mitteküllaldases kasvatamises süüdi olevad vanemad kui eestkostjad (hagi läbivaatamisel lapsele kahju tekitamises) kaasata protsessi vahetu kahjutekitanu kõrval kostja poolt mitte kaaskostjana, vaid "omamoodi kolmanda isikuna" /13, lk. 133 - 135/. Arusaadav on ka põhjendus: niiviisi on tagatud lapse huvide kaitse, kellele väljamõistetava hüvise suurust ei vähendata vanemate (eestkostjate) süü tõttu, ja vajalikul määral kaitstud vahetu kahjutekitanu huvid. Viimasel on hiljem regressikorras õigus taotleda tema poolt hüvitatud kahju osa ülekandmist kannatanu vanematele kui eestkostjatele vastavalt nende süü astmele, sest samas protsessis vanematelt kui kolmandatelt isikutelt veel midagi välja mõista ei saa. Pealegi ei esine vanemad sel juhul protsessis oma laste eestkostjana, mis tõepoolest ei ole kooskõlas perekonnasuhete printsiipidega.

Selle seisukoha elluviimise takistused on protsessuaalset laadi: vanemad ei saa esineda protsessis samaaegselt lapsealise esindajana hageja pooltel ja kolmanda isikuna kostja pooltel. Ettepanek, kui asja läbivaatamisel tehakse kindlaks, et lapse tervisele kahjutekitamisel aitas kaasa ka vanemate kui eestkostjate süüline käitumine, tuleks neid lugeda kolmandaks isikuks kostja pooltel ja kaasata lapsealisesest kannatanu huvide kaitsjaks esindajana protsessi eestkoste- ja hooldusorgan, on senini jäänud seadustamata. Ka NSV Liidu Ülemkohtu pleenum ja liiduvabariikide ülemkohtute pleenumid pole kehtiva seadusandluse kohaldamiseks selles küsimuses mingeid selgitusi andnud. Eesti NSV kohtute praktikas nendes asjades vanemate kui eestkostjate süüd üldse ei arvestata ja vahetu kahjutekitanu on kohustatud hüvitama kogu lapsealisele tekitatud kahju

täies ulatuses. Põhjendus on siin selline: "ENSV TsK § 462 lg. 1 räägitakse kannatanu isiklikust süüst, lapsealistel aga juriidilises tähenduses süü puudub. Pealegi ei saa vanemaid lugeda kannatanuiks. Ainult sellise põhistusega nõustuda ei saa. Need suhted vajavad täpsemat õiguslikku reguleerimist ülalttähendatud soovitudest lähtudes.

KIRJANDUS

1. Халфина Р.О., Масевич М.Г. Популярный словарь-справочник по советскому гражданскому праву. - М.: Знание, 1983.
2. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983.
3. Laasik E. Loengud nõukogude tsiviilõigusest. - Tartu: S.M. 1971. - II.
4. Яичков К.К. Понятие смешанной ответственности // Сов. гос-во и право. - 1970. - № 10.
5. Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. - М.: Дрид. лит., 1950.
6. Halla K., Hint Ü. Töövigastustega tekitatud kahju hüvitamine. - Tallinn: Eesti Raamat, 1979.
7. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi ja Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi määruste valikokogu. - Tallinn: Eesti Raamat, 1977.
8. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / Под ред. Н.С. Братуся, Е.А. Флейшиц. - М.: Дрид. лит., 1962. - 37. - Комм. 3.
9. Комментарии к гражданскому кодексу РСФСР / Отв. ред. С.Н. Братусь, О.Н. Садилов. - 3-е изд., испр. и допол. (стереотипное издание). - М.: Дрид. лит., 1982. - 458. - Комм. 4.
10. Василец В. Грубая неосторожность потерпевшего при причинении вреда // Социалистическая законность. - 1976. - № 12.
11. Eesti NSV Ülemkohtu tsiviillasjade kohtukolleegiumi 26. aprilli 1983. a. määrus V. Venseli hagi Tallinna Ühendatud Katlamajade ja Sõjusevõrkude Direktsiooni vastu hüvise nõudmises: Toimik nr. 2-2/281-1983; 23. nov. 1982. a. määrus H. Knuti hagi J. Leontjevi vastu hüvise nõudmises: Toimik nr. 2-2/749-1982.

12. Eesti NSV Ülemkohtu tsiviillasjade kohtukolleegiumi 26. juuni 1984. a. määrus V. Kruusi hagi Kingissepa Rajooni Kommunaalettevõtete Kombinaadi vastu hüvise nõudmises; Toimik nr. 2-3 (63-1984; 10. juuli 1984. a. määrus V. Selesnjovi hagi tootmiskoondise "Estremrõbflot" vastu hüvise nõudmises. Toimik nr. 2-2/518-1984; 28. aug. 1984. a. määrus R. Tormi hagi ETKVL Koondise "Auto" vastu hüvise nõudmises; Toimik nr. 2-2/638-1984.
13. Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. - М.: Юрид. лит., 1968.
14. Сборник постановлений пленума Верховного Суда РСФСР 1961-1977. - М.: Юрид. лит., 1978.
15. Агарков М.М. Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда // Сов. гос-во и право. - 1940. - № 3.
16. Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве. - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
17. Малеин Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. - М.: Юрид. лит., 1962.
18. Белякова А.М. Ответственность за вред, причиненный малолетним и несовершеннолетним лицам. - Б. м.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ
ВРЕДА ДРУГОМУ ЛИЦУ И ПРИ НАЛИЧИИ ВИНЫ САМОГО
ПОТЕРПЕВШЕГО В ВОЗНИКНОВЕНИИ У НЕГО ВРЕДА

Э.Я. Лаасик

Р е з ю м е

Вред другому лицу может быть причинен не только виновным, а иногда и невиновным поведением причинившего вред, но и в результате виновного поведения самого потерпевшего. При вине причинившего вред всегда имеется в виду отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию и к наступающим в связи с этим последствиям, направленным на нарушение субъективного права другого лица. При вине же самого потерпевшего также налично отношение лица к его противоправному поведению и к наступающим в связи с этим последствиям, однако, оно не влечет за собой нарушения субъективного права другого лица, так как потерпевший сам нарушил общественное отношение, урегулированное правовыми нормами, управомоченным субъектом которого он является, он сам нарушил принадлежащее ему самому субъективное право.

Закон говорит о необходимости учета вины потерпевшего, если она выражается в форме грубой неосторожности.

Обязательство вследствие причинения вреда может возникнуть: а) без вины причинившего вред, как это в отдельных случаях бывает при причинении вреда источником повышенной опасности, по ст. 458 ГК ЭССР, или б) при вине причинившего вред, независимо от формы вины, по ст. 448 ГК ЭССР, нередко и по ст. 458 ГК ЭССР. В первом случае следует да и возможно принять во внимание только вину потерпевшего в форме неосторожности, степень которой грубая, что, учитывая конкретные обстоятельства, может служить или основанием для уменьшения размера возмещения, или, как при вине потерпевшего в форме умысла, быть основанием для отказа в возмещении вреда. Во втором случае необходимо учитывать также в вину причинившего вред в обеих формах и в их степенях.

Если, кроме возмещения вреда потерпевшему, необходимо еще возместить потерпевшему дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья, то при определении размера последних, вина потерпевшего не учитывается. Но если во взыскании возмещения отказывают из-за грубой неосторожности самого потерпевше-

го, не подлежат возмещению и дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья.

Высказано мнение, что если потерпевшими являются недееспособные, то при возмещении вреда им положения о вине потерпевшего применению не подлежат. Нельзя также рассматривать вину лица, которое обязано было воспитать малолетнего и осуществлять надзор за совершеннолетним недееспособным гражданином, но не сделало это по грубой неосторожности или даже умышленно, виной недееспособного, так как закон говорит о вине самого потерпевшего. Эти лица потерпевшими не являются.

ÕIGUSTERMINOLOOGIAST SÜSTEEMSUSE ASPEKTIST^{*}

P. Kask

Kõneldes terminoloogiast kui teatud eriala oskuskeele sõnavarast, on tarvilik eelkõige silmas pidades, et selle sõnavara näol ei ole meil tegemist mitte meelevaldselt grupeeritud, juhusliku iseloomuga oskussõnade kogumiga, vaid teatud kindlapiirilise terminite süsteemiga. Sellepärast defineeritaksegi terminoloogiat, muuhulgas ka ENE-s, kui oskuskeele ehk erialakeele terminite süsteemi.

See põhimõtte kehtib täiel määral ka õigusterminoloogia kohta, mis kujutab endast samuti teatud kindlat terminite süsteemi, milles igal terminil on oma koht ja seosed teiste selles süsteemis sisalduvate terminitega. Siit tuleneb väga oluline praktiline järeldus terminoloogiatöös - kui me arutame ühe või teise terminirühma sobivust kasutamiseks, mõne termini eelistamist teisele, mõne uue termini kasutuselevõtmist või mõnda muud terminoloogilist küsimust, siis ei tohi me seda teha isoleeritult, arvestamata neid seoseid, milles asub vaadeldav termin või terminite rühm õigusterminite üldises süsteemis. Et õigusterminite üldine süsteem hõlmab hulgaliselt terminoloogilisi allsüsteeme, siis üksikterminite puhul huvitavad meid eelkõige need seosed, mis kehtivad vastavates allsüsteemides.

Tekib küsimus: kuidas kindlaks määrata seda terminite allsüsteemi, kuhu kuulub meid konkreetsel juhul huvitav termin, ehk teiste sõnadega: milliste terminitega võrrelda ja kooskõlastada meid huvitavat terminit.

Siin aitab meid terminoloogia teise põhimõtte silmaspidamine, nimelt: termin tähistab mingit mõistet, on selle sõnaliseks ekvivalendiks, terminite süsteem tähistab aga teatud mõistete süsteemi. Õigusterminoloogia tähistab seega õigusmõistete süsteemi. Järelikult ei ole õigusterminoloogia iseseisev süsteem, vaid õigusmõistete süsteemi terminoloogiline peegeldus, kajastab seda süsteemi ning vastab sellele süsteemile. Ka õigusmõistete süsteem ei ole

^{*} Ametkondadevahelise seadusandlike aktide terminoloogiakomisjoni õigusterminoloogia konverentsil 20. V 1981 a. peetud ettekande lühendatud tekst.

läseseisv süsteem, see peegeldab omakorda õigusnähtuste süsteemi ning vastab viimasele.

Seega võime konstateerida kolme omavahel seotud süsteemi olemasolu: õigusnähtuste süsteem, õigusmõistete süsteem ja õigusterminite süsteem ehk õigusterminoloogia.

Õigusnähtuste süsteem on aluseks nii õigusmõistete kui ka õigusterminite süsteemile. Teatavasti moodustavad õigusnähtused ühe tervikliku süsteemi teiste ühiskondlike nähtuste hulgas, kusjuures see õigusnähtuste süsteem sisaldab endas terve hulga erineva iseloomu, suuruse ja asetusega allsüsteeme. Nendele allsüsteemidele vastavadki õigusmõistete ja õigusterminite allsüsteemid.

Ideaalne oleks, kui iga õigusnähtuse kohta oleks õigusmõiste ja iga õigusmõiste tähistamiseks oleks vastav termin. Tegelikult see nii ei ole ja see ei olegi saavutatav. Ühiskonnaelu arenedes lakkab osa õigusnähtusi eksisteerimast, samaaegselt tekib pidevalt juurde uusi. Uute õigusnähtuste tunnetamise protsess, nende kohta mõistete väljakujundamine jääb alati maha nende nähtuste tekkimisest. On aga ka õigusnähtusi, mille olemasolu on juba pikka aega teada, kuid ikkagi puudub vastav mõiste (nt. ühine omandiõigus). Samuti ei ole mitmete õigusmõistete tähistamiseks leitud pikka aega õnnestunud terminit (nt. majavaludus). Kui õigusnähtuse kohta puudub mõiste, küll on aga olemas vastav termin, siis sel juhul tähistatakse terminiga vahetult õigusnähtust. Õigusterminite sellist kasutamist võib täheldada ka juhtudel, kui õigusnähtuse kohta on mõiste olemas.

Kui me mõõname, et õigusmõistete mittetäielik vastavus õigusnähtustega on objektiivselt põhjendatud, siis seda ei saa öelda, kui õigusmõistete kohta puuduvad terminid või kui need on küll olemas, kuid omavahel kooskõlastamata ja vastuolulised. Siin on terminoloogiatööks avar tööpõld. Terminoloogiatöö oskusliku korraldamisega on õigusmõistete ja õigusterminite kooskõlla viimine reaalselt täidetav ülesanne.

Süsteemsus seoses õigusterminoloogiaga ei piirdu aga õigusnähtuste, -mõistete ja -terminite süsteemide omavahelise vahekorraga.

Nagu öeldud, sisaldab õigusterminite üldine süsteem hulgaliselt allsüsteeme, mis vastavad õigusnähtuste ja õigusmõistete allsüsteemidele ja milledeks eksisteerivad seo-

sed on olulise tähtsusega üksikterminite kujundamisele. Millised need allsüsteemid on?

Õigusterminite üldist süsteemi võib iseloomustada kui ühiskonnaelu õigusliku reguleerimisega seotud terminite süsteemi, ehk teiste sõnadega - nagu õigusteoorias on kombeks öelda - ühiskondlike suhete õigusliku reguleerimisega seotud terminite süsteemi. See terminite süsteem vastab õigusnähtustele ja õigusmõistetele, mis on seotud ühiskondlike suhete õigusliku reguleerimisega. Kõige üldisemas plaanis on nendeks nähtusteks reguleeritavad ühiskondlikud suhted, õigusnormid, õigussuhted, subjektiivsed õigused ja juriidilised kohustused, subjektiivsete õiguste teostamine ja juriidiliste kohustuste täitmine ning õiguslik vastutus. On õigustermineid, mis tähistavad kõigi ühiskondlike suhete õigusliku reguleerimisega seotud õigusmõisteid ja -nähtusi, suurem osa õigustermineid moodustavad aga allsüsteeme vastavalt sellele, millise iseloomuga ühiskondlike suhete reguleerimisega on tegu. See tähendab, et õigusterminite allsüsteemide kõige üldisem kujunemine toimub analoogiliselt õigusharude moodustamisega - kriteeriumiks on mõlemal juhul reguleeritavad ühiskondlikud suhted. Nii kujuneb varaliste ja isiklike mittevaraliste suhete õigusliku reguleerimise käigus tsiviilõigus kui õigusharu ning tsiviilõiguse terminoloogia; töösuhete õigusliku reguleerimise käigus tööõigus kui õigusharu ja tööõiguse terminoloogia; haldussuhete õigusliku reguleerimise käigus haldusõigus kui õigusharu ja haldusõiguse terminoloogia jne. Kõikidel juhtudel kehtivad õigusliku reguleerimise üldised põhimõtted ja neid tähistavad üldised terminid, lisaks sellele avaldub aga igal erijuhul reguleerimise esemest tulenev spetsiifika nii reguleerimise iseloomus kui ka vastavas terminoloogilises allsüsteemis.

Edasine terminoloogiline allsüsteemide kujunemine toimub õigusharudesiseselt vastavalt reguleerimiseseme edasisele diferentseerimisele õigusinstituutide kaupa: tsiviilõiguses näiteks omandusõigusinstituut ja omandussuhete õigusliku reguleerimise terminoloogia, kohustisõigusinstituut ja vahetussuhete õigusliku reguleerimise terminoloogia, pärimisõigusinstituut ja pärimissuhete õigusliku reguleerimise terminoloogia. Ka siin avaldavad õigusliku reguleerimise üldised põhimõtted koos üksikute õigusinsti-

tuutide spetsiifikaga ühist mõju õigusmõistete ja -terminite allsüsteemide ühtsele kujunemisele.

Ühiskondlike suhete õigusliku reguleerimise mehhanism kui teatud süsteem on kõigil neil juhtudel ühesugune.

Õigusliku reguleerimise mehhanismiga seotud õigusnähtuste ja neile vastavate mõistete kui süsteemide mitteametamine nii üldises plaanis kui ka üksikute reguleeritavate ühiskondlike suhete alalike kaupade on toonud endaga kaasa mitmeid negatiivseid tagajärgi õigusterminoloogias tervikuna, samuti selle üksikutes allsüsteemides.

Kõige ilmekamalt väljenduvad need tagajärjed õigus-teaduse 1971. a. sõnastikus^x. Sellest on välja jäänud hulganisti õigusteaduse mõistete süsteemidele vastavaid põhilisi termineid, ilma milleta ei saa kõnelda terviklikust õigusterminite süsteemist. Nii puuduvad sõnastikus õigusteaduse üldteooria valdkonda kuuluvad terminid: õigusliku reguleerimise mehhanism, õigusliku reguleerimise meetod, õigussuhte koosseis, õigussuhte element, õigussuhte subjekt, õigussuhte sisu, subjektiivne õigus, subjektiivse õiguse teostamine, juriidiline kohustus, juriidilise kohustuse täitmine, õiguslik vastutus jne. Tsiviilõiguse valdkonnast puuduvad sõnastikus näiteks omandussuhe, omandus-õigussuhe, omandusõigussuhte õigustatud subjekt, omandus-õigussuhte kohustatud subjekt, sotsialistlik omandusõigus, eraomandiõigus, riigi omandiõigus, individuaalne omandiõigus, abikaasade ühisomandiõigus, omandiõiguse teostamine. Sama olukord valitseb sõnastikus kriminaalõiguse terminite hulgas. Näiteks kümnest põhi- ja lisakaristuse liigist puudub selles neli: vabadusekaotuseta paranduslik töö, vanemlike õiguste äravõtmine jt. Samuti puuduvad terminid: kohtulik karistus, karistuse ärakandmine, kriminaalseadusandlus, ühiskonnaohtlikkus jne.

Õigusnähtuste ja neile vastavate mõistete süsteeme silmas pidades on õigusterminite süsteem põhimõtteliselt lihtsalt konstrueeritav ja selles olevad lüngad hõlpsasti kindlaks määratavad. Ja viimast mitte ainult terminite vailiku, vaid ka neile sisulise tähenduse andmise aspektist. Nii on tekitanud arusaamatusi ülalnimetatud sõnastiku koostamisel, NSV Liidu konstitutsiooni eestikeelse tõlketeksti

^x Eesti-vene, vene-eesti õigusteaduse sõnastik. - Tallinn, 1971.

redigeerimisel, Eesti NSV konstitutsiooni koostamisel ja isegi ametkondadevahelise õigusterminoloogia komisjoni koosolekul (kõnelemata muudest kirjalikest ja suulistest erialastest ülesastumistest) terminite o m a n d u s ja o m a n d erinevas tähenduses kasutamine. Need arusaamatused rajanevad sisuliselt omandussuhete ja nende suhete objekti (asjade, vara) kui ühiskondlike nähtuste ühe süsteemi erinevate koostiselementide mitteeristamisel, samuti süsteemide n ä h t u s e d - m õ i s t e d - t e r m i n i d omavaheliste, üksteisest sõltuvate seoste mittearvestamisel.

Terminite süsteemi sõltuvus mõistete ja nähtuste süsteemidest eeldab viimaste tundmist ja arvestamist terminoloogiatöös. Sellel tõsiasjal põhineb ka spetsialistide ja keeleteadlaste koostöövajadus terminoloogia korrastamisel. Ühtmoodi taunitavad on siin nii keelereeglite ignoreerimine kui ka erialaste põhimõtete mittearvestamine. Kujukaks negatiivseks näiteks on selles suhtes tsiviilõiguse termini i s i k l i k o m a n d i õ i g u s ebaõige kasutamine "Eesti NSV tsiviilkoodeksis" (§-des 109 - 112) ja õigusteaduse 1971. a. oskussõnastikus (lk-del 35 ja 182) kolmesõnalise terminina i s i k l i k u o m a n d i õ i g u s , mis loob eksliku mulje, nagu oleks isiklikul omandil õigus.³ Põhjustas selle termini väärkuju põhimõtteliselt õige keelereegli kohaldamine, ilma et oleks arvestatud objektiivse ja subjektiivse õiguse olemasolu ning subjektiivse õiguse kohta väljakujundatud põhimõtteid.

Õigusterminoloogia edasiarendamisel ja korrektse erialakeele juurutamisel on suur osatähtsus õigusteaduse oskussõnastikel. Vaatamata selles esinevatele puudustele on olulist positiivset rolli etendanud ka 1971. a. õigusteaduse oskussõnastik. Selle sõnastiku ilmumisest on aga tänaseni möödunud küllalt soliidne ajavahemik, mille kestel õigusteadus ja õigusterminoloogia on märgatavalt edasi arenenud. Sellepärast on aeg hakata kavandama uue õigusteaduse oskussõnastiku väljaandmist.

Uus väljaanne ei tohiks aga piirduda olemasoleva sõnastiku vigade parandamisega ja terminite täiendava sisse-

³ Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi 29. aug. 1985. a. seadlusega "Muudatuste ja täienduste tegemise kohta "Eesti NSV tsiviilkoodeksis"" on see viga TsK-s parandatud.

võtmisega. See peaks kujunema kvalitatiivselt uuetasemeliseks sõnastikuks, mis suudaks rahuldada praegusaja ja lähema paarikümne aasta jurisprudenti vajadusi. Olemasolev sõnastik on koostatud teatavasti kakskeelsuse põhimõttel (eesti-vene, vene-eesti) ilma mõistelistel selgitusteta. See on terminoloogiasõnastiku üks kõige lihtsamaid variante.

Arvestades nõukogude õigusteaduse ja õigusteadlaste kontaktide sagenemist rahvusvahelisel tasandil ning sotsialistliku õiguse levikugeograafiat, oleks täiesti põhjendatud seada eesmärgiks kolmekeelse - eesti-vene-saksa - oskussõnastiku koostamine. Võrdväärseks eesmärgiks sellele oleks terminite varustamine mõistelistel selgitustega, mis muudaks sõnastiku vajalikuks käsiraamatuks ka laiale lugejaskonnale väljaspool juristide peret.

О ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АСПЕКТЕ СИСТЕМНОСТИ

П.П. Касья

Р е з ю м е

Статья представляет собой сокращенный доклад, представленный на межведомственной правовой терминологической конференции Эстонской ССР. В ней подчеркивается, что правовые термины составляют единую систему, которая отражает соответствующие системы правовых понятий и правовых явлений. Поэтому, решая какой-то вопрос в связи с конкретным правовым термином или подсистемой этих терминов, следует учитывать их место и взаимосвязи в общей системе правовых терминов, а также в системе правовые явления - правовые понятия - правовой термин. Это требование действует и в отношении совершенствования системы правовых терминов в целом.

В аспекте системности в статье делаются критические замечания в отношении эстонско-русского, русско-эстонского терминологического словаря и обосновывается необходимость издания нового терминологического словаря правоведения в более усовершенствованном виде.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Х. С Е П П. Осуществление права на раздел жилого помещения.	3
Э. П Л О О М. Об обеспечении исполнения договоров строительного обслуживания.	26
П. В А Р У Л. Об осуществлении принципа вины при гражданско-правовой договорной ответственности юридических лиц.	49
Ю. Р А Й' Д Л А. Правовая природа обязательств, возникающих вследствие причинения вреда механическим транспортным средством.	63
Х. П И З У К Е. Совершенствование законодательства о правовом положении архитекторов и других творческих работников. ...	91
Л. А У В Я Э Р Т, М. Т А М М. Некоторые правовые проблемы договора внедрения.	100
П. К А С Ь К. О защите субъективного гражданского права при множественности управомоченных субъектов.	113
Х. С Е П П. К вопросу об ответственности хранителя в силу закона.	132
Э. П Л О О М. О защите прав граждан — заказчиков по договорам бытового обслуживания.	143
E. L A A S I K. Teisele isikule kahju tekitamisest tuleneva kohustise tekkimine kahju tekkimises kannatanu enda süü olemasolul	165
Э. Л А А С И К. Возникновение обязательства вследствие причинения вреда другому лицу и при	

наличии вины самого потерпевшего в возникновении у него вреда. Резюме.	179
P. K A S K. Õigusterminoloogiasüsteemse aspektist	181
П. К А С Ъ К. О правовой терминологии в аспекте системности. Резюме.	186

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 782.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТЕЙ В ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ.
Труды по правоведению.
На русском и эстонском языках.
Резюме на русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор Л. Саарнитс.
Корректоры Л. Оноприменко, Л. Яго.
Подписано к печати 9.07.1987.
МВ 06973.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 7,74. Печатных листов II,75.
Тираж 500.
Заказ № 619.
Цена I руб. 60 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.